

III

Проф. С. В. Троицкий

**О НЕПРАВДЕ
КАРЛОВАЦКОГО РАСКОЛА**

**РАЗБОР КНИГИ ПРОТ. М. ПОЛЬСКОГО
«КАНОНИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ВЫСШЕЙ ЦЕРКОВНОЙ ВЛАСТИ
В СССР И ЗАГРАНИЦЕЙ»**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Среди довольно многочисленной литературы в защиту Карловацкого раскола, видное место занимает книга:

ПРОТОИЕРЕИ М. ПОЛЬСКИЙ, "КАНОНИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ВЫСШЕЙ ЦЕРКОВНОЙ ВЛАСТИ В СССР И ЗАГРАНИЦЕЙ", Типография Пр. Иова Почаевского в св. Троицком монастыре, 1948, Jordanville, U. S. A.

Как имя автора, так и самая книга могут произвести благоприятное впечатление на обычного, недостаточно осведомленного читателя. Из краткой биографии автора ¹⁾ видно, что протоиерей Михаил Польский окончил Ставропольскую Духовную Семинарию, где был учеником известного миссионера Д. И. Боголюбова, который подготовил его к миссионерской деятельности²⁾; до 1930 г. о. Михаил жил в СССР, в 1923 году просидел 4 месяца в Бутырской тюрьме, три года провел в Соловецком лагере, был сослан в Зырянский край, откуда через Персию пробрался в Иерусалим, где тогда начальником Русской Духовной Миссии был архиепископ Анастасий. В Иерусалиме о. Польский в 1931 году, издал резкий памфлет против церковной политики Митрополита Сергия, под заглавием: "Положение Церкви в Советской России. Очерк бежавшего из России священника". Из Палестины в 1938 году протоиерей Польский перебрался в Лондон, а оттуда в 1948 году, в Америку, где и в настоящее время состоит в клире Карловацкого раскола, возглавляемого Митрополитом Анастасием.

Таким образом, автор книги имел возможность непосредственно ознакомиться с положением Православной Церкви в СССР, что, конечно, придает авторитетность его книге в глазах читателей-эмигрантов, такой возможности обычно не имеющих.

Нужно сказать, однако, что непосредственная осведомленность автора с жизнью Церкви в СССР была далеко неполной. Под советским режимом Православная Церковь живет уже более сорока лет, а о. Польский прожил в Советской России только тринадцать лет, то-есть менее третьей части, так что крупные перемены в положении и строе Церкви после 1930 года, могли стать ему известны только по-наслышке и из указанной

¹⁾ «К юбилею о. Михаила Польского», «Православная Русь», 1955, № 19, стр. 6.

²⁾ Нужно, однако, заметить, что «идеология о. Польского подверглась суровому и справедливому осуждению в статье его учителя: Прот. Димитрий Боголюбов, «Архиерейский Собор за границей», «Журнал Московской Патриархии», 1946, № 9, стр. 74-76.

в конце его книги, бедной и односторонней по большей части, журнальной литературы. Да и проведенные в СССР годы, после 1923 года, — сначала в заключении, а потом в ссылке, — были оторваны от общего течения церковной жизни, и его взгляды на эту жизнь определились, прежде всего, его первоначальной деятельностью миссионера царского времени, обязанного защищать тогдашний государственный и церковный строй со всеми его недостатками. А катастрофические события, тяжелые переживания первых лет революции и пребывание в клире Карловацкого раскола, — укрепили его убеждение в оправданности этого строя и необходимости его восстановления.

Защите этого взгляда и посвящена литературная деятельность автора, и разбираемая довольно обширная (196 страниц мелкой печати) книга, подводя итоги его аргументации, является самой подробной апологией Карловацкого раскола, пользуется у карловчан-“анастасиевцев” большим авторитетом, как своего рода их “символическая книга” и играет видную роль в их пропаганде, соблазняя доверчивых и мало-осведомленных русских людей, увлекая их на гибельный путь откола от Матери-Церкви и измены родному народу. И вот, как “последний из могикан”, — русских канонистов старого времени, и как человек, имевший в свое время возможность непосредственно ознакомиться с возникновением и историей Карловацкого раскола, мы считаем своим нравственным долгом, раскрыть неправду и недобросовестность книги о. Польского, и тем помочь соблазненным ею избавиться от соблазна, — и предотвратить от него новые жертвы.

Книга о. Польского делится на три части: I. Канонический период, II. Неканонический период и III. Заграничные пути. Каждая часть поделена на главы с общей нумерацией, а в каждой главе есть несколько подзаголовков, уже без нумерации. В разборе книги, будем, в общем, следовать плану автора. А так как о. Польский иногда повторяет в книге свои обвинения, то, — опровергая их, — и нам неизбежно придется, при этом, повторяться.

О. Польский пытается доказать два основных положения: — каноничность высшего управления Карловацкой организации, и неканоничность Московской Патриархии после декларации Митрополита Сергия от 29/VII-1927 года. Но, вместо того, чтобы сначала обосновать каноничность той церковной организации, к которой он принадлежит, о. Польский, очевидно, руководясь принципом, что нападение есть лучший способ самозащиты, — в двух первых частях своего труда, подробно обсуждает вопрос, каким образом каноническое устройство Русской Церкви, будто-бы, превратилось в неканоническое, и только в третьей и последней части пытается доказать каноничность управления Карловацкой группировки и неканоничность всех других русских церковных образований за границей.

Рассмотрим-же, насколько соответствуют канонам и фактам эти два его положения.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

В четырех главах первой части своего труда, озаглавленной “К а н о н и ч е с к и й п е р и о д”, автор рассматривает следующие вопросы: 1) Авторитетность Всероссийского Собора 1917—1918 г.г., 2) Правильность единоличного управления Церковью и преемства власти в ней путем завещания, 3) Правильность церковной децентрализации, 4) Ошибки Патриарха Тихона и 5) Оценка деятельности Митрополита Сергия до декларации о легализации.

1. Авторитетность Всероссийского Собора

Карловацкая организация, не существовавшая до 1920 года, возникла тогда, когда Русская Церковь руководилась постановлениями Собора 1917-1918 г.г. и возглавлялась, избранным этим Собором, Патриархом Тихоном. Но юридическая аксиома, усвоенная и каноническими памятниками Православной Церкви, гласит: “Никто не может дать другому права, которого не имеет сам”³⁾, а потому, право на каноническое существование Карловацкая организация могла получить только от канонически-правильного Управления Русской Церкви. Поэтому, защищая каноничность Карловацкой организации, о. Польский защищает и безусловную обязательность постановлений Собора 1917-1918 г.г. и, прежде всего, постановлений, направленных против Советской власти. Свою книгу он начинает с утверждения, что организация этого Собора основывалась на канонах Вселенской Церкви (стр. 6). Но, ведь Собор этот состоял не из одних епископов, а в громадном большинстве из клириков и мирян. Между тем, каноны знают только соборы, состоящие из одних епископов⁴⁾. Автор оговаривается, что “участие клириков и мирян на Российском Соборе не урезывало высших прав епископата, который все решения общих собраний ревьювал и утверждал на своих особых совещаниях”. Однако, если решения общих собраний нуждались в утверждении, то, значит, постановления общих собраний не были решениями в соб-

3) «Како бо даст иному, егоже сам не имать», гласит 82 правило Номоканона при Большом Требнике. То-же самое писал в конце XIV века русский митрополит Киприан игумену Афанасию (Русская Историческая Библиотека, СПб, 1880, т. VI, столб. 257).

4) И сам о. Польский, на стр. 192 своей книги, пишет, что Собор зарубежных архиереев был законным и истинным по составу, т а к к а к состоял из одних епископов.

ственном смысле, а были лишь предложениями со стороны таких собраний, Епископскому Совещанию; и общие собрания, на самом деле, были не заседаниями Собора, а лишь совещаниями епископов, клириков и мирян, тогда как заседаниями Собора, в каноническом смысле, были лишь епископские совещания.

Такой, неизвестный канонам, состав Собора 1917-1918 г.г., влиял и на характер его постановлений, иногда сходящих с канонической, на чисто политическую почву. Среди членов Собора — мирян — было не мало членов Государственного Совета, Государственной Думы и других государственных и общественных учреждений, привыкших решать не церковные, а государственные вопросы, враждебно относившихся к Советской власти и смотревших на Собор, как на замену несостоявшегося Учредительного Собрания; а их хорошее знакомство с техникой разного рода собраний, навык к ораторским выступлениям, — давали им руководящую роль на общих собраниях Собора, тогда как Епископское Совещание, морально связанное своим участием в постановлениях общих собраний, не нашло возможным кассировать политические постановления таких собраний. Но, на эти постановления никак нельзя смотреть, как на голос Православной Русской Церкви, никак нельзя относить к ним обетования Основателя Церкви об Его присутствии на собраниях “во имя Его” (Мф. 18,20), — а не во имя “Кесаря”, — и о ниспослании Им, наставляющего на всякую истину, Духа Истины (Иоан. 16, 13), “благодатию Которого, правда иереями⁵⁾ Христовыми и зрится разумно, и содержится твердо” (Каноническое послание Карфагенского Собора к Келестину, папе Римскому).

Авторитетное свидетельство того, что Собор 1917-1918 г.г. иногда сходил на политическую почву, дает сам его председатель, Святейший Патриарх Тихон. В своем “Обращении к пастве” от 28 июня 1923 года, он пишет:

“Если я, в первый год существования Советской власти, допускал иногда резкие выпады против нее, то делал это и с к л ю ч и т е л ь н о вследствие своего воспитания и г о с п о д с т в о в а в ш е й на бывшем тогда С о б о р е о р и е н т а ц и и ”.

2. *Правильность единоличного управления Церковью и преемства власти в ней путем завешания

Ошибочна и оценка автором единоличного управления Церковью, сменившего период ее соборного управления.

Как известно, после окончания Собора в октябре 1918 г., полнота власти в Русской Церкви была усвоена ее первоиерарху, — Патриарху или его Местоблюстителю, назначаемому единолично Патриархом.

⁵⁾ Как и в других канонах, например, в 19-ом каноне Сардикийского Собора, слово «иерей» имеет здесь смысл епископа.

О. Польский доказывает, что единоличное управление Церковью несогласно с определением Собора от 7/ХІІ-1917 года, об управлении Церковью Патриархом совместно со Священным Синодом и Высшим Церковным Советом, а что порядок единоличного назначения Местоблюстителя, противоречит 23-му канону Антиохийского Собора и определению Всероссийского Собора от 10/VIII-1918 года, п. 1-3, но находит, что эти неправильности были устранены впоследствии, так как: 1) право единоличного управления и назначения себе преемника, было дано Патриарху законным органом церковного управления, В. Ц. Управлением, — постановлением от 20/XI-1920 года № 362, и 2) такой порядок был подтвержден согласием всего епископата. Между тем, единоличное управление Церковью Митрополитом Сергием, после его декларации 1927 г. было, по мнению о. Польского, неканоничным, так как он совершенно не считался с мнением епископата.

— Все эти рассуждения совершенно ошибочны.

Состоящее из Патриарха, Св. Синода и В. Ц. Совета, — Высшее Церковное Управление, как власть исполнительная, не имело права нарушать строй церковного управления, установленный законодательной властью — Собором и, на самом деле, эти коренные изменения в церковном управлении, были произведены вовсе не В. Ц. Управлением, а самим Всероссийским Собором; о. Польский или не знает, или намеренно замалчивает тот факт, что право единоличного управления Церковью и назначения Местоблюстителя, было дано Патриарху Собором еще в начале 1918 года.

Советская власть, вначале, не проявляла недовольства к Церкви и, в частности, к ее Собору, и даже выдала два миллиона рублей на содержание этого Собора⁶⁾, но недовольное декретом об отделении Церкви от Государства от 23/I-1918 г., соборное большинство само решило начать борьбу с властью и, опасаясь репрессий, сделало на заседании от 25/I-1918 года, следующее постановление:

— “В случае болезни, смерти и других печальных для Патриарха возможностей, предложить ему избрать нескольких блюстителей патриаршего престола, которые в порядке старейшинства и будут блюсти власть Патриарха и преемствовать ему” (“Церковные Ведомости, издаваемые при Святейшем Правительствующем Синоде”, 1918, № 3-4, стр. 160, столб. 2). И совершенно неверно, будто единоличное назначение блюстителя патриаршего престола противоречит 23-му правилу Антиохийского Собора. Если бы это было так, то ни постановление Всероссийского Собора, ни согласие епископата Русской Церкви не могло-бы оправдать такой порядок, так как ни одна Поместная Церковь не вправе нарушать каноны, постановленные или

⁶⁾ См. «Обращение члена Всероссийского, Ставропольского и Всеамериканского Соборов... протоиерея Владимира Востокова» (Карловацкой юрисдикции) по поводу Определения Арх. Синода о созыве Русского Всеамериканского Собора с мирянами 1 августа 1938 года, стр. 12.

утвержденные Вселенской Церковью. На самом деле, это правило говорит не об административном акте назначения Местоблюстителя, а о литургическом акте таинства хиротонии, что ясно видно из толкований этого правила канонических толкователей Зонары и Вальсамона⁷⁾, каковое таинство, по справедливому утверждению тех-же толкователей, является и важнейшим актом церковного управления⁸⁾.

Неверна мысль о. Польского, что новый порядок церковного возглавления получил законность благодаря, отчасти, постановлению Высшего Церковного Управления от 20/XI-1920 года, а главным образом, благодаря согласию епископата. Мы уже видели, что, на самом деле, такой порядок был создан определением Всероссийского Собора от 25/I-1918 года, каковое, — как выражение воли верховного органа власти Русской Церкви, — ни в каком подтверждении не нуждалось, и самое постановление В. Ц. Управления от 20/XI-1920 года, основывалось на этом определении Собора и было лишь его применением к тогдашним условиям церковной жизни.

Не имело конститутивного значения для нового порядка и согласие епископата. Как установленный Собором, такой порядок был законен и обязателен и до выражения епископами своего согласия на него, а выражая свое согласие с таким порядком, епископы лишь констатировали его законность и свое послушание соборному определению. Поэтому, ни сам Патриарх, ни его Местоблюстители, не испрашивали согласия епископата на свое управление Церковью. Если Митрополит Сергей и обращался к епископату с циркулярными посланиями, то все не для того, чтобы получить от него право на местоблюстительство, а только для предотвращения раскола и для выяснения неправильности притязаний (на местоблюстительство) узурпаторов.

Наконец, нельзя считать, как это делает о. Польский (стр. 8), единоличное назначение Местоблюстителя канонически-неправильным и потому, что сами каноны (I Всел. 2, и др.) допускают, в случае "нужды" (*vis major*), временное отклонение от канонической нормы; а такой порядок назначения Местоблюстителя и был вызван именно "нуждой", невозможностью обеспечить законное преемство власти другим образом, и имел временный характер.

3. Значение церковной децентрализации

Рассуждения о. Польского, относительно упомянутого Постановления 1920 года о церковной децентрализации, обнаруживают истинные мотивы его воззрений. Постановление это

⁷⁾ Афинская Синтагма III, 466: «χειροτονειν», «χειροτονήσαι», «χειροτονίαν» «χειροτονήσαντα».

⁸⁾ Зонара, в толкований на 6 канон I Вселенского Собора, Аф. Синтагма, II, 129; Властарь E, 11; Аф. С. VI, 254.

было делом горькой необходимости. Его цель, вовсе не в признании нормальности церковной децентрализации, а как наоборот, — в восстановлении централизации, требуемой канонами, начиная с 34-го апостольского правила. Постановление это, дважды напечатанное в органе Карловацкого Синода, в этот период носившем то-же наименование, как и орган самой Русской Церкви (“Церковные Ведомости”, 1922, № 1 стр. 2-3 и 1927, № 17-18, стр. 6-7), допускает децентрализацию только “в случае, если Св. Синод и В. Ц. Совет прекратят свою деятельность” (ст. 1), “если епархия вследствие передвижения фронта, изменения государственных границ, и тому подобного, окажется вне в с я к о г о общения с В. Ц. Управлением, или само В. Ц. Управление прекратит свою деятельность” (ст. 3), и т. д.

Таким образом, Постановление допускает децентрализацию только в случаях, когда *vis major*, или, выражаясь каноническим термином, “нужда”, — делает невозможным дальнейшее существование централизации в том ее виде, как она была установлена Всероссийским Собором.

Но, Постановление вовсе не допускает отказа от канонического начала централизации, а требует, чтобы централизация была восстановлена в возможных при данных условиях формах: — в виде обращения непосредственно к Патриарху (ст. 1), в виде “Временного Церковного Правительства или Митрополичьего Округа, или еще иначе” (ст. 2, 3 и 6).

Но и такая замена единой централизации, — местными, имеет условный и временный характер, и должна уступить место единой централизации, как только исчезнут внешние препятствия к тому, а “в случае восстановления церковной власти... все принятые на местах меры должны быть представлены на утверждение последней” (ст. 10).

Но, так как административное единство Русской Церкви было восстановлено благодаря полученной Митрополитом Сергием легализации, а Карловацкая группировка легализацию осудила, то о. Польский пытается доказать, что административное единство, в сущности, не нужно было Русской Церкви, и что децентрализация является ее нормальным состоянием.

Нужно было это доказывать о. Польскому и потому, что Карловацкая организация считает, что она-то и есть истинная, подлинная Русская Церковь, тогда как в Советской России, — Русской Церкви, как организованного целого, не существует⁹⁾

9) Мегаломания Карловацкого Управления проявлялась уже с первых лет его существования, еще при жизни Патриарха Тихона и, притом, в самочинных, явно антиканонических формах. Так, 26/ХI-1921 года Карловацкий Собор усвоил председателю Карловацкого Синода звание Наместника Всероссийского Патриарха, — без ведома самого Патриарха. («Ц. Ведом.», 1922, № 2, стр. 7). Не раз Карловацкое Управление заявляло претензию на подчинение ему не только всей Русской Церкви за границей, но и в самой России (см. «Ц. Вед.», 1923, № 11-12, стр. 10, № 17-18, стр. 26; 1925, № 15-16, стр. 3-4; № 17-18, стр. 29, и др.). Издававшийся в 1922-1932 г.г. орган Карловацкого Синода назывался «Церковные Ведомости», — так же, как назы-

и, потому, децентрализация Русской Церкви подтверждала-бы такой взгляд, тогда как, восстановленное Митрополитом Сергием, административное единство Русской Церкви, является его наглядным опровержением.

“Если-бы во главе Церкви стоял Синод, которому-бы некому было передать свои полномочия, то как-бы он поступил в такое время?” — спрашивает о. Польский, и отвечает: “Он, конечно, объявил-бы, пред своим уничтожением, децентрализацию, управление на местах. И, может быть, чем раньше-бы это случилось, тем было-бы лучше” (стр. 14).

Приведя, затем, выдержки из Постановления 1920 года и актов о децентрализации заместителей Патриарха, о. Польский начинает свои противоречивые рассуждения о пользе децентрализации. Сначала он утверждает, ссылаясь на свидетельство какого-то, посетившего Москву, анонимного епископа, напечатанное в “Православной Руси” от 30 октября 1943 года, что “положение такой децентрализации, в Русской Церкви, фактически существовало до 1943 года”. Но, ведь в 1943 году наша Родина находилась в тяжелой борьбе с любезным карловчанам немецким агрессором, когда все средства сообщения служили, прежде всего, для обороны, а не имеющие к ней отношения организации, с трудом поддерживали общение.

“При наличии такой децентрализации в Русской Церкви во время гонений, для чего-же оставался у нее так долго центр?” — недоумевает о. Польский, и обещает ответить на этот вопрос потом, но забывает о своем обещании. Далее (стр. 15) оказывается, будто Русская Церковь “еще в 1920 году помирилась с мыслию об уничтожении центрального управления” (откуда это видно? С. Т.) и что “полномочное управление Церкви, исполненное сознанием своего долга, не заботилось уже о своем собственном существовании, а о сохранении Церкви в ее разрозненных частях и, притом, в самых мельчайших”, — как буд-

вался орган Всероссийского Синода, издававшийся до 1918 г. включительно. Секретарь канцелярии Карловацкого Синода, имевшей лишь одного чиновника, был переименован в Управляющего Канцелярией Синода, подобно начальнику Канцелярии Всероссийского Синода, имевшей 6 отделений и десятки служащих. «Никто сам собою не приемлет... чести», — учит ап. Павел. (Евр. 5, 4); а члены Карловацкого Синода сами возвели себя в сан архиепископа, без ведома не только центральной власти Русской Церкви, но и своего-же Заграничного Собора; своему председателю, митрополиту Антонию, таким-же порядком дали, усваиваемый только главам автокефальных Церквей, титул «Блаженства», и, желая прикрыться авторитетом Сербского Патриарха, Синод объявил в своем офицозе «Царский Вестник» (1931, № 136), что он сделал это «с согласия Святейшего Патриарха Варнавы», но официальный орган Сербской Церкви, «Гласник» (1931, № 8, стр. 126), опроверг эту ложь. Определением самого-же Карловацкого В. Ц. Управления от 4/ХІІ-1921 года, «постановлено: совершенно не представлять священнослужителей к митре, так как награждение митрой является прерогативой Святейшего Всероссийского Патриарха» («Церк. Вед.», 1922, № 1, стр. 11), но чтобы привлечь к себе «любящих первенствовать диотрефов» (III Иоан. 9), Карловацкое ВЦУ раздает эти награды, также, как и чин протопресвитера, каковой имеет и о. Польский.

то работа о сохранении полномочного Управления Церковью, уже не есть п е р в ы й д о л г этого Управления?

Оставив читателя в недоумении, существовало-ли в Русской Церкви Центральное Управление в 1920-1943 г.г., о. Польский начинает доказывать, что оно, в сущности и не нужно, и несколько раз повторяет, что “не в целостности внешней организации сила Церкви, а в единении веры и любви ее членов”, причем соскальзывает на чисто протестантскую почву. Он ссылается на слова проф. И. В. Попова: “частей Церкви Вселенской ничего, подчас, не объединяло, кроме причащения от Единого Хлеба - Христа, одного возглавления на небесах”, а в подтверждение точности сказанного, ссылается на “воспоминания автора”, то-есть на самого себя, — что он часто делает, — забывая слова Господа: “если Я свидетельствую Сам о Себе, то свидетельство Мое не есть истинно” (Иоан. 5, 31). Под такой, быть может, случайно оброненной проф. Поповым фразой, подписался-бы всякий протестант.

Но, ведь по православному догматическому и каноническому учению, таинство причащения может совершать только епископ или пресвитер, поставленный канонически-же поставленным епископом. А в поставлении епископа, по канонам, должен принимать непосредственное, а если это затруднительно, то посредственное, участие весь епископат известной Поместной Церкви, во главе с ее первым епископом, находящимся в общении с первыми епископами остальных автокефальных Церквей и являющимся, таким образом, выразителем единства как местной, так и Вселенской Церкви (1 Апост.; IV Всел. 4; VII Всел. 3; Ант. 19 и 23, и др.); почему поименование имени первого епископа и является обязательным для всех епископов известной Церкви, а если епископ не исполняет этого своего долга, он, согласно 15-му канону Двукратного Собора, должен быть “совершенно чужд всякого священства”, так как этим он “творит раскол” и “расторгает единство Церкви”.

Это именно и делают епископы Карловацкой ориентации, и если о. Польский пытается защитить их образ действий, ссылаясь на то, что “не в целостности внешней организации сила Церкви, а в единстве веры и любви”, то нужно сказать, что административное единство Церкви могут р а з р у ш а т ь только те, кто потерял и веру в единство Церкви, и любовь к своим собратьям.

И сам-же автор дважды опровергает то, что он пишет на стр. 14-17 о неважности единства внешней организации Церкви.

На стр. 8-13 он доказывает, что период до легализации был каноничен, потому что как Патриарх Тихон, так и Митрополит Сергий, и другие заместители Патриарха, соблюдали требование 34-го апостольского правила, чтобы “первый епископ ничего не творил без рассуждения всех”, — забывая, что это правило, прежде всего, требует, чтобы и остальные епископы “знали первого из них, и признавали его как главу, и

ничего превышающего их власть не творили без его рассуждения”.

А, в конце книги, говоря на стр. 112-131 о Карловацких Соборе и Синоде, о. Польский подробно доказывает, что единство необходимо для Заграничной Церкви и что, потому, все заграничные русские церковные образования должны быть в полном и безусловном подчинении Карловацкому Управлению, так как здесь “единение епископата приобрело (откуда? С. Т.) всю полноту церковной власти над всеми русскими заграничными церквами” (стр. 114).

Итак, восстановленное Митрополитом Сергием, единство церковного управления в СССР, где православное население живет компактной массой, по мнению раскольничьего апологета, — совершенно не нужно...

Ну, а вот, русская православная диаспора, рассеянная по всему миру, и уже значительно ассимилировавшаяся с местным населением, и организованная сообразно с местными условиями, должна быть, почему-то вся подчинена самозванному Карловацкому Управлению, хотя Постановление Всероссийского В. Ц. Управления от 20/XI-1920 года допускает объединение только с о с е д н и х епархий, да и то пока не восстановится центральное церковное Управление в СССР, а оно восстановилось еще в 1923 году.

4. Мнимые ошибки Патриарха Тихона

Особо важное, можно сказать, решающее значение для оценки Карловацкой организации, имеет отношение к ней Патриарха Тихона, ввиду его высокой авторитетности, какую признавал не только весь православный мир, но были вынуждены признать и сами карловчане. “Все Православие смотрит на Святейшего Патриарха Московского и всея Руси, Тихона, как на исповедника”, торжественно заявил 29/IV-1923 года, Константинопольский Патриарх Мелетий IV вместе со своим Синодом. “Я реально ощутил его святость”, приводит сам о. М. Польский отзыв о Патриархе Тихоне одного русского епископа (“Положение Церкви в Сов. России”, стр. 19).

И вот, этот избранный Всероссийским Собором, Перво-свяtitель Русской Церкви, в своих актах, не только лично осудил Карловацкую организацию, и притом в самых строгих выражениях, но и актом от 10 апреля 1922 года предложил Высшему Ц. Управлению Русской Церкви, у п р а з д н и т ь Карловацкое Управление, а Священному Синоду предложил “иметь суждение о церковной ответственности некоторых духовных лиц заграницей, за их политические, о т и м е н и Церкви выступления”. И Соединенное Присутствие Св. Синода и В. Ц. Совета, под председательством Патриарха, в своем Постановлении от 5 мая 1922 года, это предложение Патриарха выполнило (“Церк. Ведомости”, 1922, № 12-13, стр. 6-7).

Но Карловацкое Управление не вняло голосу Матери-Цер-

кви и продолжало свою раскольничью деятельность, имевшую самые тяжелые последствия для Русской Церкви.

Как-же оправдывает такой образ действий Карловацкого Управления, его апологет?

И здесь он, вместо обороны, переходит в нападение и сам обвиняет Патриарха в целом ряде ошибок (стр. 11-12, 25) и компромиссов в Сов. властью (стр. 19-26), включая сюда и указ о закрытии заграничного церковного Управления (стр. 21). К церковной политике Патриарха, он применяет не церковный критерий пользы Церкви, а чисто политический критерий, отношения к Советской власти. Акты Патриарха, направленные против этой власти, он одобряет, хотя-бы они имели вредные последствия для Церкви, а акты, написанные в духе апостольского завета о повиновении предрержащим властям не только за страх, но и за совесть, он осуждает, как ошибки и компромиссы.

Но, ведь, акты первого характера были изданы Патриархом, под влиянием его "злоумного" окружения, только в первые годы его управления Церковью, а позднее были аннулированы его новыми актами; и так как правовая аксиома гласит: «*lex posterior derogat priori*», то акты первого характера, никоим образом не могут служить к оправданию образа действий Карловацкого Управления.

Не касаясь актов Патриарха, вскоре отменных им-же самим и не имевших практического значения (введение нового стиля, включение прот. Красницкого в В. Ц. Управление), рассмотрим обвинения о. М. Польского относительно других, более важных актов Патриарха, в хронологическом порядке этих актов, а именно:

а) 25/IX-1919 г.: Послание о прекращении духовенством борьбы с большевиками (стр. 19).

б) 10/IV, 5/V-1922 г.: Указ о закрытии заграничного Церковного Управления (стр. 21).

в) 18/V-1922 г.: Резолюция группе духовенства о передаче канцелярии Патриарха Митрополиту Агафангелу (стр. 10 и 12).

г) 15/VI-1923 г.: Заявление Верховному Суду (стр. 12).

д) Янв.-1924 г.: Указ о поминоении власти за богослужением (стр. 12 и 25).

е) 7/IV-1925 г.: Завещание Патриарха (стр. 23-24).

а) Послание о прекращении духовенством борьбы с большевиками, о. М. Польский считает первым компромиссом Патриарха, и чтобы указать на непоследовательность Патриарха, он под этим подзаголовком сначала кратко излагает содержание, направленного против Советской власти, более раннего послания Патриарха. Отказ Патриарха от своих прежних воззрений о. М. Польский объясняет тем, что "большевики потребовали от Патриарха этого акта, как оправдания своего террора над духовенством". Таким образом, по мнению о. М. Польского Патриарх был настолько малодушен, что согласился помочь своим посланием оправданию "террора" над духовенством.

На самом деле, совершенно напротив. Послание это, имело целью облегчение тяжелого положения духовенства и издано оно было не потому, что этого требовала Советская власть, а потому, что оно отвечало воззрениям самого Патриарха, который еще на Соборе, по свидетельству члена Собора, князя Г. Трубецкого ("Путь", 1925, № 1, стр. 117), одного из деятелей белого движения, протестовал против навязываемых ему "зломными", — по выражению Патриарха, — политиками, вызовов против Советской власти, а по выходе из тюрьмы, имел мужество открыто осудить объявленные им, под влиянием своего окружения акты, направленные против этой власти.

И такие воззрения Патриарха вполне отвечали, как заповеди Самого Основателя Церкви, что Кесарю нужно воздавать Кесарево, так и заповеди Его апостола о повинности власти не за страх, а за совесть.

Вполне отвечает это Послание от 25/IX-1919 г., и каноническим требованиям:

— "Не подобает епископу или пресвитеру вдаваться в народные управления", — гласит 81^е апостольское правило, — "но неопустительно быти при делах церковных. Или да будет убежден сего не творити, или да будет извержен. Ибо никто не может двум господам работати, по Господней заповеди".

"Определил святой и великий собор", — гласит 3^е правило IV Вселенского Собора, — "чтобы впредь никто, ни епископ, ни клирик, ни монашествующий... в распоряжение мирскими делами не вступали".

Желая доказать, что политика Митрополита Сергия, начиная с его декларации, была нарушением заветов Патриарха Тихона, о. М. Польский, на стр. 21, находит смягчающие мнимую вину Патриарха обстоятельства и заявляет, что упомянутое послание Патриарха было "не столько уступкой своих церковных позиций, сколько их уточнением и исправлением".

— Непонятно, как уточнение может быть вместе с тем и некоторой уступкой и исправлением?

Запрещение духовенству политической борьбы с Советской властью было сделано за год до Крымской эвакуации, и еще в России было известно иерархам будущей Карловацкой организации, но скрывалось ими от своей паствы. Прямо нарушая это запрещение, Карловацкое ВЦУ в то же время заявляло, что оно "действует с е д о м а Патриарха Московского и всея России" ("Деяния Русского Всезагр. Собора", 1922, стр. 15, и др.).

б) Вторым компромиссом Патриарха с Советской властью, о. М. Польский считает Указ об упразднении заграничного Церковного Управления. Указ этот, изданный по предложению самого Патриарха, Высшим Церковным Управлением Русской Церкви, имеет бесспорный канонический авторитет, и существование Карловацкого Управления после этого Указа, и вопреки ему, дает этому Управлению характер "самочинного сбоя".

Не имея возможности оспорить полномочность издавшей

Указ власти, о. Польский утверждает, что Указ этот был 5 мая издан недобровольно, в обстановке террора и домашнего ареста Патриарха, и потому должен считаться недействительным.

Но, во-первых, о. Польский упускает из виду, что 5 мая В. Ц. Управление только выполнило предложение Патриарха, которое было написано еще 10 апреля, когда Патриарх был на свободе, а не “в обстановке террора”. А, во-вторых, и главное, Патриарх так мотивировал свое предложение В. Ц. Управлению:

“Послание Карловацкого Собора и обращение к Генуэзской Конференции (о свержении Советской власти) имеют характер политический и, как таковые, они противоречат моему Посланию от 25 сентября 1919 года”.

Да и сам о. Польский признает, что “новый указ (об упразднении Карловацкого Управления) был следствием первого” (о запрещении борьбы против Сов. власти).

Но, если Указ об упразднении Карловацкого Управления был следствием Послания Патриарха о запрещении борьбы против Советской власти, а Послание это, как мы уже видели, отвечало воззрениям самого Патриарха, то значит и Указ этот не был компромиссом с Советской властью, а выражал подлинную волю самого В. Ц. Управления Русской Церкви, во главе с ее Первосвященителем.

“Антибольшевистское выступление заграничного духовенства на Карловацком Соборе было в декабре 1921 года, и можно было закрыть его Управление и раньше, но это совершилось только в атмосфере совершенного насилия”, приводит новый аргумент против Указа 1922 года о. Польский.

И опять, хронология сводит на-нет и этот аргумент. Ведь Карловацкое послание к самой Генуэзской Конференции было издано не Карловацким “Собором”, закончившимся 2/XII-1921 года, когда эта Конференция не существовала даже в проекте, а было сфабриковано Карловацким “В. Ц. Управлением” много спустя после Карловацкого Собора; опубликовано оно было, первый раз, в Белградской газете “Новое Время” 1 марта 1922 года, а в Москве этот номер был получен еще позже. Как-же можно было закрыть Карловацкое Управление за это послание раньше, когда оно еще не было известно в Москве?

Если-же послание было издано от имени Карловацкого Собора и, будто-бы, по его “единогласному постановлению”, то это был лишь обман со стороны Карловацкого Управления.

“Заграничные иерархи, не представляя себе точно всего этого насилия, сдержанно(?) ответили, что “указ этот, несомненно, написан под давлением большевиков и врагов Церкви”, — приводит о. Польский выдержку из постановления Карловацкого Управления от 1 сентября 1922 года (“Ц. Ведомости”, 1922, № 12 и 13, стр. 7), скрывая от своих читателей, что на другой же день это постановление было заменено новым постановлением, в котором такой фразы не было (тот-же №, стр. 4).

“Во всяком случае, по своим тяжким обстоятельствам, в угоду врагам Церкви и невольно выполняя их программу, Па-

триарх пошел еще на один компромисс, осуждая заграничных епископов за их свободное мнение” — пишет о. Польский на стр. 21-22, а через пять страниц, на стр. 27, желая доказать, что Митрополит Сергей не следовал политике Патриарха, он-же пишет:

“Так Церковь боролась за свою независимость, и Патриарх Тихон и тихоновцы твердо отстаивали ее от соглашения с врагами, и она прошла бескомпромиссный путь”.

И не “свободное мнение” заграничных епископов осудил Патриарх, а их изменническую, продиктованную “Монархическим Советом”, попытку вызвать вооруженную интервенцию иностранных держав для свержения Советской власти. Нужно заметить, что такая интервенция, грозящая миллионами жертв русскому народу и раздроблением Русского Государства, и теперь остается заветной мечтой карловчан-“анастасиевцев”, для осуществления которой они делают все, что в их силах.

“Впрочем, — заканчивает о. Польский, свою критику Указа Патриарха, — против возникшего вновь Архиерейского Собора и Синода заграницей, Патриарх до конца дней своих, 1925 года, не возражал, хотя и подтвердил осуждение Карловацкого Собора, так называемым “предсмертным завещанием”. Это явное обнаружение не только недобровольности его первого акта, но также и сознания его ненужности” (стр. 22).

Итак, — “не возражал, хотя и подтвердил осуждение”... “Подтвердил осуждение”, — значит оно было недобровольно и ненужно!... Вследствие полной невозможности защитить безнадежное дело, карловацкому апологету приходится нарушать все законы логики, да и не только логики, но и правды, так как совершенная неправда, будто Патриарх “не возражал против возникшего вновь Архиерейского Собора и Синода”.

Прежде всего, неправда, будто Карловацкие Собор и Синод “возникли вновь”. На самом деле, они были организованы еще 26/XI-1921 года, постановлением Карловацкого Собора (“Деяния”, стр. 39-40). Неправда и то, будто Патриарх не возражал против деятельности упраздненных Указом самочинных Карловацких Собора и Синода. Об этом говорят не только его Послания от 28 июня и от 1 июля 1923 года, и его Завещание, но и Постановление Патриарха и Священного Синода от 8-10 ноября 1923 года, подписанное кроме Патриарха, архиепископами Петром (Полянским, по кончине Патриарха Местоблюстителем патриаршего престола), Тихоном, Серафимом и Илларионом, и заверенное Управляющим делами Патриархии, епископом Питиримом. Третья статья этого Постановления гласит:

“Запросить Митрополита Еллогия, назначенного управлять заграничными церквами, каксе и на основании чего, существует, в настоящее время, церковное управление заграницей, под именем Архиерейского Синода, и заявить, что живущий заграницей Митрополит Антоний, не имеет никакого права говорить от имени всей Русской Православной Церкви и всего

русского народа, как не имеющий на то полномочий" ("Церковный Вестник", № 3/60, 1956, стр. 17-18).

И в Завещании Патриарха Тихона, говорится:

"Не благо принес Церкви и народу **так называемый** Карловацкий Собор, осуждение которого мы **снова** подтверждаем..." ("Ц. Ведом.", 1925, № 9 и 10, стр. 22).

К каким недостойным приемам прибегало Карловацкое Управление, чтобы, вопреки Указу В. Ц. Управления Русской Церкви, сохранить свои Собор и Синод, — будем говорить при разборе главы, посвященной у о. Польского, этим учреждениям.

в) "Первой ошибкой" Патриарха Тихона, о. М. Польский считает (стр. 11-12) его резолюцию от 18/V-1923 года на прошении обновленцев о передаче синодских дел Митрополиту Агафангелу.

На самом деле, никакой ошибки в данном случае Патриарх не сделал, так как его резолюция¹⁰⁾ до деталей предусматривает все, что нужно было сделать для возможно мирного течения церковной жизни, и не только в Патриархии, но и в Московской епархии, а единственной причиной нестроений в церковной жизни, был захват власти обновленцами обманном путем. Что обновленцы захватили власть в Церкви не в силу резолюции, а обманом и насилием, это имеют мужество признать и сами обновленцы. Вот что пишет, например, член "Живой Церкви", секретарь обновленческого "Собора" 1925 г. и член обновленческого "Синода", б. проф. Петроградской Духовной Академии, Б. В. Титлинов:

— "Несомненно группа, которая образовала ВЦУ после отречения Патриарха Тихона, полномочий на то от Патриарха **не имела**. Патриарх поручил ей только посредническую роль передачи дел, а отсюда до передачи власти очень далеко. Деятели Живой Церкви взяли власть в свои руки в порядке революционном, внеканоническом и, если угодно, **антиканоническом**"¹¹⁾).

г) Сделанное Патриархом в июне 1923 года заявление Верховному Суду о раскаянии в прежних враждебных к Советской власти действиях, о. М. Польский называет "унизительным для самого Патриарха" и считает его компромиссом, сделанным для того, чтобы, освободившись из тюрьмы, бороться с обновленческим насилием, каковое было так ничтожно, что Патриарх, будто-бы, потом раскаялся в этом своем акте, сказав: "если бы я знал, что успехи обновленцев так ничтожны и народ за ними не пошел, я-бы не вышел из тюрьмы".

Все это неправда.

— Неправда, прежде всего, что Патриарх, будто-бы, признал ошибкой свое заявление Суду. Где доказательство, что Патриарх действительно так сказал? О. М. Польский для до-

10) См. полный текст резолюции в нашей брошюре: «Что такое Живая Церковь», Варшава, 1927, стр. 7.

11) «Новая Церковь», Петроград-Москва, 1923, стр. 55.

верчивого читателя приводит в скобках ссылку на книгу “Полож. Церкви в Сов. России”, стр. 14, 1931, не называя автора этого труда. Оказывается, что автор “Положения” тоже лицо, как и автор “Канонического положения”, т. е. сам о. Михаил Польский, только несколько закамуфлированный, подписавшийся лишь своим именем и скрывший свою фамилию. Таким образом, он и здесь, по своему обычаю, ссылается как на неоспоримый авторитет... на самого себя.

А в своем “Положении”, приводя эти слова Патриарха, он ссылается на свидетельство какого-то своего анонимного знакомого и “близкого старого друга Патриарха”.

Но какую-же доказательность может иметь свидетельство одного, и притом анонимного знакомого, которое, будто-бы, слышал только сам о. Михаил, когда Слово Божие учит, что “всяк глагол станет при двух или трех свидетелях”, а 147 правило Карфагенского Собора говорит, что свидетельство одного, хотя-бы и епископа, нельзя принимать во внимание, и предписывает: “епископ да не обращает себе в обиду того, что не полагаются в сем на его единого”, а если епископ откажется иметь общение с обвиняемым, то “его да не приемлют в общение прочие епископы; да не глаголет о ком-либо, чего пред другими не может утвердить доказательствами”.

Если даже допустить, что ссылка о. М. Польского на какого-то анонима не есть выдумка самого о. Михаила, то все-же придется признать, что приведенные слова Патриарха есть выдумка этого анонима, так как позднейшие акты Патриарха доказывают, что он никогда не раскаивался в своем заявлении Суду. Через 12 дней после этого заявления, 28 июня 1923 года, в своем “Обращении к пастве”, Патриарх повторил, что “резкие выпады против Советской власти он иногда допускал вследствие своего воспитания и господствовавшей на бывшем тогда Соборе ориентации”¹²⁾, а через три дня, в своем новом “Воззвании к пастве” от 1 июля того-же года, он еще раз, и притом в еще более сильных выражениях, подтвердил свои прежние заявления о Советской власти и свое раскаяние “в сопротивлении декрету об изъятии церковных ценностей в пользу голодающих, анафематствовании Советской власти, воззвании против Брестского мира, и т. д.”.

— “Мы, по долгу христианина и архипастыря, в сем каемся, — писал Патриарх, — и скорбим о жертвах, получившихся в результате этой антисоветской политики. По существу, виноваты в этом не только мы, но и та среда, которая нас воспитала, и те злоумные люди, которые толкали нас на эти действия с самого начала существования Советской власти. Как враги ее, они стремились свергнуть ее через Церковь нашу, для чего и меня, как главу последней, старались использовать. Будучи бессильными побороть Советскую власть открыто и пря-

¹²⁾ Архиеп. Серафим (Соболев, Карловацкой юрисдикции), «Церковь и Советская власть», Белград, 1933, стр. 14.

мо, они хотели добиться ее уничтожения окольными путями, прибегая к Церкви и ее пастырям..."¹³).

Наконец, в своем предсмертном Завещании, когда он уже не мог иметь никаких мотивов писать неправду, Патриарх писал:

"Наши враги... распространяют ложные слухи о том, что мы, на патриаршем посту, не свободны в распоряжении словом нашим и даже совестью, что мы засилены мнимыми врагами народа и лишены возможности общения с паствою, нами ведомою. Мы объявляем за ложь и обман все измышления о несвободе нашей, поелику нет на земле власти, которая могла бы связать нашу святительскую совесть и наше пастырское слово" ¹⁴).

Таким образом, сделанное Патриархом 15 июня 1923 года, заявление Суду, не было каким-то его компромиссом с Советской властью, а выражало его глубокое убеждение, к которому он пришел путем долгого размышления в тюремном заключении, где, лишенный внешней свободы, он получил свободу внутреннюю, освободившись от давления на его совесть со стороны "злоумных людей", стремившихся, оставаясь самим в тени, -- использовать Церковь для свержения Советской власти.

Видеть в этих, дышащих искренностью и горячей убежденностью, заявлениях Патриарха какую-то унижительную уступку власти для своего освобождения, могут только люди неспособные понять все величие духа Патриарха.

В своем Завещании, Патриарх объясняет и то, почему он изменил свое прежнее отрицательное отношение к Советской власти, — потому, что он убедился, что "Советская власть действительно народная, рабочая, крестьянская, а потому прочная и непоколебимая"¹⁵).

Об этой причине изменения отношения Патриарха к власти, ранее (1938 г.) писал в своей книге: "Положение Церкви в Советской России" и сам о. М. Польский:

"Патриарх принимал в соображение, что, наконец, появился закон, революционный хаос, повидимому, кончился и ему казалось, что пред ним находится настоящая государственная власть, ради которой можно было, не кривя душой, отказаться от своего прежнего курса" (стр. 14).

Но, ведь, отсюда следует, что заявление Патриарха Суду и все его позднейшие заявления в пользу Советской власти, отвечали его искреннему убеждению, а вовсе не были вынужденным компромиссом с Советской властью, как утверждает о. М. Польский!

Что заявления Патриарха были вполне искренни, доказывает один случай, когда он мог выразить свои убеждения без всякого контроля и даже ведома власти. Об этом случае сооб-

¹³) Архиеп. Серафим (Соболев, Карловацкой юрисдикции), «Церковь и Советская власть», Белград, 1933, стр. 15-16.

¹⁴) «Церк. Ведомости», 1925, № 9 и 10, стр. 22.

¹⁵) См. также: «Церк. Вестник», 1928, № 14, стр. 22-23.

щает, в парижском журнале "Путь", член Всероссийского Собора, князь Г. Н. Трубецкой.

— "Я ехал на юг в Добровольческую армию", — рассказывает он, — "рассчитывая увидеть всех, с кем связывались надежды на освобождение Родины. Я просил разрешения Святейшего Патриарха, передать от его имени, разумеется в полной тайне, благословение одному из таких лиц, но Патриарх в самой деликатной и в то же время твердой форме, сказал мне, что не считает возможным это сделать, ибо, оставаясь в России, он хочет не только наружно, но и по существу, избежать упрека в каком-либо вмешательстве Церкви в политику"¹⁶).

Об этом случае упоминает, на стр. 20 разбираемой книги, и о. М. Польский и замечает: "Таким образом, белое движение не получило благословения Патриарха".

Не значит-ли это, что Патриарх считал и Советскую власть — как всякую власть — в путях Промысла, и что нет благословения Божия на ее свержение человеческой рукой?

Ложным, является мнимое свидетельство анонима о раскаянии Патриарха, в его заявлении Суду и потому, что оно совершенно неправдоподобно объясняет причину раскаяния Патриарха. Аноним утверждает, будто Патриарх жалел, что благодаря своему заявлению он освободился из тюрьмы, так как успехи обновленцев во время его заключения были так ничтожны.

Но ведь факты говорят совершенно другое; говорят, что во время заключения Патриарха обновленцы успели завладеть почти всю Церковь, и только освобождение Патриарха и его обращение к народу, нанесли смертельный удар обновленцам.

Только после освобождения Патриарха и его Послания пастве, "дрогнули ряды обновленцев", докладывал обновленческому "Собору" прот. Красотин¹⁷).

О великих успехах обновленцев во время заключения Патриарха, много писал и орган Карловацкого Управления "Церковные Ведомости". Таковы, например, статьи: "Московский Лжесобор" (1923, № 9 и 10, стр. 6-10), "Сведения об актах насилия над Русской Православной Церковью" (№ 13-14, стр. 10-12), "Окружное послание Митрополита Антония ко всем Православным Патриархиям" (№ 19-20, стр. 2-4), и др.

О благотворном значении заявления Патриарха Суду для Русской Церкви, и в особенности для борьбы с обновленцами, писал и сам глава Карловацкой организации Митрополит Антоний, (пока он не окончательно подчинился своему "зломумному" окружению), о чем свидетельствует его статья: "Не надо смущаться", напечатанная в органе карловчан "Церк. Ведомости" (1923, № 13-14, стр. 9-10).

Оправдывая и изданное в 1919 году послание Патриарха, где он "воспретил русскому духовенству открытую (не только

16) «Памяти Св. Патриарха Тихона», «Путь», № 1, 1925, стр. 117.

17) «Вестник Св. Синода» (Живой Церкви), 1926, № 26, стр. 14.

“открытую”, но и всякую! — С. Т.) борьбу с Советской властью”, Митрополит Антоний продолжает:

“Настоящее (1923 г.) заявление Патриарха, имеет для Церкви уже несомненно благодетельное значение: оно избавило ее от духовного безначалия, от опасности превратиться в беспоповскую секту. Православная Церковь снова приобрела в Совдепии, если не правовое, то терпимое положение и получает возможность постепенно освобождаться от той шайки лже-епископов и лже-попов, неверующих в Бога... Благодаря последнему выступлению нашего Патриарха, православные, наконец, узнали, что живоцерковные архиереи и священники суть простые миряне, находящиеся под проклятием Вселенских Соборов... Теперь от русской паствы будет зависеть, что она несомненно и сделает, то-есть изгнание от себя живоцерковной лже-иерархии и призвание законных пастырей, которых теперь, вероятно, выпускают из тюрьмы, как сотрудников, признанного советскими властями, Патриарха. Те-же епископы, клирики и миряне, которые связались с языческой неплодящей церковью... должны принести Святейшему Патриарху слезное покаяние...”

Так и было, на самом деле.

Совершенно неправильным, считает Митрополит Антоний и доньше постоянно повторяемое карловацкими паскольниками, обвинение Московской иерархии в союзе с безбожной властью.

— “Может быть, кто скажет”, — пишет он, — “но ведь Патриарх знает, что так называемая гражданская власть в России, враждебна Христу и всякой вообще религии... Совершенно верно; а разве не под безбожной властью были древние христиане — святые мученики, св. апостолы и, наконец, Сам Христос Спаситель, повелевший выплачивать подати безбожному язычнику Пилату? И, однако, ни мученики, ни апостолы, ведь не боролись против безбожной власти, а, наоборот, требовали к ней послушания.

Мы убеждены, что с 27 июня 1923 года, Православной Церкви и православным христианам будет легче жить и более возможно спастись в Св. Церкви, нежели в предыдущие годы...”

Митрополит Антоний придавал большое значение этой своей статье и сделал распоряжение, чтобы она была распространена листовками. Но “злоумное” окружение приняло меры. В Сремские Карловцы спешно был вызван б. посланник царского правительства в Сербии, В. Н. Штрандман; он убедил слабохарактерного Митрополита отменить свое распоряжение: статья эта **тщательно замалчивалась**, и замалчивается карловчанами и теперь.

Не компромиссом и не ошибкой, а, наоборот, исправлением, сделанных под влиянием “злоумных людей” ошибок, было и осуждение Патриархом в заявлении Суду, и в обращениях к

пастве, своих трех актов: анафематствования 19/1-1918 г. Советской власти, послания 18/III-1918 г. по поводу Брест-Литовского мира и воззвания 1922 года, по поводу декрета об изъятии церковных ценностей.

Опубликованное первый раз в органе Св. Правительствующего Синода, "Церк. Ведомости" (1918, № 2, стр. 11-12), послание Патриарха с анафематствованием большевиков, отличается чрезвычайно резким, несвойственным церковным актам, характером. Большевики называются здесь "безумцами", "извергами рода человеческого", "творцами сатанинского дела", а верующим предписывается не только прекратить с ними всякое общение, но и стать на защиту Церкви и, с этой целью, образовывать духовные союзы и ряды духовных борцов; а изданная 28/II-1918 года "Инструкция", подробно говорит, как нужно образовывать такие союзы, под видом благотворительных или просветительных, но не религиозных или церковных, признанных нелегальными (§ 4). Эти союзы должны взять на себя защиту церковной собственности и особенно св. сосудов, а в случае опасности, набатом созывать народ для защиты (§ 14)...

Вполне естественно, что на местах такие предписания понимались, как призыв к борьбе с Советской властью и вызвали кровавые столкновения с ней, каковых было зарегистрировано 1414¹⁸⁾.

Послание Патриарха по поводу Брест-Литовского мира ("Церк. Ведомости", 1925, № 9-10, стр. 19-20), в котором заявлялось, что "Церковь не может благословить заключенный ныне, от имени России, позорный мир" и которое призывало народ "молить Господа, чтобы Он даровал нам мужей разума и совета, верных велениям Божиим, которые исправили-бы содеянное злое дело, возвратили отторгнутых и собрали расточенная", вмещивало Церковь в совершенно несвойственную ей чисто-политическую область и могло быть понято, как прикровенный призыв к восстанию против Советской власти.

Несомненно правильно поступил Патриарх Тихон, признав ошибкой свое запрещение выдавать священные сосуды в порядке борьбы со страшным голодом, постигшим нашу Родину, вследствие засухи и неурожая, в 1922 году. Сначала, Советская власть хотела вести эту борьбу вместе с Церковью и пригласила ее представителей участвовать в Комитете по борьбе с голодом, но как-раз в эмигрантской печати (например, в Парижском журнале "Русская Мысль") появилось сообщение, что церковные драгоценности нужно сохранить для финансирования борьбы против Советской власти. Под влиянием этого известия, Советская власть отказалась от сотрудничества с Церковью и 23/II-1922 года был издан декрет о конфискации церковной утвари для борьбы с голодом, а через пять дней 28/II-1922 года Патриарх издал послание, предписывающее верую-

¹⁸⁾ См. Paul B. Anderson, «L'Eglise et la Nation en U.R.S.S.», Paris, 86-90, 94.

щим не выдавать священные сосуды, так как это, будто-бы, запрещают каноны.

Нужно сказать, однако, что такое запрещение нельзя оправдать ни евангельским учением, ни канонами, ни практикой древней Церкви.

“Суббота для человека, а не человек для субботы”, учит Господь, указывая на пример Давида, который, “когда имел нужду и взалкал сам и бывшие с ним, ел хлебы предложения, которых не должно было есть никому кроме священников, и дал и бывшим с ним” (Мрк. 2, 25-27; Мф. 12, 3-4; Лук. 6, 3-4).

И каноны запрещают лишь святотатство, то есть кражу священных предметов и употребление их на личные нужды (Апост. 73; Двукр. Соб. 10), а вовсе не запрещают продажу их, когда явилась потребность накормить голодных или выкупить пленных. А канонические сборники определенно разрешают такую продажу. Такое разрешение находим, например, в Номоканоне Патриарха Фотия¹⁹⁾, в Синтагме Матфея Властаря²⁰⁾, в “Канонических Ответах” Охридского архиепископа Дмитрия Хоматиана²¹⁾, в официальном Каноническом сборнике греческих церквей — Пидалионе²²⁾ и в нашей Кормчей Книге. А именно, в 44 главе Кормчая разрешает продажу священных сосудов для выкупа пленных и для покрытия долга церкви или монастыря, если долг нельзя покрыть продажей других движимых предметов²³⁾, а в 58 главе разрешает продавать священные сосуды “да пленным соделает избавление”, но предписывает, при этом, растапливать священные сосуды, так как “огня совокуплением сосуд истощевается от своея славы и святости”²⁴⁾.

И практика древней Церкви, как на Востоке²⁵⁾, так и на Западе²⁶⁾, дозволяла продажу священных сосудов для выкупа пленных и для помощи голодающим.

д) К числу мнимых ошибок Патриарха Тихона, о. М. Польский относит и “попытку ввести поминование властей за богослужением, в январе 1924 года”.

Это распоряжение о. Польский сопоставляет с принятием Патриархом, в июне 1923 года, — нового стиля, каковое рас-

19) Титул II, гл. 2, Греческий текст в Афинской Синтагме Ралли и Потли, т. I, стр. 108-109; русский перевод В. Нарбекова, Казань, 1899, стр. 163, 165.

20) В пятой дополн. статье: Ответы Иоанна, еп. Китрского, ответ 7, В. Н. Бенешевич, «Два списка славянского перевода Синтагмы Матфея Властаря», СПб, 1902 стр. 53-54; С. Троицкий, «Допунски чланци» Властареве Синтагме», Београд, 1956, стр. 82, Издание Сербской Академии Наук.

21) J. B. Pitra, «Analecta sacra et classica»... Parisii-Romae, MDCCCXCI, t. VI, p. 673-676.

22) Изд. 5, стр. 107.

23) Изд. Москва, 1805 г., часть II, лист 35, об.

24) Там-же, лист 193.

25) Сократ, «Церковная История», VIII, 21, Патрология Миня, греч. серия, т. 67, столб. 781-784.

26) Св. Амвросий Медиоланский, «О должностях», II, 25, Патрол. Миня, лат. серия, т. 16, ст. 139-142; Житие блаж. Августина, глава 24, Миня, 32, 53, 54.

поряжение было вскоре отменено Патриархом. Вследствие такого сопоставления, получается впечатление, будто сам Патриарх Тихон признал ошибкой свое распоряжение о поминовении власти и отменил его. На самом деле, Патриарх не только никогда не считал возможным нарушить апостольский завет (1 Тим. 2, 2) о молитвах за всех начальствующих, но в своем Завещании, подписанном им в день своей кончины, завещал делать это и после его смерти:

“Мы призываем”, — гласит Завещание Патриарха, — “всех возлюбленных чад богохранимой Церкви Российской в сие ответственное время строительства общего благосостояния народа, слиться с нами в горячей молитве Всевышнему о ниспослании помощи Рабоче-Крестьянской власти, в ее трудах для общенародного блага” (“Церк. Ведомости”, 1925, № 9 и 10, стр. 32; “Правда о религии в России” 1942, стр. 44).

И неверно утверждает о. М. Польский, будто-бы молитву за Советскую власть Патриарх Тихон впервые пытался ввести в 1924 году. Русская Церковь молилась не только за православных царей, но и за “Временное Правительство” Керенского, члены которого не отличались религиозностью, и не только молилась, но и возглашала **Временному Правительству** **многая лета**, что вызывало замечания со стороны самих членов этого Правительства.

Молитва за Советскую власть была, 17 ноября 1918 года старого стиля, установлена Всероссийским Собором в той редакции, которую ей дал... нынешний Митрополит и глава Карловацкого раскола, — тогда архиепископ, — Анастасий²⁷⁾.

В упомянутой нами, в главе 2-ой (см. сноску 6-ю), брошюре протоиерея (позже протопресвитера) “анастасиевской” юрисдикции, покойного о. Владимира Востокова, на стр. 12-13 находим следующую выдержку из “Братского Листка в память о. Иоанна Кронштадтского” (№ 2, октябрь 1932 г.), издаваемого в Нью-Йорке:

“Собор принял чин настолования Патриарха Тихона, составленный нынешним Митрополитом Анастасием. В этом чине имеется следующее моление и многолетие:

“О Богохранимой Державе Российской, о победе, о пребывании мира, здравии и спасении **властей** наших;... Богохранимой Державе Российской, **властем**, воинству ее и всем православным христианом **многая лета**” (Книга 4-я “Деяний Собора”, выпуск I, стр. 121).

“Это принято”, — замечает прот. Востоков, — “на соборании Собора 17 ноября старого стиля, когда в Москве “нашими” властями уже прочно сидели большевики”... .

В издании Православной Русской Церкви “Церковные Ведомости”, в № 5 от 20 февраля 1918 года, на первой странице,

²⁷⁾ По общепринятому обычаю, мы называем его митрополитом, что-бы читатель знал, о ком идет речь, но на самом деле глава карловчан является лишь запрещенным в священнослужении архиепископом, так как сана Митрополита от законной церковной власти, он не получил.

была опубликована “молитва о спасении Церкви Православной”, которая должна была читаться на литургии после великой ектении и на молебствиях о прекращении междоусобной брани. В конце молитвы говорится:

“... Милосерде Господи, и рабом Твоим о вразех молитися повелевый, ненавидящих и обидящих нас прости, не воздаждь им, Господи, по делом их,... но к братолюбному и добродетельному настави их, да обратятся к Тебе, своему Владыце, и купно с сынами Церкви Твоя прославят Тебе Единого славимаго Бога во веки веков”.

Против молитвы за Советскую власть карловчане возражают, что за нее нельзя молиться, ввиду ее безрелигиозности.

На это можно ответить словами покойного главы Карловацкого раскола Митрополита Антония:

— “А разве не под безбожною властью были древние христиане — святые мученики, св. апостолы и, наконец, Сам Христос Спаситель, повелевший выплачивать подати безбожному язычнику Пилату?”

Нужно добавить лишь, что апостол Павел заповедовал молиться за всех начальствующих (I Тим. 2, 2), а не только за “религиозных”.

е) Ошибкой считает о. Польский и Завещание Патриарха, которому посвящает особую главу (стр. 23-24). Завещание это, опровергающее все хитроспеления карловчан, они пытались сначала объявить подложным. “Документ этот несомненно поддельный”, пишет в своем послании от 1/V-1925 года Митрополит Антоний (“Церк. Ведомости”, 1925, № 9 и 10, стр. 3). И в органе их Синода, Завещание напечатано под заглавием: “Выдаваемое большевиками за завещание Святейшего Патриарха Тихона” (Там-же, стр. 21-23). Но когда оказалось, что подлинность Завещания засвидетельствована подписью пятидесяти девяти епископов, оспаривать эту подлинность оказалось уже невозможно.

Не имея возможности отрицать подлинность Завещания о. Польский пытается оспорить его авторитетность, стараясь доказать его вынужденность. “Признание за большевиками каких-то достоинств и общий деланный, неискренний тон, не понравились клиру и народу”, — пишет он и продолжает: — “Однако, это свойство документа говорит не о подлоге, не о неподлинности подписи Патриарха под ним, а только о том, что Патриарх не мог его дать добровольно” (стр. 24).

Вполне естественно, что Завещание Патриарха, где единомышленники о. Польского называются “сынами беззакония” и обличаются в “часто грубом, а иногда преступном политиканстве”, во “вредной контр-революционной деятельности, прикрывающейся именем и авторитетом Патриарха”, в “лжи и обмане относительно несвободы Патриарха”, — не понравилось; но не понравилось не “клиру и народу”, а самим карловчанам и их единомышленникам, так как, по пословице, “правда глаза коллет”; но, с другой стороны, “о вкусах не спорят”, и потому та-

кое доказательство вынужденности Завещания, доказывает только то, что других доказательств мнимой вынужденности Завещания, у карловчан нет.

Между тем, именно содержание Завещания доказывает, что оно является свободным и точным выражением убеждений и воли Патриарха. Ведь Завещание не стоит одиноко, а подтверждается целым рядом аналогичных актов Патриарха, начиная от его заявления Суду от 15/VI-1923 года. Подтверждается оно, — и уже упомянутым заявлением Патриарха князю Г. Н. Трубецкому, и своим содержанием, в котором читаем и такую фразу: “враги Святого Православия, — сектанты.. безбожники, и им подобные” (“Церк. Вед.” 1925 г. № 9 и 10, стр. 22). Прямо дико было-бы предположить, что Советская власть стала-бы заставлять Патриарха писать сама против себя, что “безбожники являются врагами Святого Православия”, и т. д.

Чувствуя безнадежность такой аргументации, о. Польский, по своему обыкновению, начинает фантазировать. Ссылаясь на сообщение газеты “Россия” от 17/XI-1945 года (то-есть 20 лет спустя после кончины Патриарха), будто за два часа до смерти Патриарха, Митрополит Петр Крутицкий “очень долго оставался у Патриарха и очень возбужденно о чем-то говорил с ним”. о. Польский смело делает отсюда вывод: “мы имеем все основания (не приводя ни одного!), утверждать, что подпись Патриарха под этим завещанием удалось вырвать (!) у него только перед самой смертью, и с большой борьбой, которая может быть немного ускорила его кончину, а то и стоила ему жизни, положив на его сердце непосильную тяжесть. Епископат в России знал об этой бурной предсмертной беседе”, — продолжает фантазировать о. Польский, — “и не одобрил М. Петра за его назойливость” (стр. 24).

Итак, — по утверждению о. Польского, — М. Петр, добиваясь стать местоблюстителем патриаршего престола, сделался убийцей Патриарха Тихона...

— Но такое чудовищное обвинение совершенно не вяжется с личностью покойного Местоблюстителя и с содержанием акта по поводу Завещания, подписанного пятьюдесятью девятью епископами. Не вяжется оно даже с тем, что пишет через несколько страниц, “задняя забывая”, сам о. Польский: “Со смертью Патриарха Тихона, опыт компромиссов кончился. В течение двух полных лет... Местоблюститель М. Петр и его заместители... держали непримиримо твердый курс... ему предложены были от имени правительства четыре условия легализации. Положив в Церкви предел всяким колебаниям и неуверенности своим твердым и безбоязненным руководством, М. Петр отклонил теперь эти условия и отказался подписать предложенный ему текст декларации (откуда это известно? — С. П.). Неподкупный и бесстрашный вождь церковный определил свою личную судьбу: арестованный в декабре 1925 года, он умер в этом-же месяце 1936 года, не увидав свободы” (стр. 27-28).

Но, если Митрополит Петр был таким непримиримым противником Советской власти, то как же он мог настаивать на подписи Завещания, которое требует искреннего подчинения и содействия этой власти, и строжайшим образом осуждает всякое сопротивление ей? И по каким мотивам он мог так кривить душой, он, — которого сам о. Польский характеризует, как неподкупного и бесстрашного вождя Церкви? По мотивам властолюбия? Но, ведь и ребенку было ясно, что церковную власть может удержать только тот, кто будет подчиняться Советской власти, а сам о. Польский утверждает, что Митрополит Петр держал непримиримо твердый курс. А кроме того, подписанный пятьюдесятью девятью епископами акт о назначении Местоблюстителя опубликованный и в органе Карловацкого Синода ("Церк. Вед.", 1925, № 11-12, стр. 1-3), доказывает, что Митрополит Петр вовсе не хотел занять, соединенный с такими опасностями, пост Местоблюстителя, и согласился на это только 12/IV-1925 года, когда сонм 59 епископов постановил: "Мы, архипастыри, признаем, что Высокопреосвященный Митрополит Петр **не может уклониться** от данного ему послушания и, во исполнение воли почившего Патриарха, **должен** вступить в обязанность Патриаршего Местоблюстителя".

Неправда и то, что будто Митрополит Петр иначе относился к Советской власти, чем Патриарх Тихон. Если бы это было так, Патриарх не избрал бы его Местоблюстителем. В своем послании от 28/VII-1925 года, Митрополит Петр, как и Патриарх Тихон, убеждает архипастырей, пастырей и всех православных, "являть примеры повиновения существующей гражданской власти, в согласии с заповедями Божиими (Мрк. 12, 17; Римл. 13, 1; Деян. 4, 18-19), дабы последняя видела это, и Дух Божий возглаголал бы через нее благая о Церкви Своей (I Петр. 2, 12-14)". Непримиримо относился он не к гражданской власти, а к раскольникам, — обновленцам и карловчанам, почему последние долго и не хотели признавать его, а его послание опубликовали с оговоркой, что "призыв Местоблюстителя Патриаршего Престола, к повиновению существующей в России гражданской власти, не может относиться к чадам заграничной Православной Русской Церкви" ("Церк. Вед.", 1925, № 21-22, стр. 5). И причиной ареста Митрополита Петра был вовсе не отказ его подписать текст декларации, как фантазирует о. Польский, а интриги обновленцев и карловчан. И те, и другие, страшно боялись установления нормальных отношений между Патриархией и Советской властью.

Нужно обратить внимание и на тот факт, что Завещание Патриарха было написано им еще 7/I-1925 года, то-есть за три месяца до смерти, и если бы Патриарх в чем хотел изменить его, то он имел достаточно времени для этого, а в день смерти Патриарха вопрос шел только об его подписи. Как же можно утверждать, что Патриарх сопротивлялся подписи Завещания, написанного им самим, вполне согласного со всеми его актами, изданными в предшествующие два года и оставленного им не-

изменным, как выражающего его подлинную и непреклонную волю?

Отсюда, ясно как день, что сообщение о. Польского о вынужденности Завещания, есть лишь одно звено в длинной цепи его выдумок, которой он опутывает мало осведомленного и доверчивого читателя.

В главе "Оценка компромиссов" (стр. 25-26), дается общая оценка деятельности Патриарха Тихона. Конечно, никакого сочувствия деятельности Патриарха, строго и справедливо их осудившего, карловчане иметь не могут. Но они организовались во время его управления Церковью, и ссылаясь на акты этого управления, и потому, о. Польскому, чтобы не рубить сук, на котором он сидит, приходится по французской поговорке, "делать хорошую мину при худой игре" и представлять Патриарха своим единомышленником.

"Легализации своего церковного управления Патриарх не получил, потому-что никакого единства интересов Церкви и советской власти он не исповедал", пишет о. Польский, подразумевая, конечно, что это, будто-бы сделал Митрополит Сергей.

— Да, не исповедал, так как интересы Церкви и Государства различны; различны, но не противоположны, и достижения государственной властью благосостояния Государства, — в интересах и Церкви, так как оно дает возможность ее членам "проводить жизнь тихую и безмятежную во всяком благочестии и чистоте" (I Тим. 2, 2), почему Патриарх и призывал их "слиться с ним в горячей молитве к Всевышнему о ниспослании помощи Рабоче-Крестьянской власти, в ее трудах для общенародного блага", — а не призывал другие державы к военной интервенции против этой власти, как делали карловчане и о чем они не только мечтают, но пишут и теперь.

... "Патриарх был внешне стеснен и говорил: "я ведь только считаюсь на свободе, а ничего делать не могу, — посылаю архиерея на юг, а он попадает на север", — разумеется в ссылке", — пишет о. Польский, — и ссылается на книгу: Михаил Священник, "Положение Церкви в Советской России", 1931, то-есть, по своему обычаю, — на самого себя...

Неизвестно, так-ли, на самом деле, говорил Патриарх, но точно известно, что в начале своего Завещания он писал:

"Представители Советской власти еще в январе 1918 года издали декрет о полной свободе граждан веровать во что угодно и по этой вере жить. Таким образом, принцип свободы совести обеспечивает... нашей Православной Церкви право и возможность жить и вести свои религиозные дела согласно требованиям своей веры... А, поэтому, мы всенародно признали новый порядок вещей и рабоче-крестьянскую власть народа, правительство коей искренно приветствовали".

— "Но он сохранил самоуправление и внутреннюю свободу Церкви", — говорит о. Польский. — Да, сохранил, но, как пишет он в Завещании, "сообразуя распорядок внешней цер-

ковной жизни и деятельности, с новым государственным строем, осуждая всякое сообщество с врагами Советской власти и явную, и тайную, агитацию против нее”.

— “В угоду власти он не устранил с кафедр епископов и не сказал неправды на положение (о положении?) Церкви и клеветы на клир”, — пишет о. М. Польский, — разумея под клеветой, обвинение в контр-революции.

Но, ведь, постановление об упразднении Карловацкого Управления издал сам Патриарх Тихон, и не “в угоду власти”, а за провокационный характер выступлений этого Управления, обманно делаемых во имя Патриарха. “Они вольны в своих убеждениях, — говорит Завещание о карловчанах, — но они, в самочинном порядке и вопреки канонам нашей Церкви, действуют **от нашего имени** и от имени Святой Церкви, прикрываясь заботами об ее благе”.

А о том, что многие клирики были действительно виновны в контр-революции, Патриарх не только писал в своих посланиях, но, как видно из его Завещания, учредил особую комиссию, “возложив на нее обследование, и если понадобится отстранение, в каноническом порядке, от управления тех архипастырей и пастырей, которые упорствуют в своих заблуждениях и отказываются принести в них раскаяние пред Советской властью, предавая таковых суду Православного Собора”.

— “Патриарх... немедленно исправлял ошибки и компромиссы, сделанные по насилию и провокации большевиков”, — продолжает о. Польский.

Ну, а вот сам Патриарх, совершенно иначе объяснял свои ошибки: — “господствовавшей на Соборе ориентацией” и влиянием своего “злоумного” (единомысленного с карловчанами) окружения.

— “Словесные выступления, вымученные и вынужденные... остались без последствий”, — утверждает о. Польский.

Но во всех своих выступлениях, начиная с заявления Суду от 15/VI-1923 года и до предсмертного Завещания от 7/IV-1925 года, Патриарх утверждает, что его выступления были вызваны ложью и клеветой врагов Советской власти против нее, тогда как его заявления в защиту этой власти, выражают его искреннее убеждение и сделаны вполне свободно. “Нет на земле власти”, — говорит Завещание, — “которая могла-бы связать нашу святительскую совесть и наше патриаршее слово”; в негодовании против распространителей ложных слухов, подобных о. Михаилу Польскому, заявляет это сам Патриарх-Исповедник.

И неправда, будто заявления Патриарха остались без последствий. Заявления эти легли в основу всей церковной политики преемников Патриарха Тихона.

“Он был подлинно мученик за Церковь Божию”, — пишет о. Михаил, забывая добавить, что виновниками его мучений были и единомышленники о. Михаила — карловчане, ухудшавшие, своими политическими выступлениями, отношение вла-

сти к Церкви и мечтавшие о том, чтобы Исповедник сделался действительно мучеником, что могло вызвать военную интервенцию иностранных держав против Советской власти...

5. Оценка деятельности Митрополита Сергия до его декларации о легализации Управления Русской Церкви

Страницы 26-34 своей книги о. Польский посвящает, главным образом, оценке деятельности Митрополита Сергия до его декларации о легализации.

Подчинившись директивам "Монархического Совета", Карловацкое Управление своею главною задачей поставило свержение Советской власти, и с этой точки зрения оценивает церковную жизнь в Советском Союзе. Церковные течения, враждебные Советской власти, находят у него положительную оценку, а действия церковной власти, направленные к установлению нормальных отношений с властью государственною, — отрицательную; Легализация-же Церковного Управления Патриархии, устанавливающая таковые отношения, вызывала у Карловацкого Управления особенно сильное недовольство, поскольку она в корне подрывала его надежды на свержение Советской власти с помощью Русской Церкви.

И вот, о. Польский, в данном отделе хочет показать, что до декларации Митрополита Сергия, вся иерархия Русской Церкви и сам Митрополит Сергей, были против легализации, а допутно, на стр. 32-33, излагает свою наивную теорию о норме взаимоотношений Церкви и Государства. В доказательство того, что после кончины Патриарха и до декларации Митрополита Сергия, весь епископат Русской Церкви был против легализации, о. Польский ссылается на следующие факты и документы:

- а) Протест епископата против Митрополита Агафангела (стр. 27).
- б) Отказ Митрополита Петра принять условия легализации (там-же).
- в) Памятную записку Соловецких епископов (стр. 28-29).
- г) Проект обращения Митрополита Сергия к Советской власти (стр. 29).
- д) Его-же, письмо к зарубежным иерархам (стр. 29-30).
- е) Отказ Архиепископа Серафима принять условия легализации (стр. 30).

— Все это неправда. На самом деле, вопрос о легализации Церковного Управления поднял еще Патриарх Тихон, о чем Митрополит Сергей пишет, как в своем проекте обращения к Советской власти, так и в своей декларации; А в два первые года после кончины Патриарха, шли подготовительные работы для издания этого важного акта, в которых принимали участие как Митрополит Сергей, так и многие другие иерархи Русской Церкви.

Между тем, факты и документы, на которые ссылается

о. Польский, или не идут к делу, или доказывают как-раз обратное.

а) О. Польский утверждает, будто протест епископов против решения Митрополита Агафангела, вступить в должность Местоблюстителя, был вызван их опасением, что он примет условия легализации, тогда “как Митрополит Сергей стойко отвергал советские условия”. В доказательство, о. Польский приводит глухую ссылку на “Церк. Вед.” № 1, 1927. На самом деле, в № 1 и 2 “Ц. Ведомостей” об этом протесте говорится только на стр. 17, и здесь нет даже слова “легализация”, а протест епископов объясняется только тем, что претензия Митрополита Агафангела на местоблюстительство, противоречила воле Патриарха, назначившего Местоблюстителем Митрополита Петра, а тот назначил своим заместителем Митрополита Сергия.

б) Что сообщение о. Польского, — будто Митрополит Петр был арестован за то, что не хотел принять условия легализации, — есть простая выдумка, мы уже видели на стр. 29.

в) Крайне недобросовестна ссылка о. Польского на “Памятную записку Соловецких епископов” от 7/VI-1926 года. Чтобы его недобросовестность не была очевидна читателю, он умалчивает о том, где была опубликована эта “Записка”; а из текста “Записки”, опубликованной в “Вестнике Христианского Студенческого Движения” за 1927 г. № 7, видно, что этот документ, на который о. Польский ссылается как на доказательство, что епископат Русской Церкви был против легализации, — является **просьбой** Правительству **о легализации**. В частности, здесь испрашивается предоставление церковным учреждениям прав юридического лица, разрешение организовать легальное Центральное Управление Церковью и изменение закона о запрещении преподавать Закон Божий детям²⁸).

г) Столь-же недобросовестны и ссылки о. Польского на акты Митрополита Сергия. — Проект обращения к Советской власти от 10 июня 1926 года, есть лишь приложение к его одновременному ходатайству Комиссариату Внутренних Дел, о легализации церковных органов, в частности о регистрации его, Митрополита Сергия, в должности Заместителя Патриаршего Местоблюстителя, а также о регистрации местных административных церковных органов, о разрешении созыва епископов и издания “Вестника Московской Патриархии”, и об открытии духовно-учебных заведений²⁹).

д) Нечестно пользуется о. Польский и вторым документом, — письмом Митрополита Сергия зарубежным иерархам от 12 сентября 1926 года³⁰). Об этом письме о. Польский пишет, что

²⁸) См.: Проф. Иринарх Стратонов, «Документы Патриаршей Церкви последнего времени», «Церк. Вестник», 1928, № 14, стр. 19; «Путь № 9, стр. 66.

²⁹) Там-же стр. 15; «Путь» № 9, стр. 63.

³⁰) Письмо это полностью напечатано в «Вестнике Русского Студенческого Христианского Движения», № от 8-III—1927, стр. 29, а с пропусками.

оно “с глубокою братскою искренностью дает совет об устройстве эмигрантской Церкви”, но умалчивает о той аргументации, которой Митрополит Сергей доказывает в этом письме неправильность установленного карловчанами заграничного церковного устройства, хотя и в самой деликатной форме. В конце письма, Митрополит Сергей упоминает, что “Святейший, в апреле или в марте 1922 года, действительно издал распоряжение о закрытии Заграничного русского Синода”³¹⁾ и, допуская теоретически возможность создания вместо существующего, — нового центрального органа церковного управления, — если-бы существовало общее согласие между иерархами, — он, считаясь с фактом отсутствия такого согласия, указывает совсем другой план устройства заграничной Церкви.

— “Если такого органа, общепризнанного всею эмиграцией, создать повидимому **нельзя**”, — пишет Митрополит Сергей, — “то уже **лучше** покориться воле Божией, признать, что отдельного существования эмигрантская Церковь устроить себе **не может**, и потому всем Вам пришло время **встать на почву канонов** и подчиниться (допустим временно) местной православной власти, например, в Сербии — Сербскому Патриарху, и работать на пользу той частной Православной Церкви, которая Вас приютила.

В неправославных странах, можно организовать самостоятельные общины или церкви, членами которых могут быть и не-русские. Такое отдельное существование **скорее** предохранит от взаимных недоразумений и распрей, чем старание всех удержать и подчинить **искусственно** созданному центру.

Такая постановка дела, повидимому, **более соответствует** теперешнему положению и нашей здешней Церкви”.

Таким образом, в этом письме, Митрополит Сергей доказывает необходимость закрытия Карловацкого Управления следующими вескими аргументами: 1) обязанностью подчиниться воле Божией, 2) требованием канонов, 3) обязанностью повиноваться постановлению главы Русской Церкви — Патриарха Тихона, 4) интересами самой Русской Церкви, которая тогда освободится от ответственности за деяния “злоумных” церковных политиканов, и 5) интересами самой Заграничной Церкви, которая тогда избавится от взаимных распрей и от подчинения искусственно, то-есть **антиканонически**, созданному центру.

Трудно более убедительно доказать необходимость закрытия Карловацкого Управления, чем это сделал Митрополит Сергей в своем письме, а между тем, 26/1-1927 года, Карловацкий Синод постановил:

— “Признать, что Митрополит Сергей признает, что все дела Заграничной Церкви должны окончательно решаться Русским Заграничным Церковным Правительством, каковым является Архиерейский Собор и его Синод”...

в книге Глеба Рара (А. Ветрова), «Плененная Церковь», Изд. «Посев», 1954, стр. 22-23.

³¹⁾ В книге Рара это влущено.

А, 4/IX-1927 года, это постановление Карловацкого Синода, принял и Карловацкий Собор ("Ц. Ведомости", 1928, № 1 и 2, стр. 6-7).

Можно-ли найти более яркий пример недобросовестного толкования? О. Польский утверждает, что в письме Митрополита Сергия, "мысль о возможности подчинения (Заграничной Церкви) Московской Патриархии, не допускается" (стр. 30).

На самом деле, в письме, самостоятельность Заграничной Церкви допускается только тогда, когда между нею и Московской Патриархией "фактически нет отношений", и даже подчинение Заграничной Русской Церкви — Местной Православной Власти, называется "временным".

Стремясь, во что-бы то ни стало, доказать, что сам Митрополит Сергий до своей декларации был противником легализации, о. Польский ссылается на письмо Митрополита Сергия, целиком посвященное вопросу о положении Заграничной Церкви, и не имеющее отношения к вопросу о легализации Церкви в СССР.

Дышащее глубокой искренностью и горячей любовью к своим заграничным собратьям, это письмо Митрополита Сергия было предательски использовано карловцкими иерархами. Письмо это было отправлено карловцким иерархам доверительно, а... было сфотографировано и опубликовано в прессе.

е) Причисляет о. Польский к противникам легализации и другого Заместителя Местоблюстителя, Архиепископа Углицкого Серафима, голословно утверждая, будто Архиепископ Серафим отказался принять условия легализации, сказав, что он не считает себя полномочным решать основные вопросы принципиального характера, без находящихся в заключении старших иерархов (стр. 30).

Даже если допустить, что это сообщение о. Польского точно, что, при великой его склонности к фантазированию, сомнительно, все-же нельзя считать архиепископа Серафима противником легализации, так как он отрицал не пользу легализации для Церкви, а лишь свою компетентность принять условия таковой.

Таким образом, ни одного факта, доказывающего, будто епископат Русской Церкви, до декларации Митрополита Сергия, был против легализации, о. М. Польскому найти не удалось.

Сам чувствуя, что факты не оправдывают его воззрений, о. Польский на стр. 32-33, ищет помощи в теоретических рассуждениях, стараясь доказать парадоксальный тезис, будто легализация полезна для Церкви только в христианском и православном государстве, тогда как в государстве языческом, или не отказавшемся от безбожия, легализация Церкви "есть нечто странное, новое и опасное для Церкви, и заведомо выгодное для богоборчества".

— Но по-истине странной является самая мысль о. Польского, что легализация, то-есть признание государственной вла-

стью права Церкви и ее учреждений на законное существование, — является опасным для Церкви в языческом или безбожном государстве!.. — Как раз наоборот. Именно в языческом и безбожном государстве легализация **особенно нужна** Церкви, так как она гарантирует Церковь и ее учреждения от враждебных действий со стороны лиц, не разделяющих ее воззрения. Поэтому именно, еще в древности, христианские апологеты так **настойчиво добивались** от языческих властителей **легализации** Церкви.

Легализация Церкви в, так называемом, безбожном государстве, может показаться странною не с точки зрения интересов Церкви, а только с точки зрения интересов Государства, признающего, таким образом, право на законное существование организации, не разделяющей его безбожных воззрений. Но и эта странность мнимая. Государство, как таковое, не может быть ни религиозным, ни безбожным. Религиозными или безбожными могут быть лишь отдельные **лица**, члены Государства или партии. И коммунистическая партия, действительно, требует от своих членов отказа от “религиозных предрассудков”, но не Советское Государство, конституция которого гарантирует всем гражданам свободу совести, то-есть право быть или верующими или неверующими, а потому легализация Церкви, — как объединения верующих, — странностью не является.

Столь-же ошибочны и рассуждения о Польского, которыми он хочет доказать свой тезис о недопустимости легализации Церкви в Советском Государстве.

— “В идеале, в принципе государство и религия нераздельны, как это было в народе Божиим, ветхозаветном”, — пишет он. Что-же? Значит, отделение Кесарева от Божьего требуемое евангельским учением (Мф. 22, 16-21; Мрк. 12, 17; Римл. 13, 7), является отступлением от идеала, и христианин должен руководиться не Евангельским учением, а примером еврейского народа? Да и в Ветхом Завете государство и религия вовсе не были нераздельны: уже по одному тому, что священство там сохранялось преемственно в колене Левия (Второзак. 18, 1-2), включая и эпоху царей из колена Иудина (см. напр., 2 Парал. 26, 16-20: случай с царем Озией).

— “Религия — душа общества, а государство — его тело. Невозможно в живом человеке отделить тело от души” — продолжает о. Польский.

Но, « *comparaison n'est pas raison* », — сравнение не есть доказательство так как между сравниваемыми предметами должно быть и различие, а иначе они были-бы тождественны. И между человеком и государством, есть то существенное различие, что человек есть индивидуум, нечто неделимое, тогда как государство есть коллектив, в котором функции власти возлагаются лишь на некоторых его членов, — на “Кесаря”, — главу Государства и подчиненные служебные органы.

“Один и тот же человек является членом государства и Церкви”, — утверждает он. Но, как слово Божие (Мф. 6, 24;

Иоан. 14, 36; II Тим. 2, 4), так и каноны (Ап. 16, 20, 81, 83; IV Всел. С. 7; VII Всел. С. 10; Вас. Вел. 55), строго запрещают, и даже карают анафемой, священнослужителей и монахов, принимающих на себя обязанности государственного управления. А если будет издано какое распоряжение, или будет существовать какой обычай, несогласный с этими правилами, то, как говорит постановление Константинопольского Патриарха Луки Хризверга, “они должны быть сокрушены силою правил, подобно горшку, ударившемуся о котел” (Валсамон, в толк. на 23 правило Карфаг. Собора; Аф. Синтагма III, 347; “Правила Поместных Соборов”, М., 1881, 429).

“Религия — душа общества, а государство — его тело... Тело — государство, служебно в отношении к духу — религии”, — говорит он.

— Но, ведь, государство преследует только экономические и правовые цели и никаких религиозных функций не имеет. И религия не есть душа государства, так как в одном государстве может существовать несколько религий, отрицающих друг друга, и связать государство с религией, — это значит, создать почву для раздробления и гибели государства, как это было в Византии, которая, из-за религиозных споров, потеряла свою житницу, — Египет и Сирию и, в конце концов, сделалась легкой добычей врагов.

Не имеет Государство и служебной роли в отношении к Церкви, так как оно установлено от Бога (Римл. 13, 1) не для служения Церкви, а для борьбы со злом в человечестве, силою внешнего принуждения (Римл. 13, 3), и для организации человечества, ради осуществления, первой по времени, заповеди Божией (Быт. 1, 28) об обладании тварным миром. А, создавая, таким образом, мир и благосостояние общества, государственная власть только **косвенным образом** служит и Церкви, почему в Слове Божиим, начальник называется “слугой Божиим” (Римл. 13, 4), а не “слугой Церкви”.

“Церковь легко может жить в государстве, которое склоняется перед христианством и полагает его в основание своего бытия. Только здесь свобода Церкви обеспечена”, — настаивает о. Польский.

Но, Основатель Церкви вовсе не обещал ей, что она будет “легко жить” (Мф. 5, 11; 10, 18; Лк. 6, 22; Иоан. 15, 12; 16, 2, 20 и др.). — Христианство, с его учением о жертве и любви, должно быть основанием Церкви, тогда как в основе Государства должны лежать правовые начала справедливости и равенства всех перед законом, чем и будет обеспечена свобода Церкви.

— “Благодарная и благочестивая власть желает помочь Церкви, в достижении ею спасительных целей, и обеспечивает ей самоуправление и самоорганизацию”, — продолжает о. Польский.

А как видно из дальнейших его рассуждений (стр. 33), выражение “благоверная, благочестивая власть”, — не значит у него, что тот или другой носитель власти **может быть** православным, — и что, конечно, **желательно** для Православной Церкви, — а значит то, что он считает нормальным только такое государственное устройство, когда носители верховной власти **должны быть** православными! И Московский Собор 1917-1918 гг., действительно постановил, что “Глава Российского Государства, Министр Исповеданий и Министр Народного Просвещения, и товарищи их, **должны быть** православными”...

Но, ведь, это значит, — с одной стороны, — нарушать принцип равенства граждан перед законом, давая привилегию православным, — а с другой, — ограничивать свободу совести носителя верховной власти и его ближайших сотрудников, каковые должны быть православными не по своему убеждению, а по занимаемому ими положению.

...“Благоверная и благочестивая власть желает помочь Церкви”... Но, во-первых, Государство получает свои средства от граждан принудительно, а для Церкви имеет моральную ценность только то, что дается добровольно, а, во-вторых, всякая власть будет оказывать Церкви именно ту помощь, которую сама она считает нужной для Церкви. Таким образом, Церковь становится в зависимость от воззрений носителей власти. Не “благодать Святаго Духа, чрез которую, правда иереями Христовыми, зрится разумно и содержится твердо” (Каноническое послание Карфагенского Собора) будет управлять тогда Церковью, а воззрения власти, которые могут быть и неправославны.

— “Церковь приемлет эту помощь, и когда, например, против нее есть насильственные действия еретиков, она может просить себе охранения от гражданских властей”, — читаем у о. Польского.

Но, насильственные действия не допускаются гражданской властью не только в православном, но и во всяком благоустроенном государстве, и не допускаются, производимые не только еретиками, но и кем-бы то ни-было; а если Православная Церковь будет просить таковой помощи **во имя своего Православия**, то этим, она предоставит государственной власти право решать вопрос об истинности того или другого религиозного учения, и поставит себя в зависимость от понятий и правоверия носителей государственной власти, какового может и не быть. В Византии было немало императоров еретиков: ариан, монофизитов, монофелитов, иконоборцев. Даже величайшие византийские императоры, — Константин Великий и Юстиниан, — думая помочь Церкви, поддерживали еретиков, первый — ариан, второй — монофизитов. В России, Петр Великий думал помочь Церкви, преобразовав ее по протестантскому образцу. Роковое значение имело вмешательство

в церковные дела, через императорскую власть, Распутина³²⁾ и некоторые епископы пострадали после как мнимые распутицы, например, архиепископ Донской, Митрофан (“Ц. Ведом.”, 1918, № 17-18, стр. 589).

Сознает эту слабую сторону своей идеологии и сам о. Польский. “Когда у церковного управления не бывало компромиссов с благоверными властями?” — спрашивает он, и утешается тем, что “идеал далек и не всегда достижим”.

Легко примиряясь с компромиссами с “благоверными” властями, он горячо восстает против компромиссов с властями неблаговерными. — “Но компромисс с явными богоборцами и врагами Церкви, и ее гонителями, представляется уже как измена и предательство, называемое канонами падением, или отступлением от веры и Церкви...”

На самом деле, как-раз наоборот. Компромисс Церкви с благоверными властями недопустим потому, что те-же самые предписания веры и морали, которые обязательны для носителей церковной власти, являются обязательными и для носителей “благоверной” власти государственной и, потому, во всяком компромиссе виноватыми являются обе стороны, как нарушившие апостольский завет, что Богу нужно повиноваться более, чем людям (Деян. 4, 19; 5, 29; II Кор. 13, 8).

Между тем, соглашение церковной власти с государственной, в Советском Союзе не может иметь характер компромисса, то-есть какой-нибудь уступки религиозного характера, взамен за улучшение положения Церкви в Государстве, так как такие уступки не нужны Советской власти. Гонения Церкви первых веков производились представителями языческой власти, требовавшей от христиан, прежде всего, признания священного характера власти императора, признания, своего рода языческого цезаропапизма, тогда как атеистическая Советская власть, совершенно не требует признания за ней какого-либо священного характера и вообще, сами по себе, вопросы веры ее не интересуют, и какой-либо компромисс с нею в этих вопросах, ей не нужен.

О. Польский называет Советскую власть богоборной. Да, эта власть честно не признает самого существования Бога. Но с самой верой в Бога, она борется лишь постольку, поскольку религиозные организации становятся в оппозицию ее социальной и экономической политике. Как только прекратилась эта оппозиция, изменилась и борьба с верой, без всяких “падений” и “отступлений от веры” со стороны верующих: так как принцип свободы совести лежит в основе ее Конституции.

³²⁾ А какое громадное влияние имел Распутин во время Первой Великой Войны не только на государственные, но и церковные дела, показывают изданные в английском оригинале, и русском (не всегда верном) переводе, письма императрицы Александры Федоровны к своему мужу. Ведь, не только почти все Министры, но и Ober-Прокуроры Синода и их товарищи, и некоторые иерархи Русской Церкви, за это время были поставлены по совету Распутина.

Обращаясь к общей оценке церковно-политической идеологии о. Польского, нужно сказать, что она есть старая идеология официальной “Государственной Церкви”, идеология Иосифа Волоцкого, — который также руководился Ветхим Заветом, а не Евангельским учением, также считал обязанностью Государства борьбу в защиту государственной Церкви и религии от еретиков, путем насилия и “святого коварства”. Считавшаяся как-бы официальной идеологией Церкви, идеология эта осталась **чуждой**, как передовым кругам образованного общества, так и православному народу и, потому, крушение этой идеологии при Советской власти, народ от Церкви не оттолкнуло.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Во второй части своей книги, озаглавленной: “**Н е к а н о н и ч е с к и й п е р и о д**”, о. Польский сначала на стр. 34-57 подробно, но недобросовестно, разбирает декларацию Митрополита Сергия, как со стороны ее происхождения, так и со стороны ее содержания и ее последствий, а затем, на стр. 57-112 переходит к критике или вернее, к огульному и тенденциозному осуждению, как личности возглавивших Московскую Патриархию иерархов, главным образом Митрополита — а потом Патриарха — Сергия, так и всей их церковной политики.

1. Происхождение декларации

Против декларации Митрополита Сергия от 29/VII-1927 г. направлена большая часть полемики о. Польского. Этой декларации он придает значение поворотного пункта в политике Митрополита Сергия и считает ее рубежом, отделяющим канонический период в истории Московской Патриархии, от неканонического. Декларацию он считает неканонической по своему происхождению и вредной по своему содержанию. Неканонической он считает ее потому, что она, будто-бы а) вынуждена Советской властью и б) издана Митрополитом Сергием единолично, без согласия епископата.

а) Была-ли декларация вынужденной?

Происхождение декларации о. Польский объясняет таким образом:

“Митрополит Сергий... был арестован 30 ноября/13 декабря 1926 г. “Проект обращения” Митрополита Сергия к Советской власти не был принят агентом власти, и этот... продолжал настаивать на принятии известных четырех условий... Для большей убедительности этих условий, ГПУ настолько усилило репрессии против епископата, что в редкой епархии оставались еще епископы... Большевики, давя террором, продолжали переговоры о легализации с законной церковной властью... Жертвой специальной обработки... сделался снова м. Сергий. 17/30 марта 1927 г. после трех с половиной месяцев заключения, он был освобожден из тюрьмы.. Наконец, в атмосфере все растущего недоверия, от 16/29 июля 1927 г. вышла знаменитая декларация м. Сергия...” (стр. 34-35).

Получается впечатление, что Митрополит Сергий был арестован

стован за то, что не соглашался принять условия легализации, но потом купил себе свободу принятием этих условий и в силу этих условий издал декларацию.

Все это неверно.

На самом деле, легализация нужна была не Советской власти, а нужна была самой Церкви, чтобы положить конец анархии в Церкви и охранить ее от произвола местных властей, и не власть навязывала легализацию Митрополиту Сергию, а как свидетельствует Митрополит Елевферий, возглавлявший тогда Православную Церковь в другом государстве, “сам Митрополит Сергей просил Советскую власть признать Патриаршую Церковь законно существующей религиозной общиной, внутренне управляемой по своим правилам и, с своей стороны, дал обязательство, что возглавляемая им Церковь ни явно, ни тайно, не будет выступать против Советской власти”. По мнению Митрополита Елевферия, причиной ареста Митрополита Сергия было обвинение его в нелегальном письменном сношении с эмигрантскими иерархами, с предъявлением фотографии его письма (“Неделя в Патриархии”, Париж, 1933, стр. 116-117).

Это мнение соответствует заметке официального органа Карловацкого Синода “Церковные Ведомости” (1927, № 9 и 10, стр. 11):

— “Пребывая в Москве, Митрополит Сергей совершает церковные службы, на которые стекаются массы молящихся. Можем определенно сообщить, что Митрополит Сергей был арестован в связи с заграничной церковной смутой... Не можем не выразить возмущения против опубликования в парижской печати письма Митрополита Сергия, присланного доверительно. Оно было послано перед этим только трем архиереям, в совершенно секретном порядке. Чтобы снять с себя вину за это опубликование, письмо было переслано сначала в Ригу, в газету “Сегодня”, а затем уже оттуда было перепечатано в “Возрождении”...”

Как видно отсюда, карловацкий журнал, признавая, что причиной ареста Митрополита Сергия было предательское опубликование его секретного письма, сваливает вину на рижскую и парижскую печать. Но, ведь письмо было послано карловацким епископам, и кто же кроме них мог выдать письмо не только для печати, но и для фотографирования?

б) Была ли декларация издана с превышением полномочий?

Отец Польский утверждает, что декларация была издана, вопреки 34-му апостольскому правилу, “без рассуждения всех” и потому в ней Митрополит Сергей превысил свои полномочия и нарушил единомыслие (стр. 36).

Но, прежде всего, если-бы Митрополит Сергей и действительно издал декларацию единолично, это не значило-бы, что он превысил свои полномочия, так как мы уже видели, что еди-

ноличное управление в Церкви было установлено еще в начале 1918 года Всероссийским Собором, и если на этом основании признавать декларацию неканонической, то придется признать неканоническими и все единоличные акты как Патриарха Тихона, так и всех его заместителей.

Но, на самом деле, декларация вовсе не была единоличным актом Митрополита Сергия, а подписана не только им, но и еще восемью архиереями (см. "Церковные Ведомости", 1927, № 17-18, стр. 6) и одобрена большинством епископата Русской Церкви. Прежде всего, декларацию одобрил сам Местоблюститель Патриаршего Престола, Митрополит Петр. В своей упомянутой брошюре, Митрополит Елевферий сообщает, что у Митрополита Петра две недели пробыв викарий Рязанской епархии, епископ Василий и потом подал письменный рапорт Св. Синоду, где, между прочим, писал:

"С братским приветствием Митрополиту Сергию и Синоду, Митрополит Петр просил передать им, что, по его мнению, это воззвание (декларация) появилось своевременно, как подсказанное необходимостью современного момента исторического бытия родной нашей Церкви" ("Нед. в Патриархии", стр. 108).

И сам о. Польский на стр. 66 пишет:

"Еп. Василий, вик. Рязанский (11 ноября 1927 г.), вопреки другим известиям, сообщает, что с 1 августа по 27 сент. был вместе с м. Петром на о. Хэ, и последний одобрил позицию м. Сергия", — а о том, что Митрополит Петр одобрил именно декларацию, о. Польский умалчивает.

Какие это "все другие известия", — о том он пишет на стр. 46. Оказывается, что это явно и неудачно выдуманное свидетельство какого-то анонимного участника какой-то также не названной научной экспедиции.

А на стр. 66-67, сам же о. Польский приводит выдержки из писем 19-ти епископов, вполне одобряющих позицию Митрополита Сергия.

Но, конечно, о. Польский не особенно заботился о том, чтобы собрать все одобряющие декларацию Митрополита Сергия епископские заявления, опровергающие его утверждения, будто в с я Церковь вела грандиозную борьбу с позицией Московской Патриархии (стр. 65). Например, не упоминает он, что и Соловецкие узники, по свидетельству Митрополита Елевферия ("Неделя в Патриархии", стр. 124), были на стороне Митрополита Сергия. А остальные епископы, одобряя декларацию, не имели повода публично выступить в ее защиту. Между тем, против декларации, как увидим далее, было всего несколько епископов, причем одни восставали против нее по личным мотивам, а другие поняли свою ошибку и раскаялись.

2. Последствия декларации

Как утверждает о. Польский, декларация, по своему содержанию, была вредна для Церкви, так как она: а) легализовала одно высшее Церковное Управление, а епископы на ме-

стах потеряли всякую связь с центром (39), б) явилась причиной нового раскола (36-37), в) усилила гонения на Церковь (38-44), г) Церковное Управление оказалось дискредитированным в глазах верующего народа (39), а Патриархия стоит и поддерживается Советской властью до сего времени (37).

а) Что было легализовано?

Странно, что о. Польский будучи противником всякой легализации вообще, негодует на то, что легализация, будто-бы, не распространилась на епархиальные учреждения, а коснулась только Высшего Церковного Управления... Но, на самом деле, было легализовано и епархиальное управление. “Мы надеемся, что легализация постепенно распространится и на низшее наше церковное управление, епархиальное, уездное и т. д.” — говорится в декларации (“Церк. Вед.”, 1927, № 17-18, стр. 6), — а в Послании Митрополита Сергия, подписанном и еще десятью епископами, и изданном 31-XII-1927 г., уже говорится, что постепенно открываются Епархиальные Советы (“Церк. Вед.”, 1928, № 3-4, стр. 6).

Неправда и то, будто, вследствие легализации, епархии потеряли всякую связь с центром. На самом деле, как раз наоборот. Связь эта почти прекратилась до легализации и восстановилась благодаря легализации.

“Центр был мало осведомлен о жизни епархий, а епархии часто лишь по слухам знали о центре. Были епархии и даже приходы, которые, блуждая как-бы ощупью среди неосведомленности, жили отдельною жизнью и часто не знали за кем идти, чтобы сохранить Православие. Какая благоприятная почва для пагубных заблуждений!” — говорится в этом Послании от 31-XII-1927 г.

Между тем, после легализации, сношения центрального управления с епархиями сделались свободными. “Постоянный рост Патриаршей Церкви обусловлен в огромной мере легализацией”, — пишет Митрополит Елевферий. — “Прежде, когда она не признавалась властью, на перифериях некоторые епархии оставались без епископов, а имевшие их, без церковного центра, жили разобщенно. А теперь, Заместитель и Синод более или менее осведомлены о жизни повсюду и могут исправлять ее недостатки. Сюда, в Синод, отовсюду иерархами присылаются письменные доклады, некоторые приезжают лично сами. Сюда направляют возвращающихся из Соловков, из Сибири, из тюрем, отбывших правительственную опалу иерархов, отсюда идут благодатные токи по огромному телу Русской Церкви для восстановления ее в обновленном виде...” (“Неделя в Патриархии”, стр. 114-115).

б) Декларация и раскол

“Декларация, а затем антиканонические действия по ней”, — пишет о. Польский — “явились причиной образования но-

вого раскола, который возник в широком масштабе вначале и, будучи внешне раздавлен террором или административным воздействием светской власти м. Сергию, не изжит в Церкви внутренне и глубоко, до нынешнего дня. Раскольник, конечно, тот, кто откололся от единства с Церковью” (стр. 36-37).

Нельзя не согласиться с последним утверждением о. Польского, и Карловацкая организация, отколовшаяся от единства с Русской Церковью, прекратив поминовение ее первоиерарха, вопреки 15-му правилу Двукратного Собора, действительно является раскольницей. Но не декларация, а желание использовать Церковь в качестве орудия для свержения Советской власти, было причиной того, что Карловацкая организация откололась от единства Русской Церкви. Прекращение поминовения было лишь формальной констатацией раскола, а фактически раскол произошел тогда, когда эта организация не подчинилась постановлению Патриархии о закрытии ее Синода, а потом тайно решила не исполнять и другие постановления Патриархии, под предлогом, что они навязаны ей Советской властью.

в) Декларация и гонения

На стр. 38-ой о. Польский утверждает, что после декларации “большевики не дали ей (Церкви) ни капли того, что дали прежде обновленцам, но продолжали гонения, систематически и неослабно их усиливая еще двенадцать лет”.

Но ведь, на стр. 34, как мы видели, он писал, что “аресты и ссылки епископов достигли к этому моменту (до декларации) своего кульминационного пункта”. А если так, то как-же гонения могли усиливаться еще в продолжении 12-ти лет после декларации?

На самом деле, благодаря декларации, произошло выделение тех элементов, которым казалось, что “нельзя порвать с прежним режимом и даже с монархией, не порывая с Православием”, и которые, потому, не могли примириться с новым советским строем; и вот, тогда как, до декларации, из-за этих элементов недоверие власти и вызванные им стеснения простирались на всю Церковь, теперь верные не только Православию, но и Советскому Союзу граждане, получив право на легальное церковное существование, получили и возможность “проводить жизнь тихую и безмятежную” (I Тим. 2, 2): — репрессии правительства были направлены главным образом на единомышленников о. Польского. — на лиц, делавших из Церкви орудие для борьбы с Советской властью и, иногда, поддерживавших тайную связь с зарубежными или внутренними неприятелями Советской власти, или сочувствовавших хотя-бы пассивной оппозиции власти. Таким образом, произошел внутренний отбор в Церкви, и лицам, на которых пали репрессии, естественно казалось, что под влиянием декларации гонения усилились, хотя на самом деле Церковь, как таковая, перестала быть объектом преследований, а подвергшаяся репрессиям оппозиционная группа была незначительна.

О. Польский утверждает, что грандиозную борьбу с декларацией вела в с я Церковь (стр. 68), но в главе “Расправа с епископатом” (стр. 39-41), насчитывает всего 10 репрессированных архиереев, хотя и говорит, что число их достигло 17 (стр. 40), однако имен не приводит. Но и в списке 10-ти епископов некоторые, например Сергей, епископ Нарвский, Евгений, епископ Ростовский, Кирилл, митрополит Казанский, — были сосланы еще до декларации. История этого откола, вызванного главным образом личными мотивами, прекрасно выяснена в упомянутой брошюре Митрополита Елевферия, “Неделя в Патриархии” (стр. 124-128; и “Приложение”, 25). Из нее видно, что во главе подвергшейся репрессиям власти небольшой оппозиционной группы архиереев, стояли иерархи, временно возглавлявшие Русскую Церковь, которым казалось, что они могли-бы вести более правильную церковную политику, чем Митрополит Сергей.

Эта оппозиция была не только немногочисленна, но и непродолжительна. Почти все ее участники увидели свою ошибку, примирились с Митрополитом Сергием, и когда Митрополит Сергей стал Патриархом, в епископате Русской Церкви господствовало полное единодушие.

г) Отношение народа к декларации

О. Польский утверждает, что “на принципиальной идейной основе декларации 1927 года, Московская Патриархия стоит и поддерживается советской властью до сего времени” (стр. 37), но что “новое церковное управление навсегда оказалось дискредитированным в глазах широких масс верующего народа” (стр. 39).

Трудно угодить о. Польскому. То он направлял свои филиппики против “гонений” со стороны Советской власти, а теперь негодует, зачем эта власть поддерживает Патриархию! Что Патриархия стоит на почве православного учения об отношении Церкви к Государству, — раскрытого в декларации Митрополита Сергия, — это совершенно верно, но поддерживается она не Советской властью, давшей Церкви только право на легальное существование, а поддерживается она православным верующим народом.

3. Оценка декларации и действий Митрополита Сергия епископатом, клиром и мирянами

О. Польский не только сам критикует декларацию Митрополита Сергия, но и дает выдержки (стр. 44-57) из 24-х письменных протестов против декларации других лиц, главным образом епископов. Протесты эти говорят: а) о превышении власти, будто-бы, допущенном Митрополитом Сергием в его декларации и его действиях, б) о недопустимости сближения церковной власти с неверующей государственной властью и в) о вредных для Церкви последствиях такого сближения.

а) Превышение власти

По этим выдержкам, превышение власти Митрополитом Сергием выразилось в том, что он издал декларацию без согласия Местоблюстителя (обвинители: Митрополит Кирилл и неизвестный документ) и епископата (обвин.: епископ Дамаскин Глуховский; Алексей, епископ Воронежский), и учредил Синод из лиц по своему выбору, в котором участвовали два лица, отпадавшие от Церкви (обвин.: Митрополит Петр (будто-бы); Митрополит Кирилл; Митрополит Агафангел; Митрополит Иосиф; епископ Варлаам и епископ Евсевий, и три ссыльных епископа).

Мы уже видели, насколько несправедливо обвинение Митрополита Сергия в присвоении себе единоличной власти, так как, на самом деле, он получил такую власть на том-же основании, как и сам Патриарх Тихон, и другие его заместители — на основании, вынужденного обстоятельствами, постановления Всероссийского Собора. Как законный носитель полноты власти, он не должен был ставить свои действия в зависимость ни от Митрополита Петра, ни от других епископов, тем более, что Митрополит Петр находился в заключении, а потом в ссылке, и сам-же о. Польский упрекает Патриарха Тихона и Митрополита Петра за то, что они делали распоряжения, находясь в тюрьме. “Здесь не подражали, — пишет он, — Петру Великому, который... на случай плена приказал Сенату: “ничего не исполнять..., хотя-бы то было своеручное мое поведение, покамест не увидите меня самолично” (стр. 11). А что Митрополит Петр вполне одобрил декларацию, мы видели здесь на стр. 43, и что на стороне декларации было большинство епископов.

Если Митрополит Сергей, на основании соборного постановления, имел полноту власти, то непонятно, каким образом привлечение им к участию в управлении Церковью Синода и р и н е м, т. е. Синода с совещательным голосом, могло быть превышением власти? Что члены Синода выбирались им же, это было неизбежно, так как созвать Собор, который мог бы избрать членов Синода, было невозможно. При этом, только первый состав Св. Синода был по назначению Митрополита Сергия, а затем, на место выбывающих, должны были по очереди, войти все епископы Русской Церкви. А если в составе Синода были два епископа, будто-бы отпадавшие от Церкви, а потом искупившие свой грех покаянием, то ведь отрекался от Христа и первоверховный апостол Петр, а другой первоверховный апостол, Павел, ранее “гнал Церковь Божию”...

б) Сближение с Советской властью

Обвиняют Митрополита Сергия и в ненужном сближении с Советской властью. Такое сближение видят, прежде всего в том, что Митрополит Сергей, будто-бы, признал радости и го-

рести Советского Союза — радостями и горестями Церкви (“Открытое письмо” из Соловков, послание братьев епископов — архиепископа Черниговского Пахомия и епископа Аверкия, стр. 45 и 51). То-же самое утверждает и “Окружное Послание” Карловацкого Собора, где говорится, будто декларация призывает нас “сознавать Советский Союз гражданской родиной, радости и успехи которого, — наши радости и успехи, а неудачи — наши неудачи” (“Церк. Ведомости”, 1927, № 17-18, стр. 1).

На самом деле, и там и здесь, имеется недобросовестное искажение текста декларации, где нет слова “которого”, т. е. Советского Союза или Советского правительства, а есть слово “которой”, т. е. нашей Родины, и в беседе с Митрополитом Елевферием автор послания дал следующее автентичное, а потому и единственно обязательное, толкование этой фразы:

— “Если будут на нашей Родине неурожай, голод, повальные болезни, кровавые междоусобицы, ослабляющие наш народ, то, конечно, этому народному горю мы не будем радоваться. А если, под управлением Советской власти, страна наша будет преуспевать, богатеть, улучшаться, то мы этими успехами не будем огорчаться, как огорчались враги Советской Республики. Но, разумеется, если в стране нашей будет увеличиваться неверие, Церковь будет преследоваться, то мы не можем этому радоваться, как об этом заявлено мною в письме от 1/14 марта 1928 года” (“Неделя в Патриархии”, стр. 55).

Другое перетолкование дает “Открытое письмо” из Соловков (стр. 45) следующей фразе декларации:

“Выразим всенародную нашу благодарность Советскому правительству за такое внимание к духовным нуждам православного населения”.

По поводу этой фразы, письмо замечает: — “Всенародная благодарность за внимание к духовным нуждам православного населения” в устах главы Российской Православной Церкви в настоящее время является чем-то вроде сатирикона, и потому не может быть серьезным и искренним, не отвечает достоинству Церкви и возбуждает справедливое негодование в душе верующих людей” — и далее перечисляет разные виды стеснений, которым подвергалась Церковь при Советской власти.

Справедливое негодование возбуждает не эта фраза, а недобросовестность полемики против Послания. Выхваченная из декларации фраза приводится в кавычках, чем дается знать читателю, что фраза приводится точно. На самом деле, из фразы выброшено слово “такое”, чем меняется весь смысл фразы. Благодарность в ней выражается вовсе не за общее отношение власти к Церкви, а лишь за один, но чрезвычайно важный ее акт, совершенно изменяющий положение Церкви в СССР, — за ее легализацию; все прежние стеснения только подчеркивают значение этого акта, возбуждая надежду на общее изменение политики Правительства в отношении к Церкви, а вместе с тем и искреннюю благодарность к нему.

И поминование Советской власти за богослужением рассматривается как показатель ненужного сближения с ней (Архиепископ Пахомий и епископ Аверкий, стр. 51, епископ Глуховский Дамаскин, второе обращение петроградцев, стр. 52).

О том, что молитва за существующую в данное время власть требуется словом Божиим и что, в частности, необходимость молиться за Советскую власть признавал и Патриарх Тихон, мы уже говорили, а теперь добавим, что и в принятой Всероссийским Собором молитве о спасении Державы Российской, говорится:

— “Вразуми и укрепи всех, иже во власти суть, и возглаголи в них благая о Церкви Твоей и о всех людех Твоих” (“Неделя в Патриархии”, стр. 99).

“Государственная религия в антирелигиозном государстве, правительственная церковь при безбожном правительстве — бессмыслица, которую пытаются осуществить наши церковные руководители”, — пишут архиепископ Пахомий и епископ Аверкий (стр. 51).

Это обвинение свидетельствует только о *sancta simplicitas*, в правовой области, обвинителсй — смешивающих легализованную Церковь с государственной.

“Послание м. Сергия и его Синода вновь толкает Церковь на путь союза с Государством, ибо самое послание есть уже политическое выступление”, — гласит “мнение” каких-то анонимных “трех ссыльных епископов” (стр. 53).

— Но, в таком случае и заповедь Господа воздавать Кесарево — Кесарю, и учение апостолов о повиновении власти не за страх, а за совесть, и о молитве за власть, — тоже можно назвать политическими выступлениями..

в) Оценка последствий декларации

Вредными последствиями декларации, авторы приводимых о. Польским выдержек, считают вмешательство безбожной власти в церковные дела, в частности в назначение и перемещение епископов, развенчивание исповедников Церкви и несправедливое отношение к заграничной Церкви.

“Со времени издания Вашей декларации, — говорится во втором обращении петроградцев к Митрополиту Сергию (стр. 52), — в управлении Церковью принимает участие, вопреки декрету об отделении Церкви от Государства, гражданская боготорческая власть. Епископы назначаются на кафедры не по Вашему произволению и таким путем постепенно создается епископат, желательный для гражданской власти и ее интересов, и совершенно несоответствующий истинным интересам Церкви...”

“Законы церковные строго осуждают получение церковных прав и должностей через посредства мирских начальников”, — говорится в упомянутом мнении трех ссыльных епископов. “Ни для кого не секрет, что члены Сергиевского Синода получили это звание через мирских начальников...”

— Но прежде всего, совершенно непонятно, какое отношение имеет декларация к вмешательству гражданской власти в церковные дела? Ведь в ней нет ни малейшего намека на признание Церковью права власти на такое вмешательство.

А разве вмешательство “благоверной” царской власти было меньше? Ведь не только назначение и перемещение епископов, но даже провозглашение святых, совершалось царскими указами. Каноны требуют созыва Соборов не менее одного раза в год, а шестое правило VII-го Вселенского Собора предписывает: “Аще обрящется некий начальник, возбраняющий сие, да будет отлучен”. Между тем, при царской власти, в течение 217-ти лет не было ни одного Собора, а когда церковная власть обратилась к Государю с просьбой разрешить Собор, получился ответ:

— “Нахожу созыв Собора неблаговременным. Предоставляю себе право, по образцу Византийских императоров, созвать Собор, когда найду это благовременным”, — но так и не нашел... А при Советской власти, несмотря на страшную разруху и три тяжелые войны, в течение 28 лет было шесть Соборов (1917-1918, 1925, 1942, 1943, 1944 и 1945 г.г.), — не говоря уже о двух Между-Церковных Совещаниях (1948 и 1958 г.г.).

34-ое Апостольское правило предписывает: “Епископам всякого народа подобает знать первого из них и признавать его яко главу”, — а Русская Церковь оставалась безглавой 217 лет и Синод ее епископов возглавлялся царским креслом, стоявшим во главе длинного стола в зале заседаний Синода и вынесенным из этого зала, после революции, обер-прокурором Львовым при помощи Митрополита Владимира.

Нельзя думать, что все это нужно было терпеть, потому что это делала “благоверная православная власть”. Именно поэтому и нельзя было мириться с такими стеснениями Церкви, так как каноны были обязательны как для иерархов, так и для православных носителей власти, но не для “внешних”, — не для представителей безверной Советской власти (Лук. 12, 47; Римл. 2, 12).

Вопрос о перемещениях епископов, как известно, послужил поводом для образования “Иосифлянского” раскола, но, как это выяснено в книге Митрополита Елевферия (стр. 124-128), виновато в этом было большое самолюбие Митрополита Иосифа, что он в конце концов и сам понял, и раскаялся пред Митрополитом Сергием. Конечно, частые перемещения епископов недопустимы при нормальных условиях, но они были вызваны не столько волей Советской власти, для которой не так было важно, где будет служить известный епископ, а потребностями самой Церкви. “Открылось великое дело восстановления всемирной Церкви, притом в разгар церковной войны”, — пишет Митрополит Елевферий в своей книге “Неделя в Патриархии” (“Приложения”, стр. 18). — “В мирное время полки стоят почти всегда на определенном месте, а в военное их по соображениям стратегии перебрасывают с места на место и опытным

командирам поручают самые ответственные должности. Не в этом-ли нуждается и наша церковная жизнь? Иерархов мирного времени, умудренных опытом, осталось немного. Их-то и нужно посылать в уязвленные врагами церковные кафедры”.

Анонимный епископ (стр. 54) и анонимное “украинское духовенство” (стр. 55-56) обвиняют декларацию в том, что она развенчивает исповедников Церкви. — “Те, коих до издания декларации он сам, м. Сергей, и верующий народ считали исповедниками православия и поборниками правды Христовой, декларация представляет обычными контр-революционерами. Это неприкрытая клевета на Церковь и верующих чад ее”.

Писать так, это значит намеренно исказить смысл декларации. Советская Конституция всем гражданам предоставляет свободу культа и потому гонений за веру, как таковую, не могло быть и верующие привлекались к суду и репрессивались не за веру, а за какие-нибудь проступки политического характера. Конечно, бывали случаи, когда ошибочно привлекались к суду отдельные лица, но не о них говорит декларация, а только о тех, кто был убежден, что “нельзя порвать с прежним режимом и даже с монархией, не порывая с Православием”. И вот, тогда как Патриарх Тихон сурово осуждает таких “зломных” людей, толкавших его на борьбу с властью, Митрополит Сергей лишь дает им добрый совет “или переломить себя и, оставив свои политические симпатии дома, приносить в Церковь только веру и работать с нами только во имя веры, или, если переломить себя они сразу не смогут, устранившись временно от дела”.

Где-же здесь провозглашение исповедников контр-революционерами? Нельзя-же считать исповедниками лиц, пострадавших за свои ложные убеждения, — в данном случае, за нарушение апостольского завета о признании богоустановленности власти и о повиновении ей не за страх, а за совесть. Ведь, в таком случае, следовало-бы канонизировать и византийских и южнославянских богомилов, и наших жидовствующих, и протопопа Аввакума...

Анонимное письмо из Соловков (стр. 45) находит, что “угроза исключить из клира Московской Патриархии священнослужителей, находящихся в эмиграции, за их политическую деятельность, прямо противоречит постановлению Собора от 2/15 августа 1918 г., разъяснившего всю каноническую недопустимость подобных кар и реабилитировавшему всех лиц, лишенных сана за политические преступления в прошлом (Арсений Мацевич, свящ. Гр. Петров и т. д.)”.

На самом деле, это не угроза, а великая милость в отношении к карловчанам, состоящая в применении к ним начала церковной икономии, тогда как с точки зрения канонической акривии, — оставаясь в клире Русской Церкви, — Карловацкие епископы, бросившие свою паству без разрешения центральной церковной власти, не исполнившие ее постановления о закрытии Карловацкого Синода и прекратившие поминовение своего

первоиерарха, должны быть лишены сана уже за свои чисто церковные преступления.

По 16 правилу Двукратного Собора, “аще кто из епископов... удаляясь из своя епископии, более шести месяцев остается в другом месте, не быв удерживаем ни царским повелением, ни исполнением поручения своего патриарха, ниже быв одержим тяжкою болезнью, делающею его совершенно неподвижным, таковой ни единою из реченных причин не воспящаемый... да будет совершенно чужд епископския чести и достоинства. Ибо нерадящему о врученной ему пастве и в ином месте более шести месяцев закосневающему, Святыи Собор определил совершенно чужду быти и архиерейства, в которое поставлен, дабы пасти, и на его епископию возводити другого вместо его”.

Последнее требование канона выполнено, и на место бросивших, по политическим причинам, свою паству архиереев, Патриархом Тихоном вскоре же были поставлены другие епископы; требование же канона о лишении их архиерейства может быть не выполнено только под условием, если они будут считаться уже исключенными из клира Московской Патриархии. А настаивая, что они принадлежат к клиру Русской Церкви, Карловацкие епископы сами произносят себе строгий приговор.

Ссылаются они и на пример Самого Господа, апостолов и св. мужей, уклонявшихся от гонителей, но все эти примеры не идут к делу, так как во всех этих случаях причиной преследования не были политические взгляды. А об епископах, покидающих свою паству по политическим причинам, имеется определение Константинопольского Собора 920 г. Это определение (“Том соединения”) включено и в 52-ю главу Кормчей Книги и в другие канонические сборники Православной Церкви:

“Сице убо о праздных епископех смотри ти лепо есть. Аще убо кто от таковых свою церковь оставит обид ради неких, приключаящихся от злодействующих и буих властителей страны тоя... таковых не токмо не помиловати, но аще не послушают тамо ити, идеже поставлени быша, и извергати повелеваем и от общения отлучати”.

— Это точно отвечает слову Господа (Иоан. 10, 12) о том, кто “...оставляет овец, и бежит... и нерадит об овцах”.

Повидимому, в глубине души, чувствуют свою неправду и сами главари Карловацкого раскола. Митрополит Антоний дважды напечатал в “Церковных Ведомостях” (1927 г., № 7-8, стр. 22 и 1929 г., № 3-12, стр. 34) похвальный отзыв о брошюре старообрядческого епископа Иннокентия, оправдывающей бегство христиан во время гонений, и счел нужным сделать здесь такую оговорку: “Правда некоторые из последних (т. е. беженцев), например, пишуший эти строки и еще два епископа, не бежали, но были насильно вывезены за границу, под дулом ружей враждебных петлюровцев”.

Это совершенно верно, но верно и то, что Митрополит Антоний после того дважды добровольно покидал свою Киевскую

паству, когда была опасность, что в Киев войдут большевики; а в 1920 г. также добровольно покинул Родину, вместе с войском генерала Врангеля, о чем можно прочитать, например, в изданной его почитателями книге, “Сборник избранных сочинений блаженнейш. Антония, Митрополита Киевского и Галицкого”. Белград, 1935, стр. XLI и XLII.

Митрополит Анастасий успокаивал свою совесть, подробно излагая в своих проповедях историю бегства св. Афанасия Великого, страдавшего, однако, не за свои политические взгляды, а за свою борьбу против ариан.

Должны-бы лишиться сана Карловацкие епископы и за то, что они прекратили поминовение имени Первосвятителя Русской Церкви за богослужением, ибо 15-е правило Двукратного Собора гласит:

“Аще который пресвитер или епископ или митрополит дерзнет отступить от общения со своим патриархом и не будет возносить имя его по определенному и установленному чину в божественном таинодействии, но прежде соборного оглашения и совершенного осуждения его (патриарха), учинит раскол, такового Святый Собор определил быти совершенно чужду всякого священства, аще токмо обличен будет в сем беззаконии”.

Таким образом, декларацию можно обвинить не в излишней строгости в отношении к карловчанам, а как-раз наоборот, — в излишней снисходительности к ним.

Ошибочные, сами по себе, возражения против декларации Митрополита Сергия, приведенные на стр. 44-57 книги о. Польского, теряют всякое значение и потому, что почти все из наиболее авторитетных возражателей, сами позднее признали их ошибочность и сделали соответственные заявления: что отчасти видно даже из самой книги о. Польского, где в главе “Свидетели защиты” упоминается, что позицию Митрополита Сергия одобрил и сам Местоблюститель Патриаршего Престола, Митрополит Петр и сосланные в Соловки епископы; а из книги Митрополита Елевферия, “Неделя в Патриархии”, видно, что то-же сделали и Заместитель Патриарха Тихона, Митрополит Агафангел, и инициатор Ярославско-Ленинградского откола, Митрополит Иосиф, и другой Заместитель Местоблюстителя, архиепископ Серафим Углицкий, и епископ Евгений Ростовский, а вероятно, — и некоторые другие авторы приведенных в книге о. Польского возражений против декларации.

4. Самозащита Московской Патриархии

В главе “Самозащита Московской Патриархии” (стр. 57-75), о. Польский, демонстрируя свое беспристрастие, (“пусть торжествует справедливость и отвергнется всякое пристрастие”), приводит сначала выдержки из одного послания и четырех писем Митрополита Сергия в защиту своей церковной политики, а затем пытается опровергнуть их убедительные доводы своими рассуждениями.

Излагая содержание второго послания Митрополита Сергия от 31-ХII-1927 г. (в "Церк. Ведомостях", 1928, № 3-4, стр 6-8), о. Польский не упоминает, что это послание, кроме Митрополита Сергия, подписали и еще 10 епископов и выпускает из него важные места, говорящие о добрых последствиях декларации. Например, опущено такое место:

"Вслед за открытием деятельности Синода, начинают постепенно открываться и Епархиальные Советы, напр., в Ленинграде, Смоленске, Твери, Вологде, Вятке, Рязани, Туле, Ростове на Дону и проч. Пустующие кафедры замещаются. Посылаемые с места запросы по церковным делам, находят в Синоде разрешение и епархии своевременно оповещаются о состоявшихся решениях..."

Замалчивает о. Польский и другое важное место, где объясняется основная причина оппозиции против церковной политики Митрополита Сергия:

"В административном отделении от нас хотят быть лишь те, кто не может отрешиться от представления о христианстве, как силе внешней и торжество христианства в мире склонны видеть лишь в господстве христианского народа над нехристианским".

Стараясь подорвать убедительность послания Митрополита Сергия, о. Польский называет, установленную Собором единоличность власти первого епископа, "более чем спорным учреждением", а Синод, — "подобранным из сторонников его (М. Сергия) незаконных действий". Но каким-же другим способом можно было организовать Синод, когда избирающий его членов орган — Собор — был невозможен? Кроме того, по канонам, все епархиальные епископы равны между собой и, следовательно, все имеют одинаковое право быть членами Синода, а облеченный Собором полной власти первый епископ был вполне полномочен определить, кто из них должен, при данных обстоятельствах, воспользоваться этим правом.

Категорическое требование 34-го Апостольского правила: "Епископам всякого народа подобает знать первого из них и признавать его яко главу, и ничего превышающего их власть не творити без его рассуждения", — о. Польский пытается заменить своим туманным рассуждением о "законном апостольском преемстве всего верного собора русской православной иерархии, которая является источником власти самого м. Сергия" (стр. 58). О каком-же Соборе говорит здесь о. Польский? Если о Всероссийском Соборе 1917-1918 г.г., то ведь именно на его постановлении основывается единоличность власти Митрополита Сергия. Очевидно и здесь он понимает под Собором неизвестный ни Слову Божию, ни канонам, "Духовный Собор", о котором он говорит и на стр. 10 и под которым он, повидимому, понимает епископат или, по терминологии канонсв, "епископское сословие". Такая анархическая теория о. Польского показывает его полную беспомощность в области церковного права. Епископат известной Церкви является лишь носителем

л е м верховной власти в ней, но не органом, не выразителем этой власти, а в ы р а з и т е л е м воли епископата являются его органы, — возглавляемые первым епископом Соборы, а в междусоборное время — первый епископ, или первый епископ вместе с Синодом. Первый епископ, — а не епископат, — и является звеном, соединяющим Поместную Церковь с Церковью Вселенской.

Подвергает сомнению о. Польский и апостольское преемство Митрополита Сергия. “Для доказательства-же преемства от святых Апостолов и Спасителя”, — пишет он, — “требуется еще по их примеру исповедовать пред врагами евангельскую правду” (стр. 59).

В этой фразе обрисовывается нехристианский духовный облик о. Польского. Евангельскую правду требуется исповедовать не пред врагами, а пред “всеми народами” (Мат. 28, 19) и правда эта состоит в проповеди о покаянии и прощении грехов (Лук. 24, 47), а проповедуя ее, как Господь, так и Его апостолы не смотрели на своих слушателей, как на врагов, даже тогда, когда страдали от них. “Отче, прости им, ибо не знают, что делают”, — сказал Господь, когда Его распинали (Лук. 23, 34). “Господи, не вмени им греха сего”, — сказал первоученик св. Стефан, умирая (Деян. 7, 60). И Митрополит Сергий, четыре раза претерпевший тюремное заключение, никогда не видел во властях и в неверующих — “врагов”.

По поводу ответа Митрополита Сергия петроградскому духовенству, о. Польский замечает, что Патриарх Тихон “не подбирал Синод из сторонников, а из бывших на свободе вообще”. Но разве Патриарх Тихон включал в Синод кого-либо из противников своей политики? Да если-бы Митрополит Сергей и пригласил в Синод кого-либо из противников своей политики, он бы сам отказался, не одобряя и самое существование Синода...

Упрекает о. Польский Митрополита Сергия и за признание, что он иногда перемещает епископов по требованию власти.

Непонятно, в чем-же он видит вину Митрополита Сергия? — В том-ли, что он говорит правду, не боясь недовольства власти, или в том, что он не по своей воле перемещает епископов? Но ведь, если бы Митрополит Сергей не исполнил требование власти, епископ все-же был-бы выслан из своей епархии, а другая епархия долгие осталась-бы без епископа, тогда как каноны требуют, чтобы епархия не оставалась вдовствующей больше трех месяцев.

По поводу письма Митрополита Сергия Киевскому Митрополиту Михаилу, где доказывалась польза легализации, о. Польский замечает:

“Таким образом, решение полномочной церковной власти о возможной децентрализации, проходит мимо м. Сергия, как ему неизвестное и чуждое”.

Но ведь, во-первых, и Митрополит Сергей имел полноту власти, а во-вторых, постановление о децентрализации 1920 г., как мы видели, допускает децентрализацию только как необ-

ходимое зло, допускает ее только тогда, когда или центральная власть перестанет функционировать, или когда сношения с ней станут невозможны. А когда Митрополит Сергей успел восстановить центральное Церковное Управление и сношения с ним местных управлений возобновились, постановление о децентрализации стало действительно ненужным.

— “Он (М. Сергей) по-своему понимает дело”, — продолжает свою недобросовестную полемику о. Польский, — “и принимает легализацию только потому, что она предложена”.

Но, во-первых, мы уже видели, что легализация не была предложена, а испрошена Митрополитом Сергием, а во-вторых, если-бы легализация была нужна самой Советской власти, она могла-бы объявить легализацию и не спросясь Митрополита Сергия, и помешать этому он не мог-бы!

— “О былом его-же собственном сопротивлении ей (легализации) и речи уже нет, как будто его и не было. Такое превращение” (стр. 60).

Не “как будто”, а на самом деле, никогда не было сопротивления Митрополита Сергия, и мы уже видели, что о. Польский смело приводит акты Митрополита Сергия и других епископов с просьбой о легализации, как доказательство... что они сопротивлялись легализации... Да такое сопротивление было-бы просто смешно! Советская власть, будто-бы, сама предлагает Церкви признать ее права на законное существование, а Митрополит Сергей от лица Церкви, будто-бы, отвечает: “Нет, наша Церковь хочет существовать незаконно!”

Письмо достойному иерарху, Митрополиту Кириллу, о. Польский называет “властным и ядовитым”. Как облеченный полнотой церковной власти, Митрополит Сергей и должен был писать властно, а то, что о. Польский называет “ядовитым”, было на самом деле только строго-логично.

Полна неправды и следующая статья о. Польского: “Единственная каноническая опора” (стр. 61-69). Здесь доказывается, что, будто-бы, единственной канонической опорой Митрополита Сергия является будущий Собор, до которого все должны ему подчиняться, а он знает, что Собора созвать нельзя...

Но мы уже видели, что не будущий, а прошлый Всероссийский Собор 1917-1918 г.г., установил единоличную передачу власти и распоряжение Митрополита Петра — было источником власти Митрополита Сергия. Замалчивая этот факт, о. Польский пишет:

“Конечно, собор когда-то еще будет, но в недавнем прошлом — от кого получил м. Сергей признание своих полномочий? От Духовного Собора епископов, члены которого, не собранные в одно место, однако, со своих мест давали свои решения. Время гонений создало такую форму соборного управления Церкви” (стр. 61).

Но, во-первых, мы уже видели, что период, который о. Польский называет “временем гонений”, создал единоличную, а не соборную форму управления Церкви. А, во-вторых, важно не то, от кого Митрополит Сергей получил признание

своих полномочий, а важно то, от кого он получил самые свои полномочия. Ведь, признание есть лишь констатация уже существующего факта, есть акт декларативной, а не конститутивной природы. И мы уже видели, что свои полномочия Митрополит Сергей получил 6-го декабря 1925 года от Митрополита Петра (“Церковные Ведомости”, 1926 г., № 5-6, стр. 7), в свою очередь получившего их от Патриарха Тихона, согласно постановлению самого Всероссийского Собора 1918 г.; а потому, признание другими полномочий Митрополита Сергия было важно не столько лично для него, сколько для самих признающих, ибо непризнавшие тем самым отделяли себя от Церкви, а признание выражало их единство с Церковью. И Митрополит Петр заявил в ноябре 1925 г. “григорьевцам”, что “о действиях его может судить только Господь Бог и канонически созванный Поместный Собор” (“Церковные Ведомости”, 1926 г., № 5-6, стр. 6).

“Сам м. Сергей руководствовался в это время общим мнением епископата”, — продолжает писать неправду о. Польский. — “Еще недавно он искал этого мнения на свой проект декларации в отношении к власти, за который сел в тюрьму”.

Неправда, что Митрополит Сергей руководствовался общим мнением епископата. Он руководствовался учением Церкви и канонами, а не мнением епископата, которое он не мог знать, не спросив каждого епископа по каждому вопросу, чего он не делал.

Неправда и то, что Митрополит Сергей сел в тюрьму за свой проект декларации. Мы уже приводили соображения Митрополита Елевферия о том, что Митрополит Сергей был привлечен к ответственности вследствие провокации карловчан, выманивших у него и обнародовавших конфиденциальное письмо.

В подтверждение того, что Митрополит Сергей сам признавал власть над собой епископата, как высшей инстанции о. Польский недобросовестно выхватывает отрывок из письма Митрополита Сергия — Митрополиту Петру от 18-го марта 1926 г., замалчивая, что как-раз в этом письме (опубликованном в “Церковных Ведомостях”, 1926 г. № 11-12, стр. 4-5) доказывается, что он, независимо от епископата, лично имеет полноту власти. “Когда нет ни Собора, периодически созываемого”, — пишет он здесь, — “или организованного Высшего Церковного Управления, то обязанность охранять в Церкви благочиние, естественно, целиком падает на “первого епископа” и он не только может, но и обязан принять до-судебную меру пресечения, не дожидаясь Собора.. Так действовал между прочим, и Святейший Патриарх Тихон, запретивший, например, б. архиеп. Владимира Путяту, епископа Иоанна Киструского и друг. Так поступили и Ваше Преосвященство в деле, например, епископа Леонтия”.

О. Польский ссылается на слова Митрополита Сергия, что он положил запрещение на “григорьевцев” не от себя лично, а от лица единомышленной с ним православной иерархии.

Здесь Митрополит Сергей разумеет обращение к нему многих епископов с заявлением, что “нижеподписавшиеся архипастыри всецело одобряют и всемерно поддерживают его действия в связи с григорьевским расколом” (опубликованном без подписей в “Церковных Ведомостях” 1926 г., № 9-10, стр. 7). — Но он не спрашивал этих епископов о том, одобряют-ли они его действия и вовсе не ставил свои мероприятия в зависимость от их мнения, а упомянул об этом заявлении только потому, что запрещенные Митрополитом Сергием, — архиепископ Григорий и его единомышленники, — утверждали, что “никакой епископ не имеет права осуждать другого епископа” (“Церковные Ведомости”, 1926 г., № 11-12, стр. 4)...

Исходя из своего ложного утверждения, будто Митрополит Сергей спрашивал и получал одобрения на свои действия от какого-то “Духовного Собора”, о. Польский начинает, в грубых выражениях, обличать Митрополита Сергия за пренебрежение волей этого мифического “Собора”, обвиняя первого епископа в “беззаконии, насилии и коварстве в похищении общеепископских прав высшей церковной власти” (стр. 62).

Но, прежде всего, что такое “Духовный Собор”, о котором так часто говорит о. Польский? — Это не более, как миф, выдуманный непризнанным канонистом, свидетельствующий о его неосведомленности в каноническом праве. Он упрекает Митрополита Сергия в том, что он “желает иметь официальный, собранный в одно место собор, который будет судить его деяния”. — Но, разве может существовать “несобранный Собор”? Это-же внутреннее противоречие: “деревянное железо”. И, конечно, каноны Православной Церкви такого Собора не знают. Нет ни слова, ни намека о каком-то “Духовном Соброре” ни в постановлениях Собора 1917-1918 г.г. об управлении Церковью во время гонений. Повидимому, под неудачным выражением “Духовный Собор”, о. Михаил разумеет то, что католические канонисты называют “*consensus ecclesiae dispersae*” — согласие рассеянной, несобранной Церкви. И такой Собор, по его мнению, имеет преимущество пред официальным Собором потому, что “на этом Соброре участвуют не только свободные, но и все узники и, потому, он имеет совершенные полномочия”.

Но, во-первых, ведь узники обычно изолированы и поэтому мало, или даже совершенно не осведомлены, о текущей церковной жизни, а во-вторых, они вовсе не могут излагать истину безобязанно, а подлежат репрессиям даже более, чем находящиеся на свободе, и, в-третьих, они часто не имеют и физической возможности сообщить свое мнение. И сам же о. Польский ранее, на стр. 11 доказывал, что Патриарх Тихон и Митрополит Петр делали ошибку, не подражая Петру Великому, запретившему слушать его, если он попадет в плен, и делали распоряжения из тюрьмы. А главное, мы уже видели, что большинство епископата было на стороне Митрополита Сергия; если-же меньшинство было неспособно понять “знамения времени”, то каноны предписывают относительно административ-

ных вопросов: — “да превосмогает мнение большего числа” (Перв. Всел. 6, Ант. 19 и др.).

Не считаясь с этими фактами, о. Польский, на стр. 62-63, под заглавием “Соборный суд состоялся”, имеет смелость утверждать, что “в момент(?) всеобщего недоверия и протеста м. Сергей бесповоротно осужден”, а на стр. 63-64, под заглавием “Мера пресечения”, пытается доказать, что в протестах трех призванных к высшей церковной власти иерархов, — Митрополита Агафангела, Митрополита Иосифа и архиепископа Серафима Углицкого, — против Митрополита Сергея, нужно видеть применение определения Собора от 8-го декабря 1917 года (пункты 8-10) о жалобах против Патриарха; и что, поэтому, епископат “имеет право отказать ему в послушании и пренебречь его запрещениями, как незаконными”.

Но, во-первых, и по упомянутому определению, не братское представление трех старших епископов может лишить первого епископа его полномочий, — а только постановление Всероссийского Собора епископов; а, во-вторых: все три упомянутые иерарха, как мы видели, сами сознали ошибочность своих протестов и подчинились Митрополиту Сергию, как и все остальные епископы.

— Что вскоре, после кратковременного недоразумения, весь епископат Русской Церкви понял правильность и мудрость политики Митрополита Сергея, — это вынужден был признать и сам о. Польский в главе “Практические решения епископата” (стр. 64-66), с неудовольствием констатируя, что выдуманный им Духовный Собор “лишился своей единой позиции и перестал существовать”, и что только Митрополит Иосиф и иосифляне “имели мужество и дерзновение порвать общение с м. Сергием”; а что остальные или “по осторожности и привходящим страхом, не отказались от общения с ним”, или “не завили своего протеста”.

“Наступила неслыханная в Церкви эпоха диктатуры первого епископа, которая и осуществляется до нынешнего дня Московской Патриархией”, — жирным шрифтом подчеркивает свое негодование о. Польский.

На самом деле, наступила не диктатура, а наступило, требуемое 34-м апостольским правилом, единомыслие епископов Русской Церкви со своим первым епископом, и вот это-то единомыслие, — которым “прославляется Бог о Господе во Святом Духе, Отец, Сын и Святой Дух”, — и непереносимо для Карловацких раскольников, как непереносим солнечный свет для больных глаз.

Карловацкий адвокат не довольствуется филиппикой против Митрополита Сергея, а в дальнейших главах направляет свою полемику уже против самой Московской Патриархии.

Под заглавием “Цели и значение Патриархии” (стр. 68-70), он обвиняет Патриархию в том, что она отказалась от исповедничества, завещанного Собором, как единственного метода борьбы с большевиками.

Но Церковь Божия существует не для борьбы с какими-бы то ни было партиями, а для спасения душ человеческих.

... “Патриархия стремилась оградить догматическую чистоту Православия”, тогда как “в это время единственно требовалась нравственная чистота Православия и пример для всей Церкви” — утверждает о. Польский.

— Но, как-же можно утверждать, что в это время требовалась е д и н с т в е н н о нравственная чистота, как будто бы, в жизни Церкви может быть время, когда догматическая чистота, подвергаясь опасности в обновленчестве, ей не нужна; и где доказательство, что Патриархия отказалась от чистоты нравственной?

Не признает о. Польский за Патриархией и верности канонам. “В чем-же эта верность?”, — спрашивает он, — “В строгом соблюдении 14-15 правил Двукратного Собора, не позволяющих отделяться от Патриархии, хотя она сама может нарушать правила, и ей никто в этом препятствовать не может впредь до Собора, который она, для оправдания себя, сама подберет”.

— Где и когда Патриархия усвоила себе право нарушать каноны и зачем она будет “подбирать Собор”, когда в ней господствует полное единомыслие епископата?

Не хочет признать о. Польский и то, что Патриархия “одолела схизмы и сохранила каноническое законное преемство высшей церковной власти”.

“Но в какое-же время она это сделала и как?” — спрашивает он. — “Обновленчество и григорьевщина были одолены первым епископом (о. Польский не хочет сказать: “Митрополитом Сергием”), опиравшимся на епископат, клир и народ до 1927 г. и после этого уже была основана м. Сергием нынешняя Патриархия, которая хочет приписать себе заслуги, ей не принадлежащие”. По о. Польскому получается, что в СССР существуют две Патриархии — одна, основанная Собором в 1917 г., а другая, — основанная Митрополитом Сергием в 1927 году. Чего только не выдумает Карловацкий адвокат, для защиты безнадежного дела! То какой-то “несоборный Собор”, то — две Московских Патриархии. “Больше Советская власть не позволяет быть в Церкви никаким схизмам и тем более сомневаться в каноничности ее Патриархии”. — Новое открытие! Оказывается, Советская власть, которая все время описывалась как непримиримый противник Церкви, не только терпит Патриархию, но и всячески заботится об ее целостности, заботится до такой степени усердно, что недозволяет даже сомневаться в ее каноничности. Но ведь, если это так, то значит Советская власть не является противником Церкви, как таковой, а боролась с ней лишь тогда и постольку, когда и поскольку она была уверена, что Русская Церковь разделяет планы Карловацких политиканов об “истреблении большевиков, как бешеных собак”, по выражению их главы, Митрополита Антония (“Церковные Ведомости”, 1927 г., № 17-18, стр. 7), или, по примеру ны-

нешнего главы Карловацкого раскола, Митрополита Анастасия, мечтает об “очищении” Родины атомными бомбами, (“Пасхальное послание” Митрополита Анастасия 1948 г.).

Чтобы как-нибудь опровергнуть факт успешного преодоления расколов Митрополитом Сергием на Родине, о. Польский считает это заслугой Советской власти... А вот, что он сам писал в начале той-же своей книги: “Законное преемство власти... отстоял с борьбой м. Сергей. Два раскола пали один за другим благодаря сохранению преемства церковной власти хотя-бы через единоличную передачу прав первого епископа от одного к другому... Планы большевиков... провалились... Так, общими усилиями Первоиерархов и всей Церкви, было защищено и укреплено положение первого епископа, лишённого органов совместной с ним церковного управления и облеченного всей полнотой церковной власти” (стр 11).

Не хочет о. Польский признать и ту заслугу Патриархии, что она удержала канонически законное положение Российской Церкви среди прочих автокефальных Церквей.

“Но оно не может быть потеряно и после уничтожения Патриархии, и тотчас может быть восстановлено при лучшем будущем, после крушения большевизма”, — утверждает о. Польский.

— Странная логика! Если не может быть потеряно, то нельзя говорить и о “восстановлении”. На самом деле, положение Русской Православной Церкви было накануне потери ее положения, когда Восточные Патриархи стали не только признавать обновленческую организацию равноправной с Патриаршей Церковью, но, становясь на точку зрения обновленцев, предлагать Патриарху Тихону отказаться от патриаршества. И только мудрая и решительная политика Патриарха Тихона и Митрополита Сергия, завявших, что если Патриархи признают обновленческую церковь, то тем хуже для Патриархов, спасли положение Патриаршей Церкви, возможность уничтожения которой так охотно допускает Карловацкий адвокат.

О. Польский не только не хочет признать никаких заслуг за Патриархией, но находит ненужным и даже вредным самое ее существование, так как она, будто-бы, является слугой интернациональной власти, податливой для чисто-политических услуг, во вред всем Церквам и христианству.

И действительно, зачем и кому нужна Патриархия много-миллионного православного русского народа, когда в США есть кучка “злоумных” политиканов со своим Митрополитом и Протопресвитером, жаждущих взять в свои руки власть церковного управления?

Какие именно “чисто-политические услуги” оказывает Патриархия Советской власти, о. Польский не говорит, и потому, это его обвинение является совершенно голословным.

Действительно, громадную и ничем незаменимую помощь Советской власти Патриархия оказывает, но не политическими услугами, а тем, что, всецело отказавшись от вмешательства в государственную политику, учит своих пасомых честному и са-

моотверженному исполнению своих обязанностей в отношении к Родине, исполнению “не за страх, а за совесть”, результаты чего сказались во время борьбы с излюбленным карловчанами “христолюбивым вождем” — Гитлером.

Упрекая, в начале своей книги, Советскую власть за желание уничтожить Патриархию, теперь о. Польский упрекает ее за то, что она заботится о существовании Патриархии.

“Она (Патриархия) одна и была легализована”, негодует о. Польский, забывая, что Всероссийский Собор считал необходимым не только легализацию Русской Церкви, но и сохранение за ней положения господствующей религии в Государстве, и утверждая неправду, будто в СССР легализована только Православная Церковь, тогда как, на самом деле, были легализованы и другие исповедания.

“Вспомним, как полномочное Церковное Управление в 1920 году совершенно не заботилось о своем существовании, издавая указ о децентрализации”, — указывает, как на пример для подражания, о. Польский (стр. 70).

И это неправда. На самом деле, в постановлении о децентрализации (“Церк. Вед.”, 1922, № 2, стр. 2-3; 1926, № 17-18, стр. 6-7) нет и мысли о каком-то samozакрытии Центрального Управления, а наоборот, предусматриваются меры, чтобы это Управление в случае, если сохранить его соборную форму будет невозможно, продолжало существовать в виде единоличного управления Патриарха или его Заместителя, тогда как местным церковным учреждениям давалось лишь временное полномочие на самоуправление, с обязательством, при первой возможности, представить свои мероприятия на утверждение центральной Церковной Власти (п. 10).

Центральная церковная власть в Патриархии давно уже восстановлена, а это предписание постановления — карловчанами не исполнено...

5. Каноничность Соборов Русской Церкви 1943 и 1945 г.г.

На стр. 71-75, о. Польский направляет свои филиппики против Собора 1943 г., избравшего Митрополита Сергия Патриархом, и Собора 1945 г., избравшего Патриарха Алексия. Неканоничность первого Собора доказывается постановлением “Венского Совещания” восьми карловацких епископов от 21 октября 1943 года, признавшего избрание Митрополита Сергия Патриархом, недействительным.

Но, прежде всего, это Совещание было лишь неканоническим “самочинным сборищем”, состоявшимся по желанию Гитлера, испуганного патриотической успешной деятельностью Митрополита Сергия во время войны, и назначившего как место заседания Совещания, так и его программу.

По канонам, только больший Собор епископов может изменять постановления меньшего, и Венское сборище 8-ми епи-

скопов, находящихся, притом, под запрещением своей канонической власти, уже поэтому не могло отменять постановления канонического Собора 19-ти полноправных епископов.

Ничтожное, по своему происхождению, Венское постановление, Карловацкий адвокат защищает следующими соображениями:

1) Ссылкой на постановление Всероссийского Собора от 13/VIII-1918 г. о порядке избрания Патриарха, по которому Патриарх избирается Собором, состоящим из архиереев, клириков и мирян. Но упомянутое постановление рассчитано на нормальные условия в жизни Церкви и Государства. Между тем, избрание Митрополита Сергия Патриархом произошло в разгар страшно тяжелой войны, когда все пути были заняты для военных надобностей, и созвать такой Собор, которому должны были предшествовать многочисленные собрания на местах, для избрания членов Собора из клира и мирян, не было никакой физической возможности. Выражаясь языком канонов, это было состояние "нужды", когда приходится нарушать не только постановления Поместного Собора, но и самые каноны (I Всел. Собор, прав. 2). Ведь, даже временный переезд Митрополита Сергия в Ульяновск (Симбирск), для которого, при нормальных условиях, потребовалось бы менее суток, был совершен в течение целых пяти дней.

Нужно принять во внимание и то, что на этом Соборе не стоял вопрос об облечении Митрополита Сергия патриаршей властью, каковую он уже 17 лет имел и пользовался ею на основании постановления Всероссийского Собора, — а на основании постановления расширенного Синода от 27/IV-1934 г. имел и патриарший титул "Блаженнейшего", — но Собор 1943 года, в сущности, лишь санкционировал существующее положение.

Ссылается о Польский и на каноны, а именно: на пятое правило Первого Вселенского Собора, четырнадцатое правило Четвертого Вселенского Собора и восьмое правило Шестого Вселенского Собора, — которые, будто-бы, требуют, чтобы на Соборе "в лице епископов была представлена вся Русская Церковь, без всякого исключения".

Но все эти правила не имеют отношения к вопросу. Пятое правило Первого Вселенского Собора и 8 правило Шестого, говорят не о Соборах для избрания епископов, а о Соборах для решения текущих церковных дел; а 14 правило IV Вселенского Собора и совсем уже не идет к делу, так как содержит лишь запрещение церковным чтецам жениться на неправославных.

На самом деле, о Соборах для выборов епископов говорят другие правила, а именно: 4-ое правило I Вселенского Собора, 3-е правило VII Вселенского Собора, повторяющее правило I Вселенского Собора, и 13-ое правило Карфагенского Собора; первые два правила определяют, что "прилично" (но не необходимо) "поставлять епископа всем той области епископам", а Карфагенское правило требует лишь, чтобы в поставлении

епископа участвовали “многие” епископы; но и то, и другое, — вовсе не категорические требования, так как два первые правила говорят: “Аще же сие неудобно есть или по належашей н у ж д е, или по дальности пути, по крайней мере т р и во едино место да соберутся, а отсутствующие да изъявят согласие посредством грамот”.

А 13-ое правило Карфагенского Собора говорит: “ П о н у ж д е т р и епископа, в каком-бы месте ни были они, по повелению первенствующего да поставят епископа”, а согласия прочих не требует.

Но ведь, все эти правила говорят о совершении таинства епископской хиротонии, каковое, как мы видели, авторитетнейшие канонические толкователи, Иоанн Зонара и Матвей Властарь, в толковании на 6-е правило I Вселенского Собора, называют “самым великим и важным действием церковного управления”. И если правила дозволяют отступление от нормы, в случае нужды, даже при совершении такого важнейшего акта, то тем более, дозволительно было такое отступление для простой формальности провозглашения Патриархом Митрополита Сергия, который уже имел не только архиерейский сан, но и патриаршую власть.

Нужно заметить, что сильнейшую агитацию против признания Патриархом Митрополита Сергия, вел глава Карловацкого раскола, Митрополит Анастасий, желая угодить Гитлеру. Он не только председательствовал на Венском Совещании, но и напечатал в органе Карловацкого Синода “Церковная Жизнь” (№ 9 от 1 сентября 1943 г., стр. 123-32) статью о неканоничности избрания и, кроме того, обратился к Синоду Сербской Церкви с рефератом, прося его объявить всем Православным Церквям, что избрание Митрополита Сергия Патриархом нельзя признать действительным. Но председатель Синода, Скоплярский Митрополит Иосиф, обратился к автору этих строк, как к избранному Собором Сербской Церкви эксперту по каноническим вопросам, с просьбой представить реферат по данному вопросу. В нашем реферате, все доводы Митрополита Анастасия были опровергнуты — и патриаршее достоинство Митрополита Сергия было признано как Сербской, так и всеми остальными Православными автокефальными Церквями.

Не признает Карловацкий адвокат и каноничности Собора 1945 года, единогласно избравшего Патриархом Митрополита Алексия, находя недостатки как в его составе, так и в его действиях.

Казалось-бы, невозможно что-либо возразить против каноничности состава этого Собора, на котором в числе 45-ти присутствовали в с е епархиальные епископы Русской Церкви и, кроме того, представители почти всех автокефальных Церквей; но о. Польскому, во что-бы то ни-стало, нужно было доказать неканоничность этого Собора, и он ссылается на 27-е правило Карфагенского Собора, которое, будто-бы, предписывает, чтобы на Соборе участвовали все без исключения епископы, а “кои имеют препятствия, должны иметь заместителей,

дабы состоявшееся таким образом собрание, могло иметь совершенное полномочие”.

Но, прежде всего, мы уже видели, что на Соборе 1945 года, избравшем Патриарха Алексия, лично присутствовали все без исключения епископы Русской Церкви, так-что заместители их были ненужны, а затем, эта ссылка на 27-е Карфагенское правило является характерным показателем того недобросовестного пользования источниками, которое постоянно встречается в книге о. Польского. Он утверждает, будто правило требует, чтобы на Соборе участвовали все без исключения епископы.

На самом деле, правило говорит как-раз обратное тому, что утверждает о. Польский. Чтобы не отлагать, “ко вреду народа”, ежегодные Соборы из-за трудности собраться всем епископам, правило разрешает, чтобы на соборы Карфагенской Церкви собирались не все епископы, а по два, или сколько изберут от всякой митрополии “местоблюстителей”, т. е. представителей митрополии.

В Карфагенской Церкви, по новым исследованиям, было около 700 епископов, а разделялась она на шесть митрополий, так-что на всякую митрополию, в среднем, приходилось более ста епископов. Таким образом, если-бы на Собор, из 700 епископов явилось только по два со всякой из шести митрополий, т. е. всего 12 епископов, то и такой Собор, по смыслу правила, имел-бы “совершенное полномочие”. Так именно объясняют это правило и канонические толкователи: Аристин, Зонара и Вальсамон (греч. текст: Аф. Синтагма, III, 356-358; русский перевод, стр. 438-441), и авторитетный сербский канонист Никодим Милаш (“Правила с толкованиями”, русский перевод, СПб, 1912, стр. 164-165).

“Все-ли епископы страны явились на Собор?” — грозно спрашивает о. Польский, печатая свой допрос жирным шрифтом, — “а если нет, то почему?... А если они не могут явиться на Собор только по препятствию насилия, учиняемого гражданской властью, то Собор неполномочен без них решать церковные дела... и патриарх Алексей не может быть признан законным и полномочным возглавителем Русской Церкви в качестве Патриарха Всероссийского” (стр. 72-73).

Но ведь, в изданной самой Московской Патриархией книге “Патриарх Сергей и его духовное наследство” (Москва, 1947), говорится, что “К началу Собора, то-есть к 31-января 1945 г. в Москву прибыли в с е епархиальные архиереи Русской Церкви с представителями клира и мирян” (стр. 323), и чтобы утверждать противное, нужно иметь какие-либо несомненные данные, на что у о. Польского нет ни малейшего намека; и ни одного имени, будто-бы задержанного властью епископа, он не упоминает.

И самая теория о том, что в случае, если какой из членов Собора потерял возможность присутствовать на нем, вследствие насилия гражданской власти, то Собор становится неполномочным, — выдумана о. Польским “ad hoc”, чтобы оспорить

патриаршие полномочия Патриарха Алексия; и она не имеет ни малейшего основания ни в канонах, ни в многовековой истории Церкви. Странная, новоизмышленная теория о Польского ставит соборный строй Церкви в полную зависимость от произвола гражданской власти. Стоит этой власти арестовать хотя одного епископа известной Церкви, — и Соборы в ней должны прекратиться...

Наконец, если-бы даже во время Собора и были епископы, находящиеся в заключении, то они, и в случае освобождения и прибытия на Собор, скорее поддержали-бы его решение, как в свое время Местоблюститель Митрополит Петр одобрил декларацию Митрополита Сергия; а если бы даже и заняли иную позицию, то не могли-бы изменить решение Собора, так как оказались-бы в незначительном меньшинстве, а по канонам на Соборах в административных делах, “да превозмогает решение множайших” (I Всел. 6, Антиох. 19).

Упрекает о. Польский Собор и в том, что он не обсудил протестов против политики Митрополита Сергия, и что “обещание м. Сергия дать отчет Собору за досудебные единоличные прещения, не выполнено” (стр. 73).

— Не обсуждал Собор протестов потому, что их не было представлено Собору; а как Патриарх Сергий мог выполнить свое обещание дать отчет Собору, когда он скончался до Собора?

О составе Собора о. Польский говорит, что он “был подобран только из сторонников м. Сергия”.

— Подбор состоит в избрании одних и отклонении других; Кого-же отклонили организаторы Собора, когда на Соборе участвовали в с е епархиальные епископы Русской Церкви? Подбор сторонников Митрополита Сергия был ненужен уже потому, что вся Русская Церковь признала его правоту и поэтому вся состояла из его сторонников.

Продолжает о. Польский выражать свое крайнее недовольство Собором 1945 г. и в дальнейшей статье: “Цели Собора” (стр. 74-75). В довольно бессвязном изложении, он то повторяет здесь свое прежнее обвинение против, будто-бы, подобранного состава Собора, то выдвигает новые обвинения против него, как не решившего необходимых церковные вопросы и только послужившего к укреплению Советской власти. Говоря о необходимой, по его мнению, программе Собора, о. Польский то повторяет общие фразы, не дающие никаких конкретных указаний, — об охранении веры народа, о том, что нужно исправить и воссоздать разоренное, призвать к покаянию увлеченных с прямого пути и т. д., — то проговаривается о заветной мечте Карловацкого раскола, требуя, чтобы Собор “совершил суд над падшими во время гонений, не только над обновленцами и григорьевцами (уже исчезнувшими во времена Собора — С. Т.), но и над Московской Патриархией”. Другими словами, Патриархия на Соборе должна была сама себя признать “падшей”...

Проговаривается о. Польский, но не договаривает. Ведь “осужденная” Патриархия — уже не вправе будет стоять во главе Русской Церкви. Кто-же должен заменить ее? Очевидно, по мнению о. Польского, Собор должен был сказать карловчанам: “Приидите княжить и володеть нами”...

“Значение Собора ничтожно”, — говорит о. Польский о Соборе, который не только избрал главу Русской Церкви, но и дал ей новое “Положение”, регулирующее ее устройство, начиная с Центрального Управления и кончая приходским. “Это была поддержка не Церкви Российской, а советской власти, которой нужно было облечь авторитетом и высокой санкцией восточных патриархов свою церковную власть, чтобы тем успешнее действовать при посредстве ее в своих целях за границей и на территории тех-же патриархов” (стр. 74).

Но разве власть Русской Церкви, увеличив свой авторитет при помощи этих патриархов, стала действовать в нецерковных целях? Каких именно?

“Афишируя свободу Церкви, советская власть, в лице представителей Церкви и рядовых ее членов, устраняет своих мелких вредителей”, — заявляет о. Польский.

— Но представители Русской Церкви и рядовые ее члены, в отличие от карловчан, и сами никогда не хотели быть ни мелкими, ни крупными вредителями государственной власти!

О. Польский во всей своей книге трактует Советскую власть, как постоянное и неизменное воплощение всякого зла...

Но Советская власть состоит из людей и к ней применимо древнее римское изречение: “времена меняются и мы меняемся в них”. Советская власть управляет Русским Государством уже более сорока лет и за это время менялись носители этой власти, менялось и отношение их к Православной Церкви. Давно отошла в область прошлого антицерковная политика Троцкого, и теперь малейшая выходка против представителей Церкви карается, как хулиганство, продолжительным тюремным заключением. Теперь в Советском Союзе широко ведется “научная” атеистическая пропаганда, исключая резкости и оскорбления Церкви и духовенства, а также и административное давление на верующих, например, в виде увольнения с работы служащих по той причине, что они посещают церковь; 11 ноября 1954 года Центральный Комитет Коммунистической Партии Советского Союза опубликовал постановление, “Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения”, которое обязало все партийные организации решительно устранить подобные извращения, еще раз напомнив, что в СССР религия не отменяется в порядке административном и что эти извращения противоречат конституции СССР, гарантирующей его гражданам свободу совести (см.: М. Воробьев: “Об отношении Советского Государства к религии и Церкви”, “Пропагандист”, 1956 г., № 4, стр. 69).

“Об участии в этом Соборе восточных патриархов можно только пожалеть, а может быть они и сами уже пожалели”, — утешает себя о. Польский. — “Конечно, они только почетные

гости, не ответственные за решения автокефальной Церкви, и последний голос и в будущем принадлежит только ей...”

Однако, для такого самоутешения нет оснований. Прежде всего, на Соборе участвовали не только Восточные Патриархи, но и представители Грузинской, Сербской и Румынской Церквей. И участвовали не в качестве просто зрителей, а в качестве полноправных членов, так что не даром на Соборе говорилось, что по своему составу он мог-бы назваться и Вселенским, а если-бы представители автокефальных Церквей пожалели о своем участии на Соборе 1945 г., они не приняли-бы участия и на Московских Совещаниях в 1948 и 1958 г.г.

6. Мнимые вины Митрополита Сергия

Выступая в отношении Карловацкого раскола, в роли его присяжного адвоката, о. Польский, в отношении Московской Патриархии, сначала берет на себя роль судебного следователя, затем выступает в роли грозного прокурора, а потом и строгого судьи, и на стр. 75-106, пишет обвинительное заключение — наконец, на стр. 108-112 выносит обвинительный приговор, и не только всей Московской Патриархии, но и покойному Патриарху Сергию, которого он упорно именует Митрополитом.

Хотя о. Польский и обещает “дать обвинению новые доказательства”, однако, на деле ничего нового он здесь не дает, а лишь на разные лады повторяет доводы, ошибочность которых мы уже видели, и потому, мы не будем разбирать эту главу в подробностях, а лишь сделаем несколько замечаний против мнимых доказательств о. Польского.

а) Превышение власти

Главной виной Патриарха Сергия, о. Польский и здесь считает то, что он поступал против воли “епископата, клира и всей массы верующих” (стр. 76).

Но мы уже видели, что большинство епископата было на стороне Патриарха Сергия, а что масса верующих была на его стороне, — это признают даже его противники.

На стр. 77 утверждается, что Митрополит Сергий опирался только на Синод из шести человек, но мы уже видели, что его декларация была подписана 8-ю епископами, его второе послание, — десятью, и что Митрополит Сергий вовсе не “брал с собою Собор в 25 епископов в отношении к григорьевцам”, а что сами эти епископы по своей инициативе, боясь, чтобы Митрополит Сергий не отказался от заместительства, заявили ему полное свое согласие с его политикой. А если не все епископы участвовали в этом заявлении, то только потому, что они не опасались такого отказа и их молчание никак нельзя толковать как несогласие с политикой Митрополита Сергия, ибо “qui tacet, consentire videtur”.

“Принцип-же единоличного управления установился в Церкви с момента самочиния м. Сергия”, — повторяет на стр. 78

свою неправду о. Польский, — тогда как принцип этот, на самом деле, был установлен еще самим Всероссийским Собором и подтвержден постановлением Патриарха, Синода и Высшего Церковного Совета 20/XI-1920 г., а позже, — как самим Патриархом Тихоном, так и Местоблюстителем Патриаршего Престола, Митрополитом Петром.

Так как Митрополит Сергей принял единоличную власть по постановлению Всероссийского Собора, на котором был представлен весь епископат, то его единоличное управление и слушают выражением его единства с епископатом и, поэтому, падают все рассуждения о. Польского на стр. 79-81 о том, что Митрополит Сергей, будто-бы, нарушил догмат соборности, нарушая единство с епископатом, а потому и потерял право быть представителем Русской Церкви пред другими Церквями.

Вместе с тем, падает и все то, что пишет о. Польский на стр. 81-83 под заглавием “Бесплодность защиты”, стараясь доказать, что Митрополит Сергей не имел права ссылаться на 14-е и 15-е правила Двукратного Собора, запрещающие прерывать общение с первым епископом, если он не учит всенародно ереси. Так как Патриарх Сергей никакой ереси никогда не учил, то о. Польскому приходится выдумывать новую теорию, будто учить ереси можно не только словами, но и делами.

Из своей ложной предпосылки, будто Митрополит Сергей получил полномочия от измышленного им какого-то “Духовного Собора”, о. Польский на стр. 82-84, под заглавием “Беззаконного преемства власти”, делает вывод, что Митрополит Сергей не имел законного преемства власти. Он вынужден признать, что даже те иерархи, которых он считает своими единомышленниками, во главе с Митрополитом Агафангелом, считали власть Митрополита Сергея, как Заместителя — законной, но говорит, что законность эта могла продолжаться только до ближайшего Поместного Собора; а так как на Соборе 1945 г. “узурпация общеерископской власти... утвердилась без суда и разбирательства происшедших беззаконий”, то отсюда делается вывод, что — “после Собора 1945 г. эта патриархия есть самочинное и незаконное учреждение и не подлежит никакому признанию и уважению”.

И опять зарпортовался о. Польский. Ведь, если законность Патриархии простиралась до Собора 1945 г., то значит, Патриарх Сергей, скончавшийся до Собора 1945 г., был до самой смерти, — и в сане Митрополита, и в сане Патриарха, — законным Первоиерархом Русской Церкви. А затем, — чья узурпация, будто-бы, утвердилась на Соборе 1945 г.? Патриарха Сергея? Но его тогда уже не было в живых. Патриарха Алексия? — Но он получил патриаршее достоинство не только от всего епископата Русской Церкви, но и от представителей семи автокефальных Церквей, так-что его патриаршие полномочия более несомненны, чем какого-либо другого православного иерарха.

Под заглавием “Новообновленческий раскол”, о. Польский на стр. 84-85, пытается доказать, что Митрополит Сергей совершил

такое-же похищение верховной церковной власти, как ранее обновленцы и григорьевцы. Но у кого похитили власть обновленцы? — Конечно, у Патриарха Тихона, которому, как признает и сам о. Польский (стр. 8), тогда принадлежала полнота власти. У кого-же похитили или, вернее, покушались похитить власть григорьевцы? — Конечно, только у Митрополита Сергия, который в то время имел такую-же полноту власти, как ранее Патриарх Тихон, а до своего заключения и Митрополит Петр. Как-же можно приравнивать законное получение верховной церковной власти Митрополитом Сергием от законного носителя этой власти, Митрополита Петра, к похищению этой власти у ее законного носителя, обновленцами и григорьевцами? И от кого-же мог похитить верховную церковную власть Митрополит Сергий, когда после заключения Митрополита Петра, он сам был ее единственным представителем?— У себя самого?..

О. Польский пишет: “Обновленцы и григорьевцы похищают единоличные права первого епископа, а здесь первый епископ — общеепископские” (стр. 84).

Но ведь, по постановлению Всероссийского Собора, верховная власть в Церкви должна была, в то время, быть единоличной. Как-же епископат, т. е. коллектив, мог быть носителем единоличной власти?

Не похитителем, а выразителем общеепископских прав был Митрополит Сергий, на основании единогласного постановления всего епископата на Всероссийском Соборе и потому небольшая группа епископов, несогласная с его политикой, все-же не отрицала его власти как Заместителя Местоблюстителя, что вынужден признать и сам о. Польский (стр. 83).

б) “Действия в пользу врагов Церкви”

Под заглавием “Действия в пользу врагов Церкви” (стр. 85-91), о. Польский ополчается на действия Митрополита Сергия уже не с точки зрения его полномочности, а с точки зрения их целесообразности, доказывая, что Митрополит Сергий подпадает под постановление Всероссийского Собора от 18/IV-1918 г., “о лишении доверия и права представительства, предателей из клира и мирян, сознательно действующих в пользу врагов Церкви”.

Итак, Митрополит, а потом Патриарх Сергий, самоотверженно охранявший Церковь, по оценке о. Польского, есть предатель Церкви!

По утверждению Карловацкого прокурора, Митрополит Сергий совершил следующие шесть действий в пользу врагов Церкви:

1. Подчинение Церковного Управления врагу.
2. Перемещение епископов.
3. Оклеветание исповедников.
4. Отрицание гонений.
5. Потворство безбожию.
6. Молитва за власть врагов Церкви.

Прежде чем рассматривать эти обвинения в отдельности, нужно сказать, что ошибочна общая исходная точка всех этих обвинений. Она ставит знак равенства между врагами и Советской властью. Между тем, Соборное Постановление осуждает не тех, кто что-либо сделал в пользу Советской власти, а тех, кто помогал врагам Церкви. “Собор”, — пишет сам о. Польский, — “происходил во время гонений и его постановления... являются законом жизни Церкви этого времени” (стр. 85).

Совершенно справедливо. Соборное постановление применимо, выражаясь языком дипломатов, только *rebus sic stantibus*: сделанное во время гонений, оно и применимо только тогда, когда гонения продолжают. Действительно, вследствие намеренной провокации Карловацких политиков, напр., обращения к Генуэзской Конференции с просьбой о военной помощи для свержения Советской власти, — Советская власть, при Троцком, смотрела на Православную Церковь, как на враждебную ей и опасную для интересов Родины организацию; но, благодаря мудрой политике первоиерархов Церкви, особенно во время последней войны, Советская власть, как в древности власть Константина Великого, убедилась, что в лице членов Православной Церкви она имеет лучших граждан, самоотверженных и честных борцов за интересы Родины и потому изменила свое отношение к Церкви. Сам же о. Польский не раз высказывает мысль, что “Советская власть не позволяет быть в Церкви никакой схизме” (стр. 69), “заботится о существовании Патриархии” (стр. 70) и др. А с другой стороны, и сама Церковь, после Собора, устами своего первого епископа — Патриарха Тихона, признала Советскую власть не врагом, а “истинно-народной, рабоче-крестьянской властью” и что разрыв Церкви с ней был-бы, вместе с тем, и разрывом Церкви с народом. Правда, о. Польский противопоставляет Церковь — Патриархии и твердит, что Патриархия вредит Церкви. Но нельзя делать такую вивисекцию на живом организме Церкви. Ведь если неканонична Патриархия во главе с Патриархом и Синодом, то неканоничны и все епископы, получившие свой сан от Патриарха и Синода, неканонично и все духовенство, получающее свой сан от неканоничных епископов, недействительны и таинства, совершаемые такими неканоничными епископами и пресвитерами, или, короче говоря, неканонична и вся Русская Церковь!..

Но, так как не только глава Русской Церкви заявил, что он не враг Советской власти, но и сама Советская власть изменила свое враждебное отношение к Церкви на благоприятное, то значит, действия первоиерархов в пользу Советской власти никак нельзя квалифицировать как действия в пользу врагов Церкви, — а как исполнение заповеди Основателя Церкви: “воздадите кесарево кесареви”, и апостольского завета о повиновении власти не только страха ради, но и по совести. Поэтому действия первоиерархов Русской Церкви за период Советской власти подлежат осуждению только тогда, когда эти действия: 1) не были ими совершены “по нужде”, 2) являются нарушением

апостольского завета, что должно повиноваться больше Богу, нежели человекам (Деян. 5, 29; ср.: 4, 19), и 3) приносят вред Церкви.

Рассмотрим, с точки зрения этого единственно правильного критерия все обвинения Карловацкого прокурора.

1) П о д ч и н е н и е Церковного Управления “ в р а г а м ” выразилось, прежде всего в том, что тогда как Митрополит Сергей, в первый период своего заместительства имел власть, как и его предшественники, по соглашению епископов, — то во второй раз, выходя из заключения, он ее получил из рук мирских начальников.

— Но, во-первых, как мы уже несколько раз опровергали эту ложь, Митрополит Сергей получил власть не по соглашению епископов (где и когда состоялось такое соглашение?), а от носителя единоличной власти в Церкви, Митрополита Петра, а во-вторых, зачем было Митрополиту Сергию получать эту власть от мирских начальников, когда он имел эту власть еще до тюремного заключения и не потерял ее вследствие заключения, а лишь временно не мог применить ее? По логике о. Польского выходит, что и Патриарх Тихон потерял патриаршую власть, когда в 1922 г., по интригам обновленцев, был заключен в тюрьму, и по освобождении от тюрьмы вновь получил ее, будто-бы, “от мирских начальников”.

“Свои должности”, — продолжает писать неправду о. Польский, — “получили от Советской власти и члены Синода”.

“И если право представлять епископов к рукоположениям принадлежит только епископам (VII-го Вселенского Собора, 3; Апост. 30)”, — продолжает о. Польский, — “то какое-же каноническое значение имеет вновь рукоположенный епископат, представленный Советом безбожников по делам Православной Церкви”.

Между тем, ни 30 апостольское правило, ни 3 правило IV Вселенского Собора, ничего не говорят о “представлении” кандидатов в епископы, а из 3 правила VII Вселенского Собора, изъясняющего смысл краткого 30 апостольского правила, видно, что исключительным правом епископов нужно считать не представление или рекомендацию кандидатов к епископскому рукоположению, — каковое право принадлежало и мирянам, — а самое избрание епископа из рекомендованных или нерекондованных кандидатов.

Итак, то Советская власть является непримиримым врагом Церкви, то она простирает свою заботливость о Церкви до того, что принимает меры к пополнению ее епископата и, боясь, что кандидат не отвечает строгим каноническим требованиям для епископства, разыскивает таких кандидатов, которые отвечают этим требованиям, и представляет их для рукоположения Синоду.

Все это было-бы смешно, если-бы не было так грустно, что старый священник унижается до такой бессмысленной несуразицы.

2) Как второе действие Патриархии в пользу Советской власти, о. Польский указывает п е р е м е щ е н и е е п и с к о п о в, о чем мы уже говорили ранее; но, так как о. Польский придает этому вопросу большое значение, то мы будем говорить о нем более подробно.

Конечно, перемещение епископов, при нормальном течении церковной жизни, есть явление крайне нежелательное. Однако, нужно сказать, что в царской России это нежелательное явление сделалось обычным, именно при мирном течении церковной жизни и епископы, не менявшие кафедру, были редким исключением. Например, глава Карловацкого раскола, Митрополит Антоний, при вступлении на кафедру Уфимской епархии, где оклад содержания был всего 2000 рублей в год, заявил, что согласно канонам, он останется на ней всю жизнь, но уже через два года просил перевести его в Волинскую епархию, в 1914 г. перешел в Харьковскую епархию, а в 1918 г. был избран в Киевскую епархию.

Но правила, рассчитанные на мирное время, неприменимы во время борьбы и смуты и потому, после государственного переворота и в Церкви, говоря словами I-го Вселенского Собора, "по нужде многое произошло не по правилу церковному". Это было время борьбы с опасными расколами обновленцев и григорьевцев, и, как хорошо объясняет Митрополит Елевферий, подобно тому, как в мирное время военные начальники обычно остаются на своих местах, а во время войны перемещаются по мере надобности, в смутное церковное время высшая церковная власть вынуждена была перемещать более опытных иерархов в те епархии, где угроза раскола была особенно сильна. Это не значит, конечно, что Советская власть совершенно не касалась вопросов перемещения и даже назначения епископов, и можно даже сказать, что при назначении епископов ее касательство было чаще, чем при перемещении, так как для власти в сущности было безразлично, в какой епархии служит тот или другой епископ, и это касательство бывало только негативно, выражалось только в форме veto, в виде отказа в пропуске для нежелательного власти кандидата, а не в виде представления своего кандидата на известную епархию.

Вот как представляет порядок назначения и перемещения епископов сам Митрополит Сергей в беседе с Митрополитом Елевферием:

"Когда мы кого-либо из иерархов перемещаем с кафедры на кафедру или командидуем кого-либо для известной цели, то мы спрашиваем, не будет-ли препятствий в пропуске для него. Если там не согласятся дать пропуск указанному лицу, мы назначаем кого-либо другого, н а м подходящего, но от власти н е б ы в а е т давления на известную личность. И здесь с внутренней, канонической стороны мы свободны, т. к. все-же выбираем кандидата из своей среды" ("Неделя в Патриархии", стр. 132-133).

Таким образом, участие Советской власти в деле назначения или перемещения епископов выражается — и то только до

1943 г. — в виде согласия “*placet*” или несогласия “*veto*” на назначение или перемещение известного лица в данную епархию. Конечно, единственным критерием для власти служит не каноническая правоспособность кандидата, для оценки которой она некомпетентна, — да такая правоспособность ее совершенно и не интересуется, — а единственно политическая характеристика кандидата, так как не в интересах Советской власти, чтобы известная епархия возглавлялась иерархом, например, сносящимся с Карловацкой организацией, и Патриархия, даже с чисто-церковной точки зрения, не имеет права протестовать против устранения кандидата, нежелающего исполнять апостольский завет о повиновении власти не только за страх, но и за совесть.

Нужно заметить, что право исключения негодного кандидата, так называемое *jus exclusivae* со стороны гражданской власти, обычно применяется и в других государствах, а до 20-го января 1904 г., до Папской Конституции *Commissum nobis*, даже при избрании Папы, право *veto* против выбора неудобного кандидата имел Австро-Венгерский император, и на этом основании в 1903 г. не был избран папой кардинал Рамполла, как противник Тройственного Союза.

3) Третьим действием Патриархии в пользу Советской власти, о. Польский считает “о к л е в е т а н и е и с п о в е д н и к о в”, состоявшее в том, что Митрополит Сергей и Митрополит Николай Крутицкий и Коломенский объясняли репрессии власти против некоторых представителей Церкви, их антиправительственными действиями. Нужно заметить, что и в данном отношении, как и в других, оба митрополита повторили лишь то, что не раз говорил и писал Патриарх-Исповедник Тихон, и даже в более резких выражениях, но о. Польский это замалчивает.

“Мы не можем не осуждать тех”, — пишет Патриарх в своем Завещании (“Церковные Ведомости”, 1926 г., № 9-10, стр. 21-23), — “кто в забвении Божьего, злоупотребляя своим церковным положением, отдается без меры человеческому, часто грубому политиканству, и потому по долгу первосвятительского служения нашего, благословляем открыть действие особой при нас комиссии, возложив на нее обследование и, если понадобится, отстранение в каноническом порядке тех архиереев и пастырей, кои упорствуют в своих заблуждениях и отказываются принести в них раскаяние пред Советскою властью, предавая таковых суду Православного Собора”. Таким образом, истинный Исповедник, признанный таковым, по свидетельству Константинопольского Патриарха, всю Православную Церковь, не только лично сурово осуждал м н и м ы х и с п о в е д н и к о в, но и считал нужным предать их соборному суду, и только преждевременная кончина помешала ему исполнить это свое намерение.

И не только среди епископата осуждал политиканство Па-

триарх Тихон, но и среди приходского духовенства и церковников мирян:

— “Призываем и церковно-приходские общины и особенно их исполнительные органы, не допускать никаких поползновений неблагонамеренных людей в сторону антиправительственной деятельности, не питать надежду на возвращение монархического строя и убедиться в том, что Советская власть, действительно, народная рабочая и крестьянская власть, а потому прочная и непоколебимая”.

Возмущается о. Польский и тем, что Митрополит Сергей, будто-бы, назвал репрессии против епископов “должным наказанием за контр-революцию” и в подтверждение, приводит выдержку из декларации, где говорится лишь, что установление мирных отношений с Советским Правительством не одобряют люди, “которым кажется, что нельзя порвать с прежним режимом и даже с монархией, не порывая с Православием”.

Но ведь именно такой смысл и имело постановление Карловацкого Собора 1921 г., и разве не было в СССР лиц, сочувствовавших этому постановлению?

“Какие удивительные верноподданные у Советской власти вдруг явились”, — иронизирует о. Польский, — но в СССР нет верноподданных, так как нет подданных, а есть граждане, повинующиеся власти, действующей во имя народа, без чего была-бы и анархия, и *bellum omnium contra omnes*. “Московские первосвященники”, — переходит он от иронии к сарказму, — “повторяют в точности роль иудейских, которые перед языческой властью старались показаться ревностными поклонниками римского кесаря, и с ложью, лестью и лицемерием говорили о Христе: “Он развращает народ наш и запрещает давать подать кесарю” (Лук. 23, 2)... Поразительное сходство”... (стр. 87).

Не только здесь нет никакого сходства, но есть прямая противоположность. С какой целью обвиняли Христа иудейские первосвященники? С целью добиться мучительной казни стоявшего перед ними живым укором Праведника. Наоборот, Патриарх Тихон и его преемники по возглавлению Церкви писали против политиканства священнослужителей и мирян для их предупреждения, чтобы спасти их от возможных репрессий, а вместе с тем и от опасности нарушить заповедь о повиновении властям. И такие увещания не остались бесплодными. Тайная, а иногда и открытая, оппозиция власти во имя веры в СССР прекратилась, а вместе с тем прекратились и репрессии. Но именно это-то и вызывает недовольство карловчан, так как их расчеты на внутреннее возмущение в СССР и на “крестовый поход”, т. е. на интервенцию против Советской власти, как гонителя веры, со стороны мощных политических противников СССР, оказались битыми. И сходство с иудейскими предателями Господа имеют не Московские первосвященники, а первосвященники Карловацкие, своей политической провокацией намеренно вызывавшие репрессии против Московских, не раз из-за них терпевших тюремное заключение. Ведь именно Карло-

вацкое обращение к Генуэзской Конференции, дало возможность обновленцам добиться заключения в тюрьму Патриарха Тихона. По обвинению в сношениях с карловчанами был заключен в тюрьму и потом сослан Митрополит Петр. Точно так же и Митрополит Сергей попал в тюрьму за свое послание: "Дорогие мои святители", которое благодаря этим святителям было сфотографировано и опубликовано в печати, сделавшись известным Советской власти.

4) Как четвертое действие в пользу Советской власти о. Польский указывает "отрицание гонений за веру".

В доказательство, приводятся слова Митрополита Сергея из интервью с иностранным корреспондентом: "В Советском Союзе никогда не было, и в настоящее время не происходит каких-либо религиозных преследований".

Но прежде всего, нужно иметь в виду, кому это было сказано? — Это было сказано представителям иностранной, враждебной Советской власти печати, которым нужно было не улучшение положения Церкви в Советском Союзе, а единственно был нужен лишний повод для нападения на Советскую власть. И, конечно, если-бы Митрополит Сергей начал перечислять стеснения, которые в то время терпела Православная Церковь в СССР, Советская власть увидела-бы в этом измену интересам Родины и положение Церкви сделалось бы еще тяжелее.

Мудрый Первосвятитель Русской Церкви поступил иначе. Не идя на провокацию, он стал на чисто-формальную точку зрения, сказав, что в СССР религиозных преследований нет. Действительно, стеснения, которые терпела Церковь в СССР, с точки зрения закона не были религиозными преследованиями. Религиозные преследования ведь обычно бывают там, где существует государственная религия и где государственная власть принимает меры против отвергающих эту религию. Так было в первые века нашей эры в древнем Риме, так было и в Византии, и в царской России, где Православие было господствующей религией. В Советском Союзе, где была провозглашена свобода совести и свобода культа, религиозных преследований, как таковых, уже потому не могло быть, что безрелигиозная власть не имеет мотивов вмешиваться в религиозную жизнь граждан, поскольку их религиозные убеждения не грозят опасностью интересам государства и власти.

Но Митрополит Сергей не ограничился таким ответом иностранцам, а спустя всего четыре дня, 19-го февраля 1930 г., обратился с обширным меморандумом к возглавлявшему религиозную комиссию Смидовичу, перечисляя в 21 пункте разнообразные стеснения, которые терпит Церковь и ее служители, и прося об устранении этих стеснений³³⁾. Меморандум был при-

³³⁾ См. Paul B. Anderson «L'Eglise et la nation en Russie Soviétique (U.R.S.S.)». P-p. 129-134.

нят во внимание. 15-го марта 1930 г., Центральный Комитет Коммунистической Партии опубликовал постановление “О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении”, где предписывал “работников, не умеющих или не желающих повести решительную борьбу с искривлениями линии, смещать с постов и заменять другими”³⁴⁾, а 2-го мая тот-же Комитет опубликовал статью Сталина “Головокружение от успехов”, где высмеивались грубые меры против религии, вроде сбрасывания колоколов.

5) Как пятое действие в пользу Советской власти, указывается “п о т в о р с т в о б е з б о ж и ю”. Это потворство выражается, будто-бы, в том, что отрицается факт гонений и утверждается, что безбожия, как духовного врага христиан, нет.

Но какая нужда доказывать, что дважды два - четыре, доказывать то, что всем известно, что самоочевидно? Ведь Советская власть совершенно не скрывает, а всячески афиширует, что она не признает никакой религии. “Как-бы во исполнение Советской Конституции”, — продолжает о. Польский, — “Свобода религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды, — Патриархия и останавливается только на своем культе и отказывается от защиты верующих и признает право безбожия нападать на религию. Обличать безбожие, или на него указывать верующим как на врага, она не смеет” (стр. 88).

Конечно, Патриархии приходится считаться с действующим основным государственным законом, с Конституцией 1936 г., которая в статье 124, упоминает только о свободе антирелигиозной пропаганды и умалчивает о свободе пропаганды религиозной; Но ведь, в 4 ст. первой Советской Конституции 1924 г. гарантировалась свобода не только антирелигиозной, но и р е л и г и о з н о й пропаганды; и только враждебная агитация карловчан и их единомышленников в СССР, побудила Советскую власть выбросить из Конституции упоминание о свободе религиозной пропаганды, связанной у противников власти с агитацией против нее.

Так именно и мотивировал Сталин антирелигиозную политику Коммунистической Партии, американской рабочей делегации: “Партия будет вести пропаганду против религиозных предрассудков, потому что это есть одно из верных средств подорвать влияние р е а к ц и о н н о г о духовенства, поддерживающее эксплуататорские классы” (“Церк. Вед.”, 1933 г., № 7, стр. 121).

Не нужно забывать и то, что термин “культ” имеет очень широкое значение, и что в понятие культа входит и проповедь религии, тогда как безрелигиозные люди не имеют никакого культа и потому, по мнению Советской власти, о свободе их пропаганды нужно было упомянуть в самой Конституции.

34) «История Всесоюзной Коммунистической Партии», I, стр. 295.

О. Польский упрекает Патриархию в том, что она признает “право безбожия нападать на религию”.

Что-же, значит по его мнению, Патриархия должна стать на точку зрения византийского цезаропапизма, где граждане были обязаны быть православными, или царской России, где граждане были обязаны принадлежать к какой-либо религии, и потому религиозность была вынужденной? И как-же Церковь может требовать свободы для себя, когда она не будет признавать свободы для других? Видно, что бывший миссионер царского времени мечтает о восстановлении порядка, когда ближайшим помощником миссионера была полиция.

Упрекает о. Польский Патриархию и в том, что она “не смеет указывать на безбожие как на врага”.

— “Врагом” может быть лишь известное лицо, а безбожие есть известное мирозозерцание, учение, а всякое учение может быть не врагом или союзником, а только или истинным, или ложным... И Патриархия должна бороться с заблуждением безбожия, но не смотреть на безбожников, как на врагов, которых нужно “истреблять, как бешеных собак”, по выражению покойного главы карловчан, Митрополита Антония, истреблять атомными бомбами, как мечтает нынешний глава карловчан, Митрополит Анастасий: — а смотреть на них, как на несчастных, заблуждающихся братьев, лишенных высоких религиозных переживаний, которым нужно помочь избавиться от их заблуждения.

“Это не пастыри добрые, полагающие души свои за овец своих”, — имеет смелость писать о. Польский о первосвященниках Патриархии, не покинувших своих овец, подобно Карловацким епископам, и не раз терпевших ссылки и тюремные заключения за свою верность Церкви.

6) Как последнюю мнимую вину Патриархии, о. Польский упоминает указ Митрополита Сергия от 21-го октября 1927 г. о п о м и н о в е н и и в л а с т е й за богослужением и старается доказать, что апостольская заповедь о молитве за властей относится к языческой власти, которая “хотя не знала Христа, но и неповинна была в заблуждениях своей веры”, но не к власти отступнической, “которая знает Христа, но отвергает Его”. За такую власть, “как согрешающую грехом к смерти, нельзя молиться”, — говорит он, ссылаясь на Иоанн. V, 16 (нужно I Иоан. V, 16).

Но, прежде всего, совершенно неверно, будто языческая власть была неповинна в заблуждениях своей веры. Тот-же Апостол Павел, который в 13 главе Послания к Римлянам учит повиновению языческой власти не только за страх, но и за совесть, в 1-й главе этого Послания (стихи 18-32) подробно доказывает, что язычники виновны в заблуждениях своей веры, так как источник этих заблуждений — их моральная испорченность. Таким образом, молитва за власть обязательна для христиан вне всякого отношения к религиозным взглядам и религиозному достоинству тех или других носителей власти;

ибо носитель власти, борясь с социальным злом внешней силой, исполняет волю Божию, и как таковой есть “Божий слуга”, как дважды называет его Апостол Павел (Римл. 13, 4).

И молитва за власть есть молитва за то, чтобы власть имела возможность успешно выполнить эту свою, данную ей Богом, задачу, “дабы проводить нам жизнь тихую и безмятежную, во всяком благочестии и чистоте” (I Тим. 2, 2).

И строго согласно с апостольской заповедью, указ Митрополита Сергия о поминовении власти за богослужением, говорит: “Возглашать на ектениях, согласно апостольскому наставлению (I Тим. 2) и постановлению в Бозе почившего Святейшего Патриарха и бывших с ним иерархов, составлявших Патриаршее Управление: “о стране нашей и о властях ее, Господу помолимся”; на сугубой: “Еще молимся о стране нашей и о властях ее, да тихое и безмолвное житие поживем во всяком благочестии и чистоте” (“Церк. Вед.”, 1928 г., № 3-4, стр. 5).

Совершенно некстати ссылается о. Польский на слова Апостола Иоанна в его I-м Послании, будто-бы, запрещающие молиться за отступнические власти. На самом деле, здесь говорится:

“Если кто видит брата своего (т. е. христианина), согрешающего грехом не к смерти, то пусть молится... есть грех к смерти... не о том говорю, чтобы он молился...”

Таким образом, здесь говорится о молитве за другого христианина, и к вопросу о молитве за власть этот текст отношения не имеет.

Приводит о. Польский и самое начало 5-го правила VII Вселенского Собора и говорит, что это правило “наиболее относится к большевикам, которые именно таковы: жестоковейно восстают на благочестие, не имеют Бога и пребывают в неисправлении” (стр. 89).

Но такое впечатление получается только потому, что о. Польский предумышленно умалчивает о содержании правила, заменяя многоточием его дальнейшие слова. На самом деле, правило “грехом к смерти” называет симонию, т. е. покупку священного чина. И, конечно, в таком грехе всего менее могут быть повинны представители Советской власти, которые наиболее строго борются против всякого неправильного обогащения, и которая в самую свою Конституцию (ст. 12) внесла апостольское постановление: “если кто не хочет трудиться, тот и не ешь” (2 Фессал. 3, 10).

Ссылается о. Польский и на послание Патриарха Тихона от 19-го января 1918 г., наложившего анафему на большевиков, и говорит, что поминовение за литургией отлученных, есть богохульство; признавая, что Патриарх сам раскаялся в этом поступке, о. Польский, однако, находит, что Патриарх не мог один отменить свое выступление, так как “его выступление было принято целым Собором”.

— На самом деле, никакого постановления о принятии этого выступления Патриарха, Собор не делал.

О. Польский находит, что власть не исправилась, а потому не было и основания снять с нее отлучение.

Но снятие отлучения Патриархом Тихоном, не было чем-либо обусловлено, а отменено Патриархом, как неправильное само по себе.

Неприложима к Советской власти, как власти н а р о д н о й, по заявлению самого Патриарха Тихона, и та молитва, которую, поработанные и н о п л е м е н н и к а м и славяне, молились об освобождении от а г а р я н с к о г о ига.

Все же о. Польский допускает, что Советская власть нуждается в молитве об обращении ее к вере.

— Но если проповедующие ей веру миссионеры, будут того-же типа, как и сам о. Польский, и будут в то же время молиться “о скором ниспровержении Советской власти” и “о передаче власти благоверным царям”, и по мере сил работать для этой цели, — то вряд-ли проповедь таких миссионеров успешна будет...

Совершенно невероятно предположение о. Польского будто Советская власть требовала от Патриарха, чтобы он ввел поминовение ее за богослужением, и инсинуацией отзывает его утверждение, будто Патриархия ввела поминовение власти за богослужением “с исключительно провокационным смыслом проверить отношения приходов к советской власти” и к легализации, “и, таким образом, отдала непокорных этому постановлению на новые репрессии гражданской власти”.

Если согласиться с этой инсинуацией о. Польского, то придется признать, что Патриарх Тихон, который ввел поминовение власти, и которого вся Православная Церковь признала Исповедником, в действительности был каким-то провокатором.

В заключение, о. Польский приводит определение Всероссийского Собора от 19-го апреля 1918 г., о церковных наказаниях епископам, противящимся высшей церковной власти и обращающимся за содействием к власти гражданской, и священнослужителям, состоящим на службе в противоцерковных учреждениях и содействующим проведению в жизнь враждебных Церкви положений декрета о свободе совести.

Но ведь, именно сами Карловацкие раскольники, начиная с 1923 г., когда они не исполнили распоряжения высшей Церковной власти и которые до настоящего времени противятся ей, не раз изменнически обращались к неприятельски настроенным к нашей Родине иностранным гражданским инстанциям, например, к Генуэзской Конференции, к Гитлеру, “к народам всего мира”, и т. д.

И, разумеется, постановление это совершенно неприложимо к Патриархии, представляющей каноническую высшую власть, которая не могла ни противиться сама себе, ни обращаться при сем за содействием к власти гражданской.

7. Благие результаты политики Митрополита Сергия

В главе "Расчет пользы церковной", делается расчет будто-бы церковной пользы, а на самом деле пользы той группы эмиграции, которая, лично ничем не рискуя, хочет, чтобы Церковь использовала свой авторитет для ниспровержения Советской власти, навязывая Церкви таким образом, действия и цели, несогласные с духом Христова учения. В этой главе бросается в глаза своеобразная терминология автора. Борьбу против Советской власти, замаскированную борьбой за веру, он называет нравственностью, а отказ от такой борьбы-маскировки, он клеймит как "низложение духа" и "павшую нравственность". Он не в силах отрицать очевидность успеха мудрой политики Патриарха Сергия, который, заявлением от лица Церкви о полной лояльности к Советской власти, побудил ее прекратить гонение на Церковь, так как ст. 124 Советской Конституции "обеспечивает за гражданами свободу совести" и Церковь можно преследовать только за сопротивление власти.

Тогда как ранее, на стр. 39-й, о. Польский писал, что "легализовалось только одно бывшее Церковное Управление", теперь, на стр. 93-й, обличая сам свою неправду, он признает, что "какая-то свобода дана и сама Церковь дождалась легализации, а не одно ее Управление"; но именно это-то и неприятно карловчанам, которым было желательно и в "расчет" которых входило, чтобы, с одной стороны, гонение на Церковь в СССР усилилось и вызвало "крестовый поход" против Советской власти, а с другой, чтобы центральная церковная власть прекратила свое существование в СССР; чтобы от имени Русской Церкви могло говорить Карловацко-Мюнхенско-Нью-Йоркское ВЦУ. "Когда угроза суда и казни нависла над головой Святейшего", — пишет, отрицательно относящийся к Советской власти, М. Курдюмов ("Путь", 1928, № 11, стр. 108), — "некоторые круги эмиграции, страшно сказать, тайно желали, чтобы казнь совершилась, ибо они надеялись, что после такого удара, волна народного негодования сметет советские твердыни".

А один из вождей карловчан откровенно мечтал, что казнь Патриарха Тихона вызовет иностранную интервенцию. Что именно таким духом были проникнуты вожди карловчан, документально доказывает "Пасхальное послание" М. Анастасия 1948 г., опубликованное в их изданиях (напр., в издававшемся в Штутгарте журнале "Святая Русь", апрель 1948 г. стр. 1-3), — на Пасху, — в день торжества христианской любви и всепрощения:

... "Этот страшный опустошительный огонь (атомный) имеет не только разрушительное, но и свое очистительное действие... Но вы скажете, что истребительный меч смерти падает не только на развращенных и злых, но и на людей добродетельных и даже святых, и на последних даже чаще, чем на первых. Но для таких людей смерть не является бедствием, ибо открывает для них путь к бесконечной, блаженной, истинной жизни. Атомные бомбы... поистине менее опасны для нашего отечест-

ва, чем нравственное разложение, какое вносят в русскую душу, своим примером, высшие представители гражданской и церковной власти.”....

Очевидно, забыл этот... служитель Божий, в своем изуверческом фанатизме, слова Христовы апостолам, хотевшим извести о г о н ь на головы самарян, не принявших их Учителя:

— “Не знаете, какого вы духа. Ибо Сын Человеческий пришел не погублять души человеческие, а спасать” (Лук. 9, 55-56).

И о. Польский негодует, что неудобное для карловчан центральное Церковное Управление восстановлено, благодаря мудрой политике Митрополита Сергия. Он находит, что положение Церкви до существования этого Управления, было гораздо лучше. “Бывшее в течение десяти лет положение Церкви было нормальным... Церковь уже победила врагов стойкостью... завоевала себе свободу церковного бытия”, — пишет он (стр. 92), очевидно забыв написанное им-же самим на стр. 34, что до легализации “ГПУ настолько усилило репрессии против епископата, что в редкой епархии оставались еще епископы”, и что “аресты и ссылки епископов достигли к этому моменту своего кульминационного пункта”.

Он утверждает, что если-бы центральное Церковное Управление не восстановилось, положение Церкви было-бы лучше. “Надо было посмотреть, что делали-бы большевики без центрального церковного управления, которое было им так нужно”, — продолжает он.

Конечно, делали-бы то-же, что уже делали до легализации, когда правильно организованное Церковное Управление не существовало, когда почти все епархии остались без епископа и когда общее положение Церкви стало необычайно тяжелым *Divide et impera*, — и власти было-бы легче бороться с разрозненными епископами, чем с объединенной и организованной Церковью.

Он жалеет, что “м. Сергий не преподавал поручение епархиальным архиереям о власти на местах, как м. Агафангел и архиепископ Серафим Угличский” и, таким образом, “поступился нравственностью” (?), умалчивая, что поручения этих иерархов были вынуждены именно отсутствием организованной центральной власти, восстановленной Митрополитом Сергием.

По его утверждению, Советская власть “создала себе удобное церковное управление... и теперь возлагает на него свои новые политические задачи”. Какие именно новые политические задачи Советская власть возлагает на Высшее Церковное Управление, о. Польский не говорит, не имея возможности указать определенно хотя одну такую задачу. Быть может, он разумеет тут борьбу Русской Церкви за мир? Но о мире всего мира вся Православная Церковь молится со времени своего основания. Молятся об этом и другие христианские Церкви, т. к. по учению слова Божия, Церковь должна действовать в пользу мира и молиться о нем за каждым богослужением. Но ра-

бота Патриархии в пользу мира страшно не нравится карловчанам, так как идет в разрез с их мечтой, лично ничем не рискуя, изгнать нынешнюю власть с помощью иностранной вооруженной силы, ценой истребления ни в чем неповинных десятков миллионов православных русских людей, раздробления и порабощения Родины, а может — и обще-мировой катастрофы...

“Не лучше-ли было-бы”, — продолжает откровенно высказывать о. Польский свою мечту, — “если-бы церковное управление создано вновь из освобожденных заключенных”. (стр. 93).

— Но, ведь и Патриарх Тихон, и Патриарх Сергей, и нынешний Патриарх Алексий, были в свое время в заключении. Почему-же их нужно устранить и поставить на их место других заключенных?

Вынужденный признать факт улучшения положения Церкви благодаря декларации Митрополита Сергия, он всячески пытается доказать малое значение этого улучшения. Ставя слово свобода в кавычки, он недоволен тем, что “свобода нынешняя явилась сама собой, неофициально, без изменения параграфа конституции и программы партии, а потому без всяких гарантий на будущее, с возможностью быть отнятой в любое время; без общедоступной печати, без готовых кадров духовенства, множество которого остается”, — будто-бы, — “в заключении, при закрытых центральных храмах страны”.

— На самом деле, свобода явилась не “сама собой”, а благодаря мудрости Патриарха Сергия, 124 ст. Конституции и теперь гарантирует свободу совести, программа Партии может измениться только тогда, когда Церковь успеет обратиться к вере большинство ее членов, опасности потери свободы нет, пока Церковное Управление будет верно заветам Патриарха Тихона и Патриарха Сергия. Положение Церкви все улучшается³⁵⁾. Напечатаны — новое прекрасное издание Библии и Евангелия, “Типикон” (Церк. Устав) и другие церковные книги, новые кадры духовенства готовятся в двух Академиях, восьми Семинариях и нескольких священнических Курсах. открываются и новые храмы.

8. Миф о “катакомбной Церкви”

Искренне жалея об улучшении положения Церкви, о. Польский особенно сильно жалеет о том, что декларация побила главный козырь карловацкой пропаганды — миф о “катакомбной Церкви”. По раскольничьей идеологии карловчан, и с т и н о й, Православной Русской Церковью является Церковь, возглавляемая Митрополитом Анастасием, тогда как Церковь в

³⁵⁾ О чем свидетельствует печать самих-же карловчан (напр., в их боевом журнале «Православная Русь» за 1958 г.: № 14, стр. 11 и 14; № 16, стр. 15; № 17, стр. 16; № 20, стр. 16 и др.

СССР, возглавляемая Патриархом Алексием, является “церковью лукавующих”; но и в СССР, будто-бы, существует истинная “катакомбная” Церковь, неподчиняющаяся Патриарху Алексию, поминающая как своего главу Митрополита Анастасия, и скрывающаяся от Советской власти.

Нужно сказать, что попытка присвоить своей раскольничьей организации название “катакомбная”, свидетельствует о невежестве карловчан. Древняя христианская Церковь следовала апостольскому завету о подчинении власти не из-за страха, а по совести, и совершала богослужения в катакомбах не потому, что “хотела уйти в маскировку”, как понимают карловчане, а потому, что в катакомбах она пользовалась легальной защитой римских законов о “*loci religiosi*” и “*collegia funeraticia*”.

Но даже и когда — при острых вспышках гонений — христиане не-раз действительно скрывались на время, уходили от властей в “катакомбы” подполья, то и тогда — как только утихали гонения, кончался период бесправных преследований — тотчас они снова выходили из “катакомб” и шли сами к властям, снова и снова подавая им свои “апологии”: требуя от них себе **законного права** легально жить и молиться, т. е. **всегда искали легализации**; ибо Церкви по природе свойственно исповедывать истины веры **открыто**, пред лицом всех людей и властей: “поведут вас к правителям и царям за Меня, для свидетельства пред ними и язычниками” (Мф. 10, 18).

Катакомбной Церкви посвящены и две изданные карловчанами брошюры профессора (семинарии?) Ив. Андреева: “Заметки о катакомбной Церкви”, 1947 г., и “О положении Православной Церкви в Советском Союзе. Катакомбная Церковь в СССР”, 1951 г., наполненные явной ложью. Например, ложью является сообщение (2-я брошюра, стр. 6), будто незадолго до кончины Патриарх Тихон высказал мысль, что, “повидимому, единственным выходом для Православной Русской Церкви сохранить верность Христу, будет в ближайшем будущем, уход в катакомбы”, — что совершенно не вяжется с Завещанием Патриарха. Ложь, будто это Завещание является подложным (стр. 6). Ложь, будто-бы Митрополит Петр требовал, даже в случае его смерти, поминать его имя как главы Русской Церкви (стр. 7); ложь, что Патриарх Тихон подвергался пыткам (1-я брошюра, стр. 4). Ложь, что Патриарх Тихон скончался от отравления (1-я брошюра, стр. 2, 2-я брошюра, стр. 6); ложь, что “одобрение позиции Митрополита Иосифа было получено из ссылки, как от Митрополита Петра Крутицкого, так и от Митрополита Кирилла Тамбовского” (1-я брошюра, стр. 6), так как оба иерарха признали Митрополита Сергия законным временным главою Русской Церкви. “Центром истинного православия в 1928-1929 гг. становится в Петрограде храм Воскресения на Крови... настоятелем этого храма был митрофорный протоиерей о. Василий Вержужский” (1-я брошюра, стр. 6); А о. Василий Максимович Вержужский подчинялся Патриарху

Алексию, печатал свои статьи в “Журнале Московской Патриархии” и умер профессором Ленинградской Духовной Академии....³⁶⁾

В своей брошюре 1947 г. автор дважды пишет: “я много посещал катакомбную Церковь с 1937 г. по 1941 г.” (стр. 8 и 11), т. е. четыре года; но в 1951 г. ему показалось это мало, и в брошюре 1951 г. он уже пишет: “Я имел счастье и радость состоять в катакомбной Церкви с 1927 г. по 1944 г.” (стр. 9), т. е. уже целых 17 лет, хотя в первой брошюре он указывает (стр. 7): “с 1937 г. можно считать катакомбную Православную Церковь вполне оформленную”.

Ну, а вот, о. Польский со скорбью вынужден признать, что созданное мудрой политикой Патриархии улучшение положения Церкви, подорвало почву так называемой “катакомбной Церкви”, так как все те, кто верой не хотел маскировать свою оппозицию власти, увидели, что нет необходимости прибегать к какой-то раскольничьей организации, когда есть свободная и легальная Патриаршая Церковь, верная завету Основателя Церкви: “Что говорю вам в темноте, говорите при свете; и что на ухо слышите, проповедуйте на кровлях” (Матф. 10, 27). “Самое печальное в этой “свободе”, — начинает он свою lamentацию, — “что она по своему смыслу является новой и самой грандиозной провокацией, которая когда-либо была до сего времени. Большевиков всегда беспокоила катакомбная Церковь... Однако, под немецкой оккупацией во время войны, она обнаружилась в большой народной мощи” (стр. 94).

Совершенно верно, что политика немецких нацистов старалась широко использовать оппозиционные религиозные группы в оккупированных областях и всячески их поддерживала. Об этом свидетельствует и “профессор” Ив. Андреев: “Священники катакомбной Церкви, начавшие служить в открываемых в большом количестве немцами православных храмах, категорически отказались (?) поминать советского митрополита” и упоминает об одном “катакомбном” протоиерее новгородской епархии, который стал “тайно (?) поминать Митрополита Анастасия” (стр. 13).

Но “прошли прекрасные дни Аранжуэца” — и русские люди увидели, что под маской “катакомбной Церкви” скрывается измена Родине и духовная неправда: ее постигла та же судьба, как ранее обновленцев и григорьевцев — она лишилась пасторов, а потом и пастырей. “Церковь естественно выходит из катакомб, из подполья”, — плачется о. Польский, — “а безбожники... работают... для последнего ликвидаторского шага в будущем. Горе тем, кто вышел из своего сокрытия”, — грозит он бывшим членам этой подпольной организации и утешается тем, что некоторые верующие не довольствуются общей

³⁶⁾ См. его некролог в «Журнале Московской Патриархии», 1955 г., № 4, стр. 9.

исповедью, а имеют и одиночную, и что катакомбные священники имеются и “должны быть” в силу “ограниченности и ненадежности полученной свободы” (стр. 94). Ну, а “профессор” Ив. Андреев сообщает, что в “катакомбной” Церкви есть не только епископы, но и митрополиты... Что-же, бумага все терпит!³⁷⁾

О. Польский заканчивает свою ламентацию заявлением, что “Сергиевское церковное управление... дискредитировало себя в глазах народа навсегда непоправимо, как нравственно падшее” (стр. 96), но однако другой, более прямой противник политики Патриарха Сергия, некто Глеб Рар (А. Ветров), вынужден был признать, что “широкие круги верующих в п о д а в л я ю щ е м б о л ь ш и н с т в е не отшатнулись от Митрополита Сергия” (“Плененная Церковь”, изд. “Посев”, 1954 года, стр. 31).

9. Личные характеристики

В главе “Личные характеристики” (стр. 96-100) о. Польский производит оценку личности Патриархов Сергия и Алексия, и Митрополита Крутицкого и Коломенского, Николая. Читая эти характеристики, невольно припоминается древнее изречение: *ne sutor ultra crepidam!*

Характеристику Митрополита Сергия он начинает повторением неправды, будто Митрополит Сергей, получив укрепление законного преемства своей власти от обще-епископского мнения, затем стал действовать без его согласия, пользуясь поддержкой гражданской власти, и спрашивает: “предатель-ли он по расчету, как Иуда, или давший... как ап. Петр?” И отвечает: “Может быть ни то, ни другое, или то и другое понемногу, по мелкости своего масштаба”.

На самом деле, как мы видели, ни в каком “укреплении” законного преемства своей власти Митрополит Сергей не нуждался, и вовсе не обязан был следовать той группе епископов, которая не смогла понять “знамения времени”, чтобы по правильному пути корабль Церкви, а упоминание об Иуде напоминает нам, в применении к о. Польскому, слова Св. Апостола Иуды о “мечтателях и ругателях”, которые отвергают начальства, злословят высокие власти... злословят то, чего не знают, отделяют себя от единства веры” (Соб. Посл., стихи 8, 10, 18, 19).

В своих характеристиках о. Польский по своему обычаю, пытается доказать обвинения то ложью, то замалчиванием.

Верно, что некогда Архиепископ Финляндский Сергей присоединился к неканоническому мнению о допущении второго брака для вдовых священников и диаконов, но неверно, что такое мнение было з а в е д о м о неканоническим, так как

³⁷⁾ Что никакой «катакомбной» Церкви в СССР, на самом деле, нет, об этом пишет Бертольд Шпулер в швейцарском старокатолическом журнале: «*Internationale Kirchliche Zeitung*» (1956, № 12).

Архиепископ Сергей присоединился к этому мнению тогда, когда и в иностранной и в русской церковной печати появилось много статей, доказывающих возможность разрешения второбрачия священнослужителям, и только наша диссертация "Второбрачие клириков" (С.-Петербург, 1912 г.) положила конец спору. Диссертация эта была удостоена степени Магистра Богословия по постановлению Совета Киевской Духовной Академии, утвержденному Святейшим Синодом, членом которого тогда (с 6 мая 1911 г.) состоял и Архиепископ Сергей.

Упомянув об этой ошибке Архиепископа Сергея, о Польский умолчал о том, что Архиепископ Сергей, убедившись в неправильности своего мнения, имел мужество отказаться от него, впоследствии строго следовал канону, не допуская и хиротонии, второбрачных в Русской Церкви, и восставая против возможности ее в Сербской Церкви, в своем официальном письме Литовскому Митрополиту Елевферию от 13-го марта 1936 г. (№ 323).

Второе обвинение Митрополита Сергея состоит в том, что он, будто-бы, провел в епископы, в угоду Распутину, Варнаву.

— Это значит: "с больной головы, да на здоровую"! Общеизвестно, как решалось это дело в Синоде. Обер-прокурор Св. Синода В. К. Саблер предупредил Синод, что если Синод не поставит Варнаву епископом, он должен будет уйти в отставку. Тогда будущий глава Карловацкого раскола, Архиепископ Антоний, личный приятель Саблера, заявил: "Ну, если вопрос идет о вас, Владимир Карлович, то мы посвятим и черного борова".

А что епископ Сергей Страгородский был противником Распутина, это видно из писем императрицы Александры Феодоровны, которая предостерегала своего мужа от сближения с Архиепископом Сергием, опасаясь того духа, которым он был проникнут³⁸⁾.

Третье обвинение: "На смерть члена Думы, Караулова, он (М. Сергей) говорит чисто кадетскую речь, на удивление всем".

— Не всем, а только тем, кто не знал широкие взгляды Митрополита Сергея, которым он остался верен всю жизнь, и с которыми убийство больного человека правыми кругами, никак не мирилось. И в своей декларации, он осудил "убийство из-за угла", подобное варшавскому.

Четвертое обвинение Митрополита Сергея состоит в том, что он подал в отставку вместе с другими епископами, в виде протеста против самочиния обер-прокурора В. Львова, а затем принимал деятельное участие в организации нового Синода и сам вошел в его состав. Насколько нам известно, не члены Синода подали в отставку, а Временное Правительство, по представлению Львова, уволило весь состав Синода, так-что ни в каком комплоте иерархов Митрополит Сергей не участвовал,

³⁸⁾ См. Николай Рклицкий (ныне епископ Карловацкого раскола Никон), «Сборник избранных сочинений блаж. Антония, Митрополита Киевского и Галицкого», Белград, 1935 г., стр. XXXVI.

и потому изменить ему не мог, а отказаться от участия в деле реформы Церкви, не считал себя вправе.

На пятом месте, Митрополит Сергей обвиняется в том, что “после октябрьского переворота он попадает в тюрьму. Но там он не засиживается”, и его освобождение о. Польский голословно объясняет тем, будто он был освобожден благодаря заступничеству лишенного архиерейского сана, Владимира Путяты.

Патриарх Сергей, при Советской власти, попадал в тюрьму четыре раза, и уже этот факт красноречиво свидетельствует о ложности обвинения его в “изошренных в эластичности отношениях с сильными мира и с выгодами момента”.

Шестое обвинение: “В послании к своей пастве из Нижнего Новгорода в 1922 г., он (М. Сергей) проявляет исключительную нравственную приспосаблиемость к властям”.

Ложность этого голословного и расплывчатого обвинения видна уже из того, что Митрополит Сергей после этого послания был арестован, и освобожден по требованию рабочих.

Седьмое обвинение: “При изъятии церковных ценностей, Сергей, митрополит Владимирский, стал противником мнения Патриарха по этому поводу”.

— Как мы уже видели, в вопросе об изъятии церковных ценностей Патриарх Тихон, под влиянием своего “злоумного” окружения, занял неправильную позицию, что он потом признал и сам, и если Митрополит Сергей разошелся с Патриархом в этом вопросе, то это доказывает только то, что он был хорошим канонистом, способным отстаивать свое мнение от злоумного окружения.

В качестве восьмого обвинения, о. Польский приводит заявление Митрополита Сергея от 16 июня 1922 г. о признании обновленцев законной церковной властью, но умалчивает о том, что причиной этого была, главным образом, неправильная позиция, занятая Патриархом Тихоном в вопросе об изъятии церковных сосудов и в отношении к Советской власти; а когда сам Патриарх признал свою неправду, Митрополит Сергей нашел мужество и благородство взять всю вину в отходе от Патриарха на себя, и публично, в церкви на коленях, просить у Патриарха прощение.

“Надо было допустить до священнослужения”, — великодушно позволяет строгий прокурор, — “но оставить подсудным Собору (которого, заметим, в то время не было), и тем более нельзя было ставить его в возглавление Церкви”.

— Ну, а вот Апостол Петр, трижды отрехшийся от Самого Христа, и Апостол Павел, который одобрял убийство первомученика Стефана, “терзал Церковь, входя в дома и влача мужчин и женщин, отдавал в темницу” (Деян. 8, 1-3), — были поставлены в возглавление Церкви, как Первоверховные Апостолы.

О. Польский считает, что нужно было Митрополита Сергея “оставить подсудным Собору”. Но, ведь именно Собор епископов Руской Церкви дважды имел суждение о Митрополите

Сергии и, в первый раз, — даровал ему патриарший титул “Блаженнейшего”, а во второй, — единогласно избрал его Патриархом.

Перечисление мнимых вин Митрополита Сергия, о. Польский заканчивает обвинением его в “крайней неустойчивости взглядов”.

Но это обвинение объясняется крайней недобросовестностью обвинителя. Он обвиняет Митрополита Сергия в том, что он “в 1927 г. сам становится на платформу обновленчества”.

На самом деле, между каноническим Первосвятителем Русской Церкви и обновленцами, обманом похитившими церковную власть, нет ничего общего. Как мы уже видели, видный деятель “Живой Церкви”, б. профессор Б. Титлинов, откровенно признал, что обновленцы “взяли власть сами, в порядке революционным, неканоническом и, если угодно, антиканоническом” (“Новая Церковь”, Петроград-Москва 1923 г., стр. 55).

Если Митрополит Сергей признал Советскую власть, — то не потому, что “встал на платформу обновленцев”, — а потому, что при всех государственных пертурбациях он твердо оставался на своей (и апостольской) платформе отделения Церкви от Государства и признания государственной власти не за страх, а за совесть, о чем он говорил еще в 1903 г., в качестве председателя Петербургских “религиозно-философских собраний” (см. “Патриарх Сергей и его духовное наследство”, 1947 г., стр. 26).

Точно так-же, нет ничего общего между Патриархом Сергием и григорьевцами, пытавшимися, с помощью правительства, отнять церковную власть у ее законного носителя, Митрополита Сергия.

— В 1926 г. Митрополит Сергей, будто-бы дал совет заграничным епископам образовать самостоятельное Церковное Управление, а через год осудил такое желание их.

И то, и другое неправда. На самом деле, как мы видели, в 1926 г. он дал карловчанам совет подчиниться местной церковной власти, упомянув при этом, что Карловацкий Синод уже закрыт Патриархом Тихоном; а осудил он не “желание” карловчан, а продолжение существования их Собора и Синода, вопреки постановлениям Патриарха Тихона, Священного Синода и Высшего Церковного Совета.

“Равное познается равным”, — говорит древняя греческая мудрость, и нельзя слишком строго осуждать о. Польского, который, с его крайне ограниченным “иосифлянским” кругозором, не в силах понять все величие духа, широту и глубину воззрений Патриарха Сергия и, желая его унижить, вынужден прибегать к натяжкам и выдумкам.

Нынешнему Первосвятителю Русской Церкви, Патриарху Алексию, ставится в упрек снятие им, в свое время, запрещения с обновленцев. Но епископ (тогда) Алексей имел на это право, как канонический заместитель Митрополита Вениамина во время его тюремного заключения.

Нужно также заметить, что в то время еще не был раскрыт

обман обновленцев, будто Патриарх Тихон отрекся от патриаршества и передал им управление Патриархией. Но как только епископ Алексей, как и епископ Петергофский Николай (Ярушевич), поняли, что собою представляют обновленцы, они стали в такую решительную оппозицию к ним, что оба они — один в августе 1922 года, другой в январе 1923 года — были, по пропискам обновленцев, после допроса на Гороховой улице, арестованы и сосланы. Епископ Алексей был сослан в Сибирь, где пробыл обычные в то время три года ссылки, о чем он сам рассказывал Митрополиту Елевферию (“Неделя в Патриархии”, Приложение, стр. 10), а епископ Петергофский Николай был сослан на север — в Зырянский край.

Стараясь хоть что-нибудь найти против Патриарха Алексея, о. Польский ссылается на какой-то “неизвестный”(!) документ также “неизвестного” ругателя, который называет епископа Алексея предателем.

— Как в сказке: “пойди не знаю куда, принеси не знаю что”...

Набрасывает о. Польский тень на личность епископа Алексея и, говоря о Митрополите Иосифе, к которому, как к Митрополиту Петроградскому, епископ Алексей будто-бы относился враждебно, много против него интриговал и писал доносы в ГПУ.

Все это выдумки. Из рассказа Митрополита Елевферия об отколе Митрополита Иосифа от Митрополита Сергия (“Неделя в Патриархии”, стр. 124-127 и Приложение) видно, что перемещенный Митрополитом Сергием из Ростова в Петроград, Митрополит Иосиф, приехав в Петроград 30 августа, в праздник Александра Невского, “вздумал вскоре после праздника поехать в Ростов, проститься со своей паствой, а обратно власти не пустили его в Петроград”.

Таким образом, епископ Алексей не имел ни повода, ни времени для доносов и интриг, так что, неподкрепленное абсолютно никакими доказательствами, обвинение его о. Польским, является просто клеветой. Упрекает епископа Алексея о. Польский и в том, что он имел один раз аудиенцию у императрицы, причем добавляется голословная инсинуация, что эту аудиенцию он получил через посредство Распутина, а в то-же время сообщается, что к нему была благословонна противница Распутина, великая княгиня Елизавета Феодоровна.

Между тем, в “Письмах Императрицы”, ни о какой аудиенции у нее епископа Алексея не упоминается и вообще о нем упоминается только один раз, а именно во II томе, на стр. 255 русского перевода писем, и на стр. 459 их английского оригинала, приводится письмо императрицы от двенадцатого декабря 1916 г., где сообщается о посещении ею Новгорода и упоминаются архиепископ Новгородский Арсений (Стадницкий) и его викарий, епископ Алексей (Симанский). Вот, точный перевод этого места:

“Епископ Арсений произнес слово, когда мы приехали,

очень трогательно; молодой епископ Алексей был очень изящен (лицеист) — они целый день всюду сопровождали нас”...³⁹⁾

Отсюда видно, что не только через Распутина, но и вообще, епископ Алексей никогда аудиенции у императрицы не испрашивал, и видел ее только тогда, когда, как викарный епископ, должен был сопровождать своего епархиального архиерея.

Чтобы возбудить еще большее негодование читателя против епископа, потом архиепископа Алексея, о. Польский добавляет, что Митрополит Иосиф в 1938 г. был расстрелян, и что его кафедру занимал Митрополит Алексей, красный орденосец, а потом Патриарх.

Между тем, из Приложения к книге Митрополита Елевферия “Неделя в Патриархии” (стр. 26), датированного 1929 годом, 26 ноября - 9 декабря, видно, что Митрополит Иосиф еще до этой даты “уже покаялся пред Митрополитом Сергием и получил от него в управление епархию”, тогда как архиепископ Алексей был возведен на пост Митрополита Ленинградского только в 1933 г., т. е. через несколько лет после того, как прервалась всякая связь Митрополита Иосифа с Ленинградской кафедрой.

Митрополиту Крутицкому и Коломенскому Николаю, о. Польский ставит в упрек: во-первых, что он, как епископ Петергофский, управлял Петроградской епархией в то время, когда Митрополит Иосиф был заключен, и, во-вторых, что он, будто-бы, скрыл от народа указ Митрополита Сергия о поминовении власти и введенный в заблуждение народ, в большинстве, пошел за ним.

Но Петроградской епархией Митрополит Николай управлял тогда, когда Митрополит Иосиф уже был переведен на Одесскую кафедру, а чтобы иметь на своей стороне народ, Митрополиту Николаю вовсе не нужно было скрывать не им изданный указ. Он отнюдь и не скрыл его, и притом народ был на стороне Патриарха Тихона, который также требовал поминать власть.

Характеристику предстоятелей Русской Церкви о. Польский заканчивает повторением той инсинуации, которую он дал еще в своей прежней брошюре 1946 г.: “Современное состояние Прав. Церкви в СССР”. Он утверждает, во-первых, что Советская власть, устраняя лучших, допускает к управлению Церковью худших; — Но, на самом деле, предстоятели Русской Церкви, начиная с Патриарха Тихона, были “лучшими” и до Советской власти. Он признает, что виднейшие иерархи Патриархии “все были в заточениях”, но инсинуирует, будто они получили свободу потому, что согласились стать “секретными сотрудниками советского церковного надзора и преда-

³⁹⁾ Нужно заметить, что в напечатанном русском переводе, английская фраза, относящаяся к епископу Алексею, переведена неверно: «епископ Алексей считает себя очень красивым». Между тем, «found himself» не значит «считает», а значит «был», «выглядел», и found не настоящее время, а прошедшее.

вать своих братьев". "Кто на это не согласился, тот из тюрьмы не вышел".

На самом деле, иерархи Православной Церкви, начиная с Патриарха Тихона, арестовывались обычно по проискам обновленцев, вовсе не для того, чтобы заставить их "сотрудничать", и освобождены они были не потому, что согласились "сотрудничать", а потому и тогда, когда Советская власть убедилась в полной необоснованности обновленческих обвинений.

10. Коммунизм и язычество

В статье "Падшие во время гонений" (стр. 100-106) о Польском доказывается, что коммунизм есть современное язычество и потому "на Московскую Патриархию, вступившую в соглашение с безбожной властью мирового нечестия, нужно смотреть, как на падшую", а в следующей главе "Неканонический период и суд над ним", доказывается, что, как таковая, Московская Патриархия подлежит суду, а до суда — "части Русской Церкви должны прекратить с ней общение" (стр. 108-112).

Таким приговором о Польский и заканчивает первую часть своего памфлета. В этом силлогизме вывод совершенно не следует из предпосылок.

Справедливо, что материалистическое мировоззрение, которого придерживается Коммунистическая Партия, имеет нехристианский характер, но отсюда вовсе не следует, что Православная Церковь должна избегать всякого соприкосновения с Советской властью и стремиться лишь к ее ниспровержению мечем очередного "христолюбивого" Кесаря, — вопреки слову Господа о Петровом мече (Матф. 26, 52-53; Иоан. 18, 10-11) и примеру "святой инквизиции", — на что однако доныне возлагают свои надежды Митрополит Анастасий и единомышленники с ним.

Если даже сравнивать положение Церкви в Советской России с положением ее в первые века под языческой властью, то и это сравнение не говорит в пользу доводов о Польского, ибо христиане того времени были совершенно чужды мысли о с в е р ж е н и и существовавшей тогда власти. Наоборот, "подвизаясь всегда иметь непорочную совесть пред Богом и людьми" (Деян. 24, 16), они были самыми образцовыми, самыми лояльными гражданами Римской Империи, молились за носителей власти, в качестве воинов храбро защищали Римскую державу и, следуя завету Основателя Церкви, добросовестно несли все государственные повинности. И вот, именно такое честное отношение христиан к своим гражданским обязанностям, заставило государственную власть изменить свое отношение к ним, дать им сначала равноправие с другими религиями, а затем и признать христианство государственной религией еще тогда, когда христиане составляли едва десятую часть населения Римской Империи.

Христиане не смешивали два совершенно различных вопроса, как это делают карловчане, — вопрос об отношении к языческому мировоззрению, и вопрос об отношении к самим язычникам. Безусловно отрицательно относясь к язычеству, как служению демонам, в отношении к самим язычникам они помнили завет Христов: “Не здоровые имеют нужду во враче, но больные; — пойдите и научитесь, что значит, “милости хочу, а не жертвы” (Осия 6, 6), ибо Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию” (Мф. 9, 12-13; Мр. 2, 17; Лк. 5, 31).

Христиане видели в язычниках не врагов, а своих заблуждающихся братьев и старались помочь им избавиться от заблуждений и тогда, когда терпели гонение от них. “Молил бы я Бога”, — сказал связанный Ап. Павел, судившему его представителю Римской и Иудейской власти, — “чтобы мало-ли, много-ли, не только ты, но и все, слушающие меня сегодня, сделались такими, как я, кроме этих уз” (Деян. 26, 29).

И древние христиане не чуждались языческой власти. Ап. Павел сам требовал суда Кесарева (Деян. 26, 32). Христианские апологеты обращались к императорам и Римскому Сенату, доказывая право Христианской Церкви на легализацию. В 272 году Антиохийские христиане обратились к язычнику, императору Аврелиану, прося решить их спор с осужденным епископом Павлом Самосатским. Константин Великий, еще формально не принадлежа к Церкви, участвовал на I-м Вселенском Соборе, и т. п.

Таким образом, не вступая в союз с коммунистической властью, как утверждает о. Польский, а регулируя отношения к ней посредством легализации, Патриархия поступает также, как поступали древние христиане в эпоху языческой власти.

Но о. Польский пишет, что нынешние “гонители” — “не только подлинные язычники, но и худшее последнее развитие язычества”.

И это неправда. Материалистическое мировоззрение не есть развитие язычества, которое давно уже не существует среди культурных народов, а есть духовная болезнь христианского мира, порожденная, с одной стороны, вопиющим противоречием между христианским учением и жизнью общества, именующего себя христианским, а с другой стороны, тем фактом, что с непоколебимой скалой христианского мировоззрения часто связывают солому устарелых теорий человеческого знания⁴⁰).

Но, возникнув в христианском мире, атеистический коммунизм сохранил в себе и некоторые положения христианского мировоззрения, каковых язычество не имело.

⁴⁰) См. Эрих Васман: «Неодарвинизм и христианство», перев. с немецкого С. Трояцкого. СПб.

Древнее язычество считалось государственной религией и не знало свободы совести, и потому преследовало христианство именно как религию. Советский коммунизм, в самой Конституции, провозглашает принцип свободы совести и отделение Церкви от Государства.

Язычество санкционировало социальное неравенство, даже рабство. Советский коммунизм главной своей целью ставит осуществление христианского начала социальной справедливости.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЗАГРАНИЧНЫЕ ПУТИ

Третья и последняя часть книги о. Польского, так озаглавленная, имеет две главы, причем первая (стр. 112-132) пытается защитить каноничность Карловацкого Собора и Синода, а вторая (стр. 132-184) старается доказать, что Карловацкому Управлению должны подчиниться и Константинопольский Русский Экзархат и Американская Митрополия, а что Экзархаты Московской Патриархии столь же неканоничны, как она сама.

1. Неканоничность Карловацкого ВЦУ

Каноничность Карловацких Собора и Синода о. Польский доказывает, по своему обычаю, подтасовками и замалчиванием фактов, эту каноничность исключаящими.

а) Постановление о нем Константинопольской Патриархии

“В Константинополе, в ноябре 1920 г., русские архиереи (— беженцы), составили свой первый Собор, который переименовал Южное Церковное Управление России в “Высшее Русское Церковное Управление за границей” (стр. 113).

— Но, ведь Южное Церковное Управление находилось и действовало на территории Русской Церкви. Каким-же образом оно могло быть переименовано в Высшее Управление на территории Церкви Константинопольской, где существует исключительная юрисдикция этой Церкви? На это обстоятельство и было обращено внимание русских епископов-беженцев, и Митрополит Антоний был вынужден 16 ноября 1920 г., вместе с особой делегацией, посетить Местоблюстителя Патриаршего Престола (Патриаршая кафедра была в то время вакантной), и подал ему прошение о легализации Русского Высшего Церковного Управления, но 2 декабря получил ответ (№ 9046), где русским архиереям разрешалось “образовать для пастырского служения в р е м е н н у ю церковную комиссию (“эпитропию”) под в ы с ш и м у п р а в л е н и е м В с е л е н с к о й П а т р и а р х и и, для надзора и руководства общей церковной жизнью русских церковных колоний, в пределах православных стран, а также и для русских воинов”. — “Вы будете озабочены посылкой им иереев, антиминов, проповедников и все-

го необходимого, стараться лично посещать их, чтобы разрешать возникающие недоумения, усмирять распри, и вообще делать все, что требует вера и Церковь для ободрения упомянутых русских христиан”.

А далее, предписывается бракоразводные дела передавать суду Вселенского Престола или судам тех Православных Церквей, где проживают беженцы.

Таким образом, этим постановлением, исключается возможность существования В ы с ш е г о Церковного Русского Управления, русские епископы подчиняются Высшему Управлению Константинопольской Церкви, а компетенция русских епископов ограничивается пастырскими функциями; и когда архиепископ Анастасий стал выполнять епископские функции — совершать хиротонии и разводить браки, Константинопольский Синод, 30 марта 1924 г. назначил следственную комиссию из трех митрополитов, которая поставила ему на вид, что он допускает превышение своих прав.

Текст этого постановления, в сокращении напечатанный в изданной в 1924 г. в Константинополе брошюре “К делу о Все-заграничном Высшем Русском Церковном Управлении” (стр. 6-7) и полностью — в органе Константинопольского Русского Экзархата “Церковный Вестник” (см.: 1956 г., № 3, стр. 14-15), замалчивается в Карловацких изданиях; а Патриарху Тихону было сообщено, будто Константинопольская Церковь разрешила существование русского заграничного Высшего Церковного Управления, что видно из послания Патриарха Тихона от 28 июня 1923 г.

Не приводит этого постановления и о. Польский, и лишь глухо говорит, что “последовало разрешение под председательством м. Антония иметь церковное учреждение, опекающее обслуживание церковных нужд русских беженцев на территории этой Поместной Церкви” (стр. 126).

На самом деле, в постановлении, о председательстве Митрополита Антония нет ни слова.

б) Осуждение его Патриархом Тихоном

Заграничное русское ВЦУ ввело в заблуждение Патриарха Русской Церкви о своем утверждении, сославшись на мнимое постановление Константинопольской Патриархии, а Патриарха Сербской Церкви оно ввело в заблуждение, сославшись на мнимое утверждение этого постановления со стороны Патриарха Русской Церкви. Это видно из двух актов, хранящихся в архиве Сербской Патриархии.

В докладе русского ВЦУ Патриарху Димитрию от 30 июля 1921 г. (№ 494), читаем:

“Сообщаем Вашему Святейшеству, что Высшее Церковное Управление за границей п о л у ч и л о утверждение для себя и своих обязанностей, и что оно и м е е т п о л н о м о ч и е от Отца нашего, Патриарха Московского и всея Руси, Святейшего Тихона”.

Между тем, письмо Митрополита Антония тому-же Патриарху Димитрию, датированное также 30 июля 1921 г., гласит: “Константинопольское Русское Церковное Собрание утвердило проект новой организации для всей паствы Всероссийского Патриарха в Европе, в новооснованных Прибалтийских государствах, для православных колоний в Китае, Японии и Америке. Все они не имеют возможности поддерживать сношения с Патриархом, которому мы сообщаем о нашем проекте и про с и м у т в е р ж д е н и я ”...

— Ясно, что когда писался доклад Патриарху Димитрию, никакого утверждения со стороны Патриарха Тихона получено еще не было.

Не было оно получено и позднее, так как в послании Патриарха Тихона от 28 июня 1923 г., говорится:

“В марте 1922 г... мы упразднили самое это Управление, учрежденное с благословения (“не нашего, а” — С. Т.) Константинопольского Патриарха”.

И, конечно, если-бы когда-нибудь Патриарх Тихон издал указ об утверждении заграничного Высшего Церковного Управления, указ этот, в первую голову, был-бы опубликован в “Церковных Ведомостях”, или в других изданиях этого Управления.

В “Деяниях” Карловацкого Собора 1921 г. доказывается, что Патриарх Тихон официально подтвердил акт Карловацкого Управления о назначении Митрополита Евлогия Управляющим церквами в Западной Европе и тем самым признал законность этого Управления.

На самом деле, назначение Митрополита Евлогия было сделано еще 1 октября 1920 г. Церковным Управлением в Симферополе, заграничное-же Управление, еще находясь в Константинополе, в январе 1921 г. подтвердило это назначение, а 26 марта того-же года потребовало, чтобы русские церкви в Западной Европе, впредь, поминали не Петроградского Митрополита, а Митрополита Евлогия, когда-же архиепископ Финляндский Серафим запросил Московскую Патриархию, следует-ли подчиняться этому распоряжению, Патриарх Тихон, — считаясь с мнимым постановлением Константинопольской Патриархии об утверждении Русского заграничного Церковного Управления, — дал 8-го апреля 1921 г. следующий указ, опубликованный в № 1 “Церковных Ведомостей” за 1922 год (стр. 2): “Ввиду состоявшегося постановления ВЦУ за границей, считать Православные Русские Церкви в Западной Европе находящимися в р е м е н н о, впредь до восстановления правильных и беспрепятственных сношений означенных церквей с Петроградом, под управлением Преосвященного Волынского Евлогия, имя которого должно возноситься за богослужением”.

Таким образом, доверяя сообщению, будто-бы заграничное ВЦУ утверждено Константинопольской Патриархией, на территории которой оно тогда находилось, Московская Патриархия не считала себя вправе нарушать территориальную компетенцию Константинопольской Церкви, и не касалась вопроса о каноничности ВЦУ, а вместе с тем считала, что заграничная Рус-

ская Церковь вне других автокефальных Церквей, и впредь должна находиться под властью Московской Патриархии, и не приняла постановления заграничного ВЦУ, как постановления компетентной власти, к сведению, а издала свое постановление с только временном подчинении заграничных церквей Митрополиту Евлогию.

То-же доказывает и указ Патриарха Тихона от 30 января 1922 г. о возведении архиепископа Евлогия в сан митрополита („Церк. Вед.” 1922 г., № 2, стр. 4), которое было сделано не по представлению Карловацкого ВЦУ, и указ был послан не через это Управление, а непосредственно Митрополиту Евлогию.

Зная, что Карловацкое ВЦУ было самочинной организацией, о. Польский пишет: “Собор архиереев мог составиться, и составил, только добровольным вхождением всего наличного состава русских архиереев за границей”.

На самом деле, “вхождение” большинства заграничных епископов в Карловацкий Собор, добровольным не было. Доверяя заявлению Карловацкого ВЦУ, будто ему подчинил все заграничные русские церкви сам Патриарх Тихон, большинство заграничных епископов, ошибочно сочло подчинение ему своею обязанностью.

в) Карловацкое ВЦУ и каноны

Пытается о. Польский подтвердить каноничность Карловацкого ВЦУ и ссылкой на 18-е правило Антиохийского Собора и 37 правило VI-го Вселенского Собора.

На самом деле, ни то, ни другое правило, не имеют отношения к вопросу. Антиохийское правило говорит о епископах, которые по какой-либо причине не могли занять свою кафедру, тогда как епископы Карловацкого ВЦУ уже занимали кафедры, но их сами бросили, не желая или боясь оставаться под Советской властью. Если даже видеть в положении карловацких епископов некоторую аналогию с Антиохийским правилом, то и тогда в нем можно усмотреть лишь осуждение их властолюбия, ибо правило предоставляет таковому епископу лишь “честь и служение”, но не власть, и запрещает ему “вмешиваться в дела Церкви, где пребывает”. Отсюда следует, что покинувшие свою паству и пребывающие за границей епископы, не должны были вмешиваться в дела уже существовавших до них, заграничных епархий и приходов Русской Церкви.

И 37-е правило VI-го Вселенского Собора говорит о епископах, не имевших возможности занять свои кафедры, а не об епископах, бросивших свою паству по политическим причинам. И таким епископам оно разрешает пользоваться епископской властью не в отношении того места, где они вынуждены жить, а в отношении к клирикам той епархии, куда они не могли прибыть, — что видно из толкования Вальсамона на это правило (Афинская Синтагма, т. II, стр. 389-391).

г) Карловацкий “Собор” и Генуэзская Конференция

Лишенное всякого канонического основания, построенное на обманах, Карловацкое ВЦУ, своей главной задачей поставило политическую борьбу с Советской властью, и с этой целью созвало 20 ноября 1921 г., в Сремских Карловцах, “Общее Собрание представителей Русской Заграничной Церкви”, самочинно наименовавшее себя Собором. Это собрание имело чисто-политический характер, как по своему составу (из 163 членов собрания, 67 были политические деятели и чины армии генерала Врангеля), так и по своим постановлениям, из которых главным было — о восстановлении в России царской власти из дома Романовых.

Не довольствуясь этим, Карловацкое ВЦУ, вскоре-же после “Собора”, прибегло к новому обману — к посланию от имени Собора, Мировой Генуэзской Конференции.

Карловацкий Собор закончился 2 декабря 1921 г., когда Генуэзская Конференция не существовала даже в проекте. Постановление союзников о созыве конференции было сделано только в январе 1922 г., а самая Конференция состоялась с 10 апреля по 19 мая этого года. Ни в отделах Собора, ни в общем собрании, вопрос об обращении к Генуэзской, или какой-либо другой конференции, не ставился, а между тем Генуэзской Конференции, будто-бы, по единогласному полномочию Собора, и от его имени, было отправлено Карловацким ВЦУ послание, в заключение которого говорилось:

“Народы Европы! Народы мира! Помогите честным русским гражданам. Дайте им в руки оружие, дайте им своих добровольцев и помогите изгнать большевизм — этот культ убийства, грабежа и богохульства, из России и всего мира” (“Новое Время”, 1922 г., 1 марта, № 254).

Несомненно, т а к о е воззвание, если-бы оно было предложено Карловацкому Собранию, — даже им — не было бы принято.

Организовавшись не только без разрешения, но и без ведома Московской Патриархии, Карловацкое ВЦУ всячески афишировало свою несуществующую связь с Московской Патриархией. Митрополиту Антонию на Карловацком Собрании было усвоено звание Заместителя Патриарха, не только без согласия, но и без ведома Патриарха. Постановления Карловацкого ВЦУ, обычно, начинались словами: “По благословению Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея Руси, Высшее Церковное Управление Заграницей, слушали...” (см., например, определения от 16 августа 1921 г., от 21 сентября того-же года, от 17 января 1922 г., “Церковные Ведомости”, 1922 г., № 3). По “Положению” о Соборе, “Собор признает полную и всестороннюю архипастырскую власть Патриарха” (§ 3) и все постановления Собора идут на его утверждение (§ 4). На самом деле, ни одно постановление Собора, Патриарху послано не было.

д) Акты Московской Патриархии о Карловацком ВЦУ

Такая политика Карловацкого ВЦУ имела страшно тяжелые последствия для Церкви в самой России. Хотя соединенное присутствие Священного Синода и Высшего Церковного Совета, под председательством Патриарха, и издало 5 мая 1922 г. Указ об упразднении заграничного ВЦУ, все-же Патриарх был арестован, высшую власть в Церкви захватили обновленцы, начавшие ожесточенное преследование Патриаршей Церкви. Между тем, Карловацкое ВЦУ, выразив “полное подчинение и сыновнее послушание Патриарху”, 13-го сентября 1922 г. постановило: “существующее Высшее Церковное Управление упразднить, а на основании Постановления Московской Патриархии от ноября 1920 г., образовать Временный Священный Архиерейский Синод”; а так как Карловацкое ВЦУ и состояло из Синода и Церковного Совета, в который, кроме двух членов Синода, входило еще два лица, то упразднение ВЦУ свелось к увольнению из его состава этих двух лиц, остальное-же все осталось по-старому.

На страницах от 116 до 118, о. Польский пытается оправдать этот лицемерный акт ВЦУ тем соображением, что постановление 1920 г. давало право автономии и новой организации частям Русской Церкви в случае, если Московский Синод и Высший Церковный Совет прекратят свою деятельность, а как-раз после Указа от 5 мая 1922 г. Патриарх, ввиду своего ареста, передал власть Митрополиту Агафангелу, и ни Синод, ни Высший Церковный Совет не собирались.

Но, во-первых, постановление от 5 мая 1922 г. не только упразднило заграничное ВЦУ, но и временно передавало всю власть над заграничными русскими церквями Митрополиту Евлогию, — которому поручалось представить соображения о порядке управления названными церквями, — так-что никакой нужды, ни права на сохранение Карловацкого ВЦУ, хотя-бы в виде Синода, не было;

Во-вторых, в постановлении 1920 г. нет и тени мысли о подчинении одному центру всех заграничных епархий и приходов Русской Церкви, разбросанных по всему земному шару. Напротив, такая возможность исключается тем, что организация ВЦУ или Митрополичьего Округа допускается только для нескольких соседних епархий, находящихся в одинаковых условиях (ст. 2, “Церковные Ведомости”, 1921 г., № 1, стр. 2-3; 1928 г., № 17-18, стр. 6-7); но, ведь, разве можно назвать соседними епархиями, например, — Харбинскую и Американскую епархии?

В-третьих, последний пункт Постановления 1920 г. гласит: “Все принятые на местах, согласно нашим указаниям мероприятия, впоследствии, в случае восстановления Центральной Церковной Власти, должны быть представлены на утверждение последней”.

— Центральная церковная власть восстановилась с освобождением Патриарха еще в 1923 г. Почему-же Карловацкий Синод не испросил его утверждения?

“Все-же по делам Харбинской Епархии и в споре о юрисдикции Чехословацкой, в своих телеграмме и письме, Патриарх определенно считался, как и прежде, во времена Высшего Церковного Управления, с решением заграничных архиереев”, — пишет о. Польский (стр. 117), повторяя измышления Карловацкого ВЦУ.

На самом деле, не только “определенно”, но и вообще никак, Патриарх Тихон не считался с решениями заграничных архиереев. Никаких таких актов Патриарха не существует, да их и не могло быть, так как незадолго до своей кончины Патриарх послал 10 января 1925 г. заявление в советские “Известия”, что он не имеет сношений с заграничными контр-революционными организациями (“Церковные Ведомости”, 1925 г., № 3-4, стр. 10). Все это — только попытки утопающего спастись, ухватиться за соломинку, только использование сомнительных слухов и перетолковывание фактов. Таков слух, будто Патриарх Тихон считал, что спор между Митрополитом Евлогием и архиепископом Савватием должен решить Митрополит Антоний, пущенный органом самого-же Карловацкого Синода (“Церк. Ведом.”, 1924 г., № 9-10, стр. 12; 1925 г., № 15-16, стр. 11). Таково и перетолковывание телеграммы Патриарха Тихона проф. Миролюбову 1924 г., что “Епархиальный Совет Харбина должен быть избран на основах Московского Собора” (“Церк. Ведом.”, 1926 г., № 15-16, стр. 8). В этой телеграмме Карловацкий Синод игнорируется, и указывается, что заграничные епархии должны руководиться только постановлениями Московской Патриархии. Вопиющая неправда — дальнейшее утверждение о. Польского, будто и после закрытия Карловацкого ВЦУ в 1922 г., “новых прещений по его (Архиерейского Собора) адресу ни от Патриарха, ни от его заместителей не последовало” (стр. 117).

На самом деле, пока Патриарх был в заключении, он не имел возможности выразить свое отношение к преобразованному Карловацкому Управлению, но лишь только он получил свободу, он несколько раз подтверждал осуждение этого Управления.

Так, в его послании от 28 июня 1923 г. читаем: “Когда в марте 1922 г. мы были осведомлены о протесте заграничного ВЦУ против допущения русских делегатов на Генуэзскую Конференцию, мы закрыли это Управление, организованное с благословения Константинопольского Патриарха”.

В послании от 1 июля 1923 г., Патриарх пишет: “В апреле месяце, в соединенном заседании Священного Синода и Высшего Церковного Совета, мы осудили заграничный Церковный Собор в Карловцах, вследствие попытки восстановить монархию из дома Романовых. Мы могли-бы ограничиться осуждением архиереев, бывших на Соборе под председательством Митрополита Антония, если-бы они покаялись и прекратили свою дальнейшую деятельность в этом направлении, но, как нам сообщают, они не только не прекратили свою деятельность, но еще и более вовлекли Церковь в политическую борьбу, заодно с открытыми злостными врагами русского народа, живу-

щими в России и за границей, с членами разных монархических и белогвардейских организаций. Пусть они, хотя теперь смиряются и покаются перед русским народом за совершенное преступление. В противном случае будет необходимо позвать Пресвященных Архиреев в Москву к ответу перед Церковным Судом и просить Советскую власть о разрешении прибыть туда”.

Когда организовался Синод при Патриархе, он, под председательством Патриарха, сделал 8-го апреля 1924 г. следующее постановление:

“Высшее Церковное Управление считает необходимым:

1) Заявить, что со всей политической деятельностью заграничных иерархов, имеющей целью дискредитировать нашу государственную власть, ни Святейший Патриарх, ни существующее при нем Церковное Управление не имеют ничего общего, и такую деятельность осуждают...

3) Запросить Митрополита Евлогия, назначенного, после закрытия в апреле 1922 г. заграничного Церковного Управления, управлять заграничными церквами, какое и на основании чего, существует и в настоящее время Церковное Управление за границей под именем Архирейского Синода.

4) Заявить, что Митрополит Антоний, находящийся за границей, не имеет никакого права говорить от имени Русской Православной Церкви и всего русского народа, так как не имеет на это полномочий. (Подписали:)

Патриарх Тихон. Архиепископ Тихон, Архиепископ Серафим, Архиепископ Петр (будущий Местоблюститель), Архиепископ Илларион.

С подлинным верно. Управляющий делами Патриаршего Священного Синода, епископ Питирим”.

Эти три постановления, сделанные в течение менее года, орган Карловацкого Синода “Церковные Ведомости” скрыл от своих читателей, а опубликовал лишь Завещание Патриарха Тихона (“Церк. Ведом.”, 1925 г., № 9-10, стр. 21-23), но под заглавием “Выдаваемое большевиками за завещание Патриарха Тихона”, и вместе с посланием Митрополита Антония (стр. 3-4), где тщетно доказывается, что “документ этот несомненно поддельный”, так как Патриарх не мог, якобы, признать Советскую власть законной, — хотя о признании этой власти говорят и все послания Патриарха, изданные им после его освобождения.

И вот, в этом Завещании, подлинность которого не решается оспаривать и о. Польский, читаем:

“С глубокою скорбью мы должны отметить, что некоторые из сынов России и даже архипастыри и пастыри, по разным причинам покинувшие родину, занялись за границей деятельностью, к которой они не призваны, и во всяком случае вредной для нашей Церкви. Пользуясь нашим именем, нашим авторитетом церковным, они создают там вредную и контрреволюционную деятельность. Мы решительно заявляем: у нас нет с ними связи, как это утверждают враги наши, они чужды нам, мы осуждаем их вредную деятельность. Они вольны в

своих убеждениях, но они в самочинном порядке, а вопреки канонам нашей Церкви, действуют от нашего имени и от имени нашей Церкви, прикрываясь заботами об ее благе. Не благо принес Церкви и народу, так называемый, Карловацкий Собор, осуждение коего мы снова подтверждаем и считаем нужным твердо и определенно заявить, что всякая в этом роде попытка впредь, вызовет с нашей стороны крайние меры, вплоть до запрещения священнослужения и предания суду Собора... Особой комиссией мы поручаем обследовать деяния бежавших за границу архипастырей и пастырей, в особенности митрополитов: Антония, б. Киевского, Платона — б. Одесского, а также и других, и дать деятельности их немедленную оценку. Их отказ подчиниться нашему призыву, вынудит нас судить их заочно”....

Осудили, созданный в 1922 г. самочинный Архиерейский Синод в Карловцах, и Местоблюститель Патриаршего Престола, Митрополит Петр, и его Заместитель Митрополит Сергей.

Как мы уже видели, Митрополит Петр, еще не будучи Местоблюстителем, подписал 8 апреля 1924 г., как член Патриаршего Синода, его постановление об осуждении деятельности Карловацких иерархов.

Связанный личной дружбой с Митрополитом Антонием, Митрополит Сергей сначала не хотел прибегать к строгим мерам, предусмотренным против Карловчан в завещании Патриарха Тихона, и убеждал их лишь не выступать от имени Русской Церкви и подчиниться местной церковной власти. Такой план он излагал в своем проекте декларации, представленном 10 июня 1926 г. Комиссариату Внутренних Дел. “Всякое священное лицо, которое не желает признать свои гражданские обязанности в отношении к Советскому Союзу”, — пишет он здесь, — “должно быть исключено из состава Московский Патриархии и должно подчиниться поместным Православным Церквам, сообразно территории. Такие-же обязательства должны быть поставлены, как условие существования особых русских церковно-административных учреждений, как например, Синод и Епархиальный Совет. После такого отмежевания от эмигрантов, мы будем созидать свою церковную жизнь в границах СССР совершенно вне политики” (“Церковный Вестник”, 1926 г., № 14, стр. 16).

Ту-же мысль о необходимости изолирования заграничного духовенства, Митрополит Сергей, как мы видели, выразил в своем, написанном на 3 месяца позже (12-го сентября 1926 г.) и проникнутом тонкой деликатностью и любовью к заграничным собратьям, — письме к Карловацким епископам. Подтверждая, что в апреле или мае 1922 г. Святейший, действительно, издал распоряжение о закрытии заграничного Синода и допуская, в теории, мысль о возможности создания, по общему согласию, другого центрального органа Церковного Управления, настолько авторитетного, чтобы он мог решать несогласия и недоразумения, и настолько сильного, чтобы он мог “пресечь всякое непослушание”, — Митрополит Сергей,

однако, указывает, что ввиду отсутствия такого согласия между карловчанами и Митрополитом Евлогием, практически создать такой орган невозможно, и потому советует подчиниться местной Православной Церковной власти, например, в Сербии — Сербскому Патриарху, а в неправославных странах организовать самостоятельные общины.

Целесообразность такого решения вопроса, Митрополит Сергей доказывает следующими аргументами:

1. Это будет подчинение воле Божией.
2. Это будет отвечать требованиям канонов.
3. Это будет отвечать интересам заграничной Церкви, так как скорее предохранит ее от внутренних недоразумений и распрей, чем старание всех удержать вместе и подчинить искусственно созданном центру.
4. Это будет наиболее отвечать нынешнему положению Церкви в СССР.

Но не это нужно было Карловацкому Управлению, стремившемуся подчинить себе Русскую Церковь во всем мире вне границ СССР и усилить гонение на нее в границах СССР, чтобы вызвать интервенцию; и Митрополит Сергей, как мы видели, подобно Патриарху Тихону, попавшему в тюрьму из-за использованного обновленцами послания к Генуэзской Конференции, тоже попал в тюрьму, когда карловчане, злоупотребив его доверчивостью опубликовали фотографию его доверительного письма в печати, а письмо перетолковали в смысле признания Карловацкого Синода.

В тюремном заключении Митрополит Сергей имел время убедиться, что нельзя ставить личные симпатии выше интересов Церкви и освободившись из тюрьмы, уже твердо стал на ту-же позицию в отношении к карловчанам, на которой все время стоял Патриарх Тихон.

20 мая 1927 г. Советский Комиссариат легализовал “Временный Патриарший Синод при Митрополите Сергии”, а 14 июля 1927 г. Митрополит Сергей и его Синод, не призывая права на существование Карловацкого Синода, отправили указ (№ 93) Митрополиту Евлогию, как “Управляющему русскими церквями в Западной Европе”, а через него и всем заграничным русским архипастырям и прочим священнослужителям, с предложением дать письменное обязательство, что данное лицо, “состоя в ведении Московской Патриархии, не допустит в своей общественной, в особенности церковной деятельности, ничего такого, что может быть принято за выражение нелояльности к Советскому Правительству; не согласные дать такое обязательство или его нарушившие, увольняются от должности и исключаются из состава клира в ведении Московской Патриархии” (“Церковный Вестник”, 1927 г., № 3, стр. 4-5).

В препроводительном письме, Митрополит Сергей, подобно постановлению Патриарха Тихона и при нем Синода от 8 апреля 1924 г., обращает внимание Митрополита Евлогия, что

тот не исполнил Постановления об упразднении Карловацкого ВЦУ:

“22 апреля (5 мая) состоялось постановление Св. Патриарха Тихона и Священного Синода, коим упразднено Высшее Церковное Управление Русской Церкви за границей, ввиду, главным образом, его политических выступлений; попечение об означенных церквях возложено на Ваше Высокопреосвященство, с поручением Вам представить свои соображения о дальнейшем устройстве церковного управления за границей. Данное Вам поручение осталось неисполненным, ни в 1922 г. (может быть вследствие того, что Святейший был тогда изолирован), ни в 1923 г., когда Святейший снова стал во главе Управления Русской Церковью. Между тем, указанное ВЦУ возродилось (и кажется не без Вашего содействия)...” (“Церковный Вестник”, 1927 г., № 3, стр. 1-2).

А через две недели после этого указа, 29 июля 1927 г., Митрополит Сергей издал уже известную нам декларацию, в которой вновь, и уже в более строгих выражениях, осуждается Карловацкий Синод:

“Особенную остроту, при данной обстановке, получает вопрос о духовенстве, ушедшем с эмигрантами за границу. Ярко-противосоветское выступление некоторых наших Архипастырей и пастырей за границей, сильно вредившее отношениям между Правительством и Церковью, как известно, заставило почившего Патриарха упразднить заграничный Синод (5 мая/22 апреля 1922 г.). Но Синод до сих пор продолжает существовать, политически не меняясь, а в последнее время, своими претензиями на власть даже расколол церковное общество на два лагеря. Чтобы положить этому конец, мы потребовали от заграничного духовенства дать письменное обязательство в полной лояльности Советскому Правительству...” (“Церк. Ведом.”, 1927 г., № 17-18, стр. 5-6).

Когда-же Карловацкое Управление 9 сентября 1927 г. отказалось дать такое обязательство, Митрополит Сергей с состоящим при нем Синодом, 9 мая 1928 г. послал новый Указ Митрополиту Евлогию, которым Митрополит Евлогий оставлен во главе управления Русской Церковью в Западной Европе, а Карловацкое Управление опять объявляется упраздненным в силу постановления Патриарха Тихона, и все его акты, в частности и запрещение, наложенное на Митрополита Евлогия и других лиц, признаются не имеющими силы.

Наконец, 22 июня 1934 г. Митрополит Сергей и состоящий при нем Синод, после безуспешной попытки повлиять на Карловацких иерархов через посредство Сербского Патриарха Варнавы, издал указ (№ 944) на имя Митрополита Елевферия и других заграничных иерархов, признающих власть Московской Патриархии, о предании суду и запрещении в священнослужении: Митрополита Антония, архиепископа Анастасия, архиепископа Мелетия б. Забайкальского, архиепископа Серафима б. Финляндского, епископа Нестора б. Камчатского, епископа Тихона (Лященко), епископа Тихона (Троицкого) в Америке и

епископа Виктора Пекинского ("Церк. Жизнь", 1934, № 9-10, стр. 144-145; "Литовские Епарх. Ведомости", 1934 г., № 6-7, стр. 57-58).

И вот, после такого множества постановлений Московской Патриархии о закрытии Карловацкого Синода, о. Польский имеет смелость, жирным шрифтом, "категорически заявить, что каноничность единого заграничного церковного управления, с момента его появления, никогда в самой России не подвергалась никаким сомнениям, и это управление, когда оно было именно Архиерейским Синодом, российский епископат защищал там от большевических посягательств до 1927 г." (стр. 117-118).

На самом деле, мы уже видели, что осуждения Карловацкого Синода Митрополитом Сергием после 1927 г. были лишь повторением осуждения этого Синода Патриархом Тихоном.

К чести о. Польского нужно заметить, что он не считает возможным повторить неоднократные утверждения Митрополита Антония, будто постановление Патриарха Тихона об упразднении Карловацкого ВЦУ не касалось Карловацкого Синода, так как, будто-бы, в 1922 г. Карловацкий Синод не существовал. На самом деле, Синод входил в состав заграничного ВЦУ, организованного еще в Константинополе, а 25 ноября 1921 г. Карловацкий Собор принял резолюцию Отдела о ВЦУ за границей, где читаем:

"Русский заграничный Синод признан — Вселенским, Всероссийским и Сербским Патриархами и состоит из председателя — Наместника Святейшего Патриарха и членов в числе и составе, утвержденном Святейшим Патриархом Всероссийским" ("Деян. Собора", стр. 39). Такая формулировка вызвала возражение, как несоответствующая действительности, да же н а С о б о р е, но все-же она была принята Собором.

е) Где "правильный путь"?

Переходя к деятельности Патриарха Алексия, о. Польский пишет, что "нападение сделалось еще серьезнее... Появилась за границей московская церковная делегация, и отпала, таким образом, одна причина разрыва с Московской церковной властью — "невозможность нормальных сношений с ней". Но другая причина для "прекращения административных сношений" с нею, — "в виду порабощения ее безбожной советской властью, лишаящей ее свободы в своих волеизъявлениях и канонического управления Церковью", — явилась теперь в полной и доказанной силе" (стр. 119-120).

Свое голословное утверждение, будто Церковь в СССР не имеет свободы в своих волеизъявлениях, о. Польский подтверждает столь-же голословным утверждением из послания Митрополита Анастасия 1945 г., разобранным нами в статье "Идеология Карловацкого раскола" ("Журнал Московской Патриархии", 1948 г., № 2, стр. 43-50), будто "Высшая Церковная власть в России... стала отступать от пути Христовой истины и правды и через то отрываться духовно от православного епископ-

ства” (которое — заметим в скобках — единогласно избрало Митрополита Алексия Патриархом), и другим, опять-таки господствующим, утверждением Мюнхенского “Собора”, 1946 г. будто “Высшая Церковная власть в России находится в противоестественном союзе с безбожной властью” (стр. 120).

Приводит о. Польский и выдержку из “еще одного исповедания” (?) Митрополита Анастасия: “Архиерейский Синод действительно трактовался всегда как временное учреждение, но не до восстановления только сношений с Высшей Церковной властью в России, а, прежде всего, (!) восстановления нормальной общей и церковной жизни в ней”.

Конечно, под “восстановлением нормальной общей жизни”, здесь мыслится восстановление монархии, как будто Церковь связана с какой-либо формой государственного строя...

Под заголовком “Правильный путь” (стр. 121-122), о. Польский пытается доказать, что, руководясь постановлением 1920 года и отвергая все последующие распоряжения из Москвы, Карловацкая организация стоит на правильном пути, так как эти распоряжения — “сомнительны потому, что продиктованы компромиссами с советской властью и ее насилием, и очевидно (?) не совпадают с правдой, канонами и интересами Церкви. Стоя на Постановлении 1920 г. и оберегая от неканонических, чисто политических (воздержание от политики? — С. Т.) требований Московской Церковной власти, своим отказом повиноваться им в 1927 г., Архиерейский Синод не впадает ни в какое самочиние, своеволие и нарушения повиновения своей нормальной свободной Высшей Церковной Российской Центральной власти (— где-же, и из кого-же, состоит эта “Центральная” власть?), но напротив, она одна, по своим условиям свободы, может жить нормально и законно, когда российская церковная власть, по своим стеснениям, отпадает от нормы”.

— Итак, оказывается, что после постановления 1920 г., и Патриарх Тихон, и все позднейшие предстоятели Русской Церкви, только тем и занимались, что заключали компромиссы с Советской властью и ни одного акта, выражающего подлинную волю Русской Церкви не издали, так что настоящей “Высшей Центральной Российской Церковной Властью” является церковных дезертиров, опирающееся на постановление 1920 г. — а не “отпавшая от нормы” Российская Церковная власть.

О. Польский считает, что все распоряжения, начиная с указа 1922 г., сомнительны; но ведь, грамота Патриарха Тихона, предписывающая духовенству прекратить борьбу с Советской властью, была издана еще 25 сентября 1919 г., т. е. за два с половиной года до указа 1922 г., и Патриарх Тихон так обосновывает необходимость этого указа об упразднении Карловацкого управления:

— “Акты эти (Карловацкого Собора) носят характер политический и, как таковые, они противоречат моему посланию от 25 сентября 1919 г.” (“Церк. Ведом.”, 1922, № 12-13, стр. 6). Таким образом, основанное на канонах (Апост. 81, IV Всел., 3)

запрещение политической деятельности Карловацкому ВЦУ Патриархом Тихоном и Митрополитом Сергием, о. Польский называет чисто-политическим требованием!...

Только-что сказав, что “все последующие распоряжения из Москвы, начиная с Указа 1922 г., продиктованы компромиссами... и очевидно не совпадают с канонами”, о. Польский заявляет, что “путь Архиерейского Собора (Мюнхенского) стал безупречно каноническим, единым с Тихоновским путем” (стр. 121).

— Но ведь, важнейшие акты Патриарха Тихона против карловчан были изданы как-раз после указа 1922 г....

Ищет о. Польский поддержки Мюнхенскому Собору и в мифическом “Духовном Соборе” русского епископата, вместе с которым, он “осуждает действия м. Сергия, как незаконные”. Между тем, никакого такого “Духовного Собора” русского епископата, одобряющего действия Мюнхенского Собора — не существует, так как весь русский епископат находится в единомыслии с Патриархом Алексием.

“В интересах Церкви в России”, — пишет на стр. 122 о. Польский, — “чтобы за границей ее защищали... Вся масса клира и епископата Российской Церкви желает свободы заграничной Церкви, как своей нравственной опоры в борьбе... Позиция заграничной Русской Церкви — бодрость и утешение в России всем любящим Церковь. Таково свидетельство всякого, кто был в местах заключения и ссылки в России и вел борьбу за правду церковную и потом получил счастье заграничной свободы. Об этом говорят документы” (какие? — С. Т.).

Все это ложь и ложь. Совершенно не думает Карловацкая клика, ни об интересах Русской Церкви, ни об интересах русского народа. Ей нужно ниспровержение Советской власти, восстановление монархии и захват церковного управления в свои руки. Какой ценой пришлось бы платить за это русскому народу и Русской Церкви, это их нисколько не интересует. Чем больше усилятся гонения на Церковь, тем лучше, так как это даст если не повод, то, во всяком случае, как-бы моральное оправдание для интервенции. Этим объясняется, почему самые резкие выступления против Советской власти эта клика делала от имени Патриарха и почему на сердечное, полное любви и деликатности, письмо к ним Митрополита Сергия, они ответили предательством, как ранее мечтали и о том, чтобы Патриарх Тихон окончил жизнь мучеником.

Еще далее пошел в этом направлении Митрополит Анастасий в своем Пасхальном Послании 1948 г., пожелав, чтобы атомные бомбы обрушились на его Родину, истребив миллионы невинных людей, миллионы женщин и детей. Куда-же дальше идти в нравственном извращении?

И вопиющая ложь, будто позиция Карловацкой организации — “бодрость и утешение” для России. Не настолько наивны русские иерархи и клирики, чтобы не видеть, что не о благе Русской Церкви думают карловчане, а о победе своей нехристианской, цезаро-папистической идеологии. Русские

люди помнят, какие страшные бедствия навели на Православную Русскую Церковь “Деяния” Карловацкого Собора, о чем пишет и учитель о. Польского, протоиерей Боголюбов (“Ж. М. П.”, 1946 г., № 9, стр. 75), не оставивший свою Родину и свою паству, в отличие от своего ученика. Русские люди знают, что кроме вреда русскому народу, все политические выступления карловчан ничего не принесут, и с глубоким негодованием относятся к Карловацким воинственным дезертирам.

ж) Карловацкое ВЦУ и Гитлер

Под заголовком “Враждебные действия” (стр. 122-125), о. Польский смело берется за безнадежную задачу оправдать предательскую, изменническую в отношении к Родине и Церкви, политику карловчан. Свою апологию он очень искусно начинает с попытки опорочить обвинителя: “говорят” ((кто?), — пишет он, — “что такими выступлениями за границей Сербский Синод покупает известные церковные свободы у себя” и жалуется, что “в России как-раз нет никаких гарантий для свободы Церкви вообще и для церковного предателя в частности”.

Но ведь, Церковь преуспевала в первые века, не имея никаких “гарантий”, а подобные карловчанам предатели Церкви и Родины, вообще нигде гарантий своей свободы не имели.

Далее начинается сплошная голословная риторика против Русской Церкви, что она, “потерявши свободу сама... с огромным рвением и усердием насилует совесть свободных, понуждает принять узы нечестивого рабства, и навязывает свой язык лжи и обмана”, и т. д.

Набросив, таким образом, мрачную тень на обвинителя, о. Польский переходит к разбору обвинения, искусно отводя внимание от главной вины. По утверждению о. Польского, Московская Церковная власть, не зная в чем обвинить карловчан, делает из мухи слона и поднимает шум из-за простого акта вежливости Митрополита Анастасия, выразившего еще до войны благодарность Гитлеру за закон об имуществе Русской Церкви в Германии и за ассигновку на постройку православного собора в Берлине. А с начала войны Митрополит Анастасий, будто-бы, не помогал немцам в борьбе с союзниками и потом не издал ни одного письменного акта в пользу немцев, как это сделали другие, например, один митрополит в Париже 22 июня 1941 г. и один архимандрит в Берлине (“Новое Слово”, № 27-356, 29 июня 1941 г.).

Но, прежде всего, вопрос вовсе не в одном Митрополите Анастасии, а в предательской, изменнической политике всей Карловацкой организации, так как, во-первых, Митрополит Анастасий, как ее вождь и возглавитель, не мог бы вести политику, несогласную с воззрениями всей организации, а во-вторых, не один он, а и другие деятели этой группировки, и вся ее печать, проводили ту-же бессовестную политику какую сохраняют и донныне.

О. Польский пишет, будто Митрополит Анастасий не издал ни одного письменного акта в пользу немцев, как это сделали другие, например, один митрополит в Париже и один архимандрит в Берлине. Почему-же он не упоминает имен этих лиц? Да просто потому, что и один митрополит в Париже, и один архимандрит в Берлине, в то время состояли в юрисдикции Митрополита Анастасия и были вынуждены сообразоваться с политикой своего принципала.

О. Польский утверждает, что адрес Митрополита Анастасия Гитлеру был выражением необходимого долга благодарности; допустим, что Митрополит Анастасий знает правила хорошего тона; но, прежде всего, разве не понимал Митрополит Анастасий почему, по каким мотивам, безбожный Гитлер — мечтавший об изгнании за Урал всего славянства и закрывавший протестантские храмы в самой Германии, чем вызвал движение “Борющейся Церкви” — вдруг воспыал такой любовью к Православию и к русским людям, что стал строить для них храмы, давать им имущественные права, насильственно подчинять карловчанам православных других юрисдикций в Германии, Бельгии и т. д. А затем, ведь не одна благодарность заключилась в этом адресе, а и апофеоз величайшего злодея XX века — безбожника Гитлера и, вместе с тем, злостное обвинение всего верующего русского народа перед Советской властью. “Лучшие люди всех народов, желающие мира и справедливости”, — читаем мы здесь, — “видят в Вас вождя в мировой борьбе за мир и правду. Мы знаем из достоверных источников (?), что верующий русский народ, стонущий под этим рабством, ожидающий своего освобождения, постоянно возносит к Богу молитвы, чтобы Он сохранил Вас и дал Вам Свою всемогущую помощь” (“Последние Новости”, № 6330; “Церковная Жизнь”, 1938, № 5-6, стр. 96).

И не потому-ли этот Атилла XX века напал на нашу Родину и истребил десятки миллионов русских людей, что поверил словам “благодного” карловацкого архипастыря, будто весь русский народ ждет не дождется его, как своего освободителя, и тотчас-же перейдет на его сторону?

Как-бы должна была отнестись к верующему народу и к Русской Церкви Советская власть, если-бы она поверила такой клевете иерарха Русской Церкви? И не есть-ли эта клевета — попытка вызвать гонение на Церковь в СССР и тем дать оправдание для интервенции “Христолюбивого вождя”?

О. Польский утверждает, что Митрополит Анастасий с начала войны не помогал немцам и не издал ни одного акта в их пользу. Действительно, не будучи вполне уверен в победе “Христолюбивого вождя” и вынужденный считаться с настроением той страны, где он во время войны проживал, Митрополит Анастасий воздерживался делать прямые письменные заявления в пользу Гитлера, как в угоду ему делали подчиненные ему иерархи; но еще находясь в Югославии, Митрополит Анастасий делал более чем прозрачные заявления в пользу немцев, а в

своих речах и в своей деятельности проявлял себя, как их верный сторонник и помощник.

Еще в первый год нашествия немцев на СССР, в статье "Нравственная сущность коммунизма и средства борьбы с ним", напечатанной в органе Карловацкого Синода ("Церковная Жизнь", № 3-12, стр. 35-39), Митрополит Анастасий писал:

"Борьба с ним (коммунизмом) посильна только крепким духом и военной мощью народам, как, например, германскому, объявившему непримиримую брань не только русскому коммунизму, но и всякому проявлению коммунистического духа в других странах Европы. Сколько-бы силы зла не оказывали сопротивление в нынешней решительной борьбе с ним, на которую смотрит весь мир, он уже чувствует свою обреченность. Победа для нас обеспечена заранее..."

Получив сведения об успехах немецкого нашествия и захвата ими русских областей, Митрополит Анастасий пишет в своем "Окружном Послании ко дню Св. Пасхи", 1942 г. ("Церковная Жизнь" от 1 апреля 1942 г., № 4, стр. 49-50):

"Настал день, ожидаемый им (русским народом), и он ныне подлинно как-бы воскресает из мертвых там, где мужественный германский меч успел рассечь его оковы... И древний Киев, и многострадальный Смоленск, и Псков, светло торжествуют свое избавление как-бы из самого ада преисподнего. Освобожденная часть русского народа повсюду давно уже запела... "Христос Воскресе!"... (стр. 51).

Но когда русский народ показал, что он не хочет знать своего мнимого "освободителя" и дал ему должный отпор, Митрополит Анастасий уже в своем "Рождественском Окружном Послании" того-же года, изменяет тон и выражает пожелание, чтобы грядущий 1943 год был "годом просветления национальной мысли", и горько жалуется на неудачу своих пророчеств:

"Сколько раз в эти судьбоносные, страдные для нас годы, мы пытались читать в грядущих судьбах нашей Родины, строили определенные планы, приуроченные к тем или другим срокам, и с горечью должны были видеть, как жизнь нарушила наши мечты и гадания, как паутину, и шла своими, непредвиденными нами путями, а не теми, какие мы предначертали для нее" ("Церк. Жизнь", 1 декабря 1942 г., № 12, стр. 177-180)

Но не "жизнь", а воля Божия, как паутину разрушила мечту Митрополита Анастасия о возглавлении Русской Церкви с помощью немецкого оккупанта.

Особенно испугали Митрополита Анастасия известия, что союзники, в помощь России, собираются открыть "второй фронт", и он, в статье о недействительности избрания Митрополита Сергия Патриархом, горячо восстает против установления в СССР молений об открытии этого фронта:

"Русская Церковь молится о распространении страшного опустошительного пожара войны на новые пространства, чтобы бросить в огонь и обречь на страдания миллионы людей и среди них множество мирных жителей, стариков, женщин и детей" ("Церк. Жизнь", 1943 г., № 9, стр. 125-132).

Значит, когда пожар войны распространяется на нашей родной земле, — это благословение Божие, а когда он грозит распространиться на земле немецкого агрессора и, через то, способствовать освобождению Родины, — это есть страшное зло.

Но Митрополит Анастасий не ограничивался неудачными пророчествами, а все время, в постоянном контакте с немецким командованием, деятельно помогал немцам. Свою мечту о победе Гитлера с помощью обманутых русских “власовцев”, всего откровеннее Митрополит Анастасий высказал в обширной речи, произнесенной им 19 ноября 1944 г. в Берлинском соборе. Возмущаясь, что Русская Патриархия действует в согласии с государственной властью своей страны, самоотверженно защищавшей Родину, Митрополит Анастасий ни перед чем не останавливается, чтобы помочь осуществлению планов злейшего врага и поработителя славянства.

Из таких его действий, касающихся церковной политики, отметим открытие 26 мая 1942 г. “Средне-Европейского Митрополичьего Округа” для церквей “Великой Германии”, включая протектораты Бельгии, Словакии и Люксембурга. В постановлении Карловацкого Синода об этом открытии, читаем:

“Что касается германского правительства, то оно не только выразило согласие на превращение германской епархии в митрополичий округ, но и само поддерживает и поощряет осуществление этого проекта, с о в п а д а ю щ е г о, очевидно, с е г о с о б с т в е н н ы м и в и д а м и” (“Церк. Жизнь” от 1 июня 1942 г., № 6, стр. 85; ср. № 8, стр. 114).

Из этого же постановления видно, что открытие Округа было произведено исполнительным органом Карловацкой организации — Синодом — вопреки выработанному законодательным органом Карловацкой организации — Карловацким Собором 1935 г., — положению о Русской Православной Церкви Заграницей, по которому в Европе должны быть только два митрополичьих округа — Западно-Европейский и Ближне-Восточный; И пока длились успехи Гитлера, этот новосозданный Округ занял центральное место в Карловацком Управлении. В него вошли не только страны, перечисленные в постановлении об его учреждении (причем от Западно-Европейского округа были отняты и присоединены к Средне-Европейскому округу Бельгия и Люксембург), но и другие страны, например, оккупированная Гитлером Венгрия и оккупированная ею часть Югославии (“Церк. Жизнь”, № 7, стр. 109), западные области СССР, например, Смоленск (“Церк. Жизнь”, 1943 г., № 1, стр. 12), Орловская епархия (“Церк. Жизнь”, 1942, № 12, стр. 189), Белостокско-Гродненская епархия (“Церк. Жизнь”, 1942, № 8, стр. 120-121).

Чтобы вынудить православное население Бельгии подчиниться Карловацкому Синоду, германское командование арестовало архиепископа Александра (Немолова), подчиненного Митрополиту Евлогию, и выслало его во Францию.

Немецкая власть все время вмешивалась во внутренние дела Карловацкой организации. Германским командованием пра-

вославные всех юрисдикций были подчинены Карловацким епископам (“Церк. Жизнь”, 1942, № 3, стр. 47). Все назначения, и не только епископов (“Церк. Жизнь”, 1942, № 6, стр. 82), но даже членов Епархиального Совета и Ревизионного Комитета, делались по соглашению с германскими властями (“Церковная Жизнь”, 1942, № 3, стр. 64). Вмешивалась немецкая власть и в отношения между автономной Украинской Церковью и “Автокефальной Всеукраинской Церковью” архиепископа Поликарпа (“Церк. Жизнь”, 1942, № 8, стр. 121). Митрополитом Средне-Европейского округа, с согласия немецкого министра церковных дел Гаусса, 26 мая 1942 г. был поставлен Карловацким Синодом немец — Серафим Ладэ, получивший епископскую хиротонию от обновленцев, признанную Московской Патриархией недействительной, о чем ранее писал и орган Карловацкого Синода “Церковные Ведомости”; единоличным распоряжением Митрополита Анастасия 11 июня 1942 г. он был поставлен и членом Синода (“Церк. Жизнь”, 1942, № 7, стр. 97-98).

Нужно однако отметить, что Серафим Ладэ, по сообщению лиц хорошо знавших его деятельность во время войны, в отличие от Митрополита Анастасия, делал все что мог для облегчения тяжелого положения русских военнопленных в Германии, рискуя навлечь на себя недовольство немецких властей. И благоволение к нему Митрополита Анастасия продолжалось только до падения Гитлера; когда же Гитлер погиб, Митрополит Анастасий, чтобы представить себя противником немцев, стал враждебно относиться к Ладэ и вынудил его выйти из состава Архиерейского Синода. Вот, точная выдержка из письма Ладэ от 25 марта 1946 г. к ныне здравствующему Протоиерею С. Л.

“...Теперь я вышел из состава Архиерейского Синода. Ясно, конечно, почему Митрополит Анастасий занял такую позицию. Он хочет теперь зарекомендовать себя, как противника Германии. Я, ведь, немец. Но я заявил графу Граббе⁴⁰⁾: “пусть подумают, что моя защита может стать опасной для кого-то”. Ведь не я просил о месячном пособии в размере 600 марок от прежнего Германского Правительства, а Архиерейский Синод через покойного генерала Бискупского. Не я получил незадолго до катастрофы 3 тысячи марок от национал-социалистического правительства, а Архиерейский Синод. Не я состоял в числе тех, которые выполняли определенные задания прежней Германской власти, а кое-кто из братьев Владимировой обители. А теперь эти господа выступают в роли моих противников, потому что я немец... Многое я мог бы сказать на эту тему, но время неподходящее и наша церковная жизнь не вынесла бы новых потрясений. Митрополит Серафим”. (На подлиннике письма — бланк и печать Митрополита Серафима).

Даже совещание Карловацких епископов, созванное по же-

⁴⁰⁾ Граф Ю. П. Граббе, еще в Белграде секретарь М. Анастасия и управляющий канцелярией Синода, ныне протоиерей, на той-же должности при Арх. Синоде в Нью-Йорке.

ланию немецкого командования для заявления о недействительности избрания Митрополита Сергия Патриархом, состоялось в октябре 1943 г. не там, где пребывал глава Карловацкой организации, — не в Белграде, а на территории нового Средне-Европейского округа — в Вене, что орган Карловацкого Синода был вынужден оправдывать неудобством сообщения с Белградом (“Церк. Жизнь”, 1943, № 11, стр. 56):

И не только в церковной сфере Митрополит Анастасий шел навстречу планам Гитлера, но содействовал ему и в чисто-военных делах. При деятельном участии Митрополита Анастасия в Югославии была сформирована в помощь немецким войскам, так называемая “Русская Охранная Группа”, переименованная потом в “Русский Охранный Корпус”, и Митрополит Анастасий, как свидетельствует орган Карловацкого Синода “Церковная Жизнь”, сам и через подчиненных ему лиц, вел пропаганду в пользу вступления в Корпус — “для спасения Родины” — наивных, веривших высокому иерарху людей; принимал участие в военных парадах Корпуса и служил для него молебны, обходил его ряды (“Церк. Жизнь”, 1942, № 10, стр. 154; 1943, № 5, стр. 73-74 и др.), участвовал на банкетах вместе с немецким главнокомандующим генералом Бадером (“Церк. Жизнь”, 1942, № 10, стр. 155), принимал благодарность от начальника Группы, а потом и Корпуса, “за всегдашнее внимание к духовным нуждам Группы” (“Церк. Жизнь”, 1942, № 10, стр. 154-155 и др.).

Такой образ действий Митрополита Анастасия и послушных ему священнослужителей, вызывал глубокое возмущение среди сербских патриотов, и много русских священников, проявлявших свои симпатии оккупанту, были убиты (“Церк. Жизнь”, 1942, № 10, стр. 155; 1943, № 5, стр. 71, и др.). Бесславно погибла в братоубийственной войне и значительная часть несчастного, введенного своими Карловацкими пастырями в заблуждение, Русского Охранного Корпуса. Ну, а Митрополит Анастасий опять вышел сухим из воды...

Для характеристики настроения и идеологии Карловацких раскольников очень показателен тот факт, что такая “патриотическая” деятельность Митрополита Анастасия и в последние годы находит у них полное одобрение, и ставится ему в великую заслугу.

В карловацком журнале “Православная Русь” от 28-VI-1956 в № 12, посвященном “культу личности” Митрополита Анастасия по поводу его юбилея, помещена статья Б. Шатилова “Пастырь добрый” (стр. 13-14), где “проводится параллель” между Митрополитом Киевским и всея Руси, Кириллом, благословившем Св. Александра Невского на путешествие в Орду, и Митрополитом Анастасием, благословившем русских людей на содействие Гитлеру в его походе на нашу Родину. Здесь мы читаем:

“Германия обратила свое оружие против большевиков, которых Гитлер... так красноречиво громил при своих публичных

политических выступлениях... Где-же теперь место русской политической эмиграции?... Формируется Русский Корпус... Корпусники тоже нуждались в моральной поддержке. И они ее получили. Получили тоже от главы Русской Православной Церкви(?)... М. Анастасий, в торжественной обстановке, дал свое благословение белым борцам на дальнейшую борьбу с безбожной властью коммунистического интернационала. Чаения корпусников исполнились; своим пастырским словом Владыка рассеял их сомнения... Более трех с половиной лет части Корпуса выполняют ратное дело”...

Далее описывается “страдный путь” корпусников, на который толкнул несчастных русских людей этот “пастырь добрый”.

Но совершенно непонятно, в чем можно видеть “параллель” между благословением, данным Св. Александру Невскому Митрополитом Кириллом, — и благословением, данным корпусникам Митрополитом Анастасием? Митрополит Кирилл благословил Св. Александра на опасное путешествие в Орду, к Батю, стоившее жизни отцу Св. Александра — великому князю Ярославу, но необходимое для спасения Родины от нового страшного истребления татарами. А на что благословил Митрополит Анастасий корпусников? — На братоубийственную борьбу в помощь новому Батю — Гитлеру, в его нашествии на нашу землю, в ее захвате и порабощении. Да разве это “параллель” — а не прямая противоположность? Разве благословил Христос меч Петра, поднятый в Его защиту? И разве “огнем и мечем”, или “Крестовым походом” — а не проповедью учения любви и добросовестным выполнением гражданского долга, христианство в древности победило язычество?

Вот как описывает в том-же журнале (№ 15, стр. 7, от 14-VIII-1956) деятельность Митрополита Анастасия в Югославии и Германии, проф. Ф. Вербицкий:

“В Белграде и во всех местах своего пребывания, он напутствует своим благословением полки, идущие в бой с боготоржескою властью коммунистов — Русского Корпуса, Власовские, Казацки — и не оставляет их в тяжелое время послевоенных невзгод, объезжая лагеря, служившие местом заточения”...

Таким образом, сами же единомышленники о. Польского опровергают его попытку сделать черное белым и доказать, что Митрополит Анастасий не был сателлитом Гитлера.

И не только Митрополит Анастасий, но и вся Карловацкая организация, следуя за своим вождем, во время страшной борьбы нашей Родины с грозным врагом, была на стороне этого врага. В органе Карловацкого Синода, оккупированные немецкими войсками части Родины, постоянно именовались “освобожденными”! (“Церк. Жизнь”, 1942, № 8, стр. 120; № 10, стр. 168; № 12, стр. 180; 1943, № 4, стр. 51, и др.).

В своем ответе Патриарху Алексию, Митрополит Анастасий пишет: “Неверно заявление патриарха, будто руководители церковной жизни в эмиграции совершали публичные молитвы о победе Гитлера. Архиерейский Синод никогда не предписыв-

вал таких молитв и даже запрещал их (когда? — С. Т.), требуя, чтобы русские люди молились в это время только о спасении России”.

Но увы, как-раз орган этого Архиерейского Синода, в редакционной статье “Православная Церковь против коммунизма” (1942, № 1, стр. 9), возмущается поведением Кентерберийского архиепископа, служившего молебствия о победе большевиков, и заканчивает статью следующей тирадой:

“Итак, по всему земному шару, Русская Зарубежная Церковь с напряженным вниманием следит за ходом войны на Востоке, молитвенно подерживая самоотверженных бойцов против безбожников, и всегда готовая по мере своих сил и возможностей помогать этой борьбе...”

Значит, молитва “о спасении России” — но не о спасении ее от немецкого агрессора, а о спасении ее этим агрессором от ее народной власти... А каково должно быть это “спасение” — Митрополит Анастасий мог прекрасно знать из книг, Гитлера “Моя борьба” и Розенберга “Миф XX века”, ими были завалены книжные магазины Белграда.

Здесь-же, с одобрением печатались такие выдержки из воззваний Карловацких иерархов, как, например, из “краткого пламенного послания” Митрополита Западно-Европейских Русских церквей, Серафима (Лукьянова):

“Да будет благословен час и день, когда началась великая славная война с III Интернационалом. Да благословит Всевышний великого Вождя Германского Народа, поднявшего меч на врагов самого Бога” (“Церк. Жизнь”, 1942, № 1, стр. 10).

В Америке, бывший глава черносотенцев в России, архиепископ Карловацкой юрисдикции Виталий, заявил, что “долг каждого православного русского человека всеми силами бороться против антихристовой советской власти”, и обратился с письмом к Президенту Рузвельту, умоляя его “не оказывать помощи палачам русского народа”.

Невозможно понять, как при наличии стольких, докumentsально доказанных фактов (*littera scripta manet!*), о. Польский решается отрицать предательское по отношению к Родине сотруничество Митрополита Анастасия с Гитлером.

Единственным доказательством в пользу мнимой корректности Митрополита Анастасия, которое приводит о. Польский, это сфабрикованное в Америке карловчанами известие, будто бы Патриарх Сербский Гавриил в бытность свою в Лондоне заявил, что Митрополит Анастасий был всегда лоялен к сербам, несколько раз подвергался обыскам и совершенно не пользовался доверием немцев, причем делается ссылка на два американских-же периодических издания (“Русско-Американский Правосл. Церковный Вестник”, № 1, 1946; “Россия”, 8 ноября 1945 года).

Верно, что Митрополит Анастасий старался угодить “и нашим и вашим”, и не ссориться с сербами. Если у него и был обыск, то не для камуфлирования-ли его близости к немецкому

командованию? Патриарх Гавриил не мог быть достоверным свидетелем в пользу Митрополита Анастасия, так как он все время оккупации провел в заключении, частью в Югославии, частью в немецком лагере Дахау. Его уже нет в живых, и теперь ему можно приписывать какие угодно слова.

3) Мнимые доказательства каноничности Карловацкого ВЦУ

Из того факта, что в экземплярах № 9 “Журнала Московской Патриархии” за 1946 год, предназначенных для заграницы, были помещены две прекрасные статьи с обличением неправды Карловацкого раскола, а в экземплярах, разосланных в границах СССР, эти статьи были опущены, о. Польский делает странный вывод, что “российским читателям нельзя хотя-бы в форме полемики давать сведения о правде, за которую борется Архиерейский Синод” (стр. 124). Но, во-первых, обличение Карловацкой неправды и гораздо более подробное, не-раз делалось в других статьях; а во-вторых, в экземплярах, предназначенных для читателей в СССР, где Карловацким расколом не интересуются, не было нужды этим часто занимать их внимание, тогда как за границей, где карловчане развивают свою вредную деятельность, такое более частое обличение их, было нужно.

В статье “Верность” (стр. 125), апологет про-гитлеровской политики карловчан, о. Польский опять прибегает к своей риторике, десятки раз повторяя, что карловчане идут заодно “с преследуемыми в СССР иерархами”, которые, в действительности, всячески отрешиваются от главных виновников церковного неустройства, и в заключение опять повторяет, что Карловацкая группировка, столько раз осужденная Патриархом Тихоном, “продолжает тихоновский канонический путь”.

— И нам приходится повторить, что бумага все терпит...

В следующих двух главах, “Взаимоотношение с Восточными Патриархами” (стр. 126-127) и “Независимость Архиерейского Синода” (стр. 127-132), о. Польский пытается доказать, что Православные автокефальные Церкви признают каноничность Карловацкого Синода, но что в то-же время он “существует независимо от воли и согласия какой-либо Поместной Церкви”.

В первой главе упоминаются лишь Константинопольская и Сербская Церкви: но мы уже видели, что Константинопольская Церковь в 1920 г. вовсе не признала за русскими епископами-беженцами право на организацию Высшего Церковного Управления, а лишь предоставила им выполнение пастырских обязанностей в отношении православной русской эмиграции.

Далее так-же неточно и тенденциозно излагает он постановление Сербской Церкви от 31 августа 1921 г. Текст постановления, который дает о. Польский, несогласен ни с оригинальным сербским текстом, как он изложен в актах Сербского Собора (№ 31), несогласен ни с неточным переводом его в ор-

гане Карловацкого Синода “Церковные Ведомости” (1922 г., № 1, стр. 8). Ни там, ни здесь нет фразы: “во всем идти навстречу беженцам-иерархам, изъявлять готовность принять под свое покровительство Высшее Русское Церковное Управление” (стр. 126).

О том, что в отношении к Карловацкому Управлению, Сербская Церковь руководилась, принятым на веру, ложным утверждением этого самочинного Управления, будто оно существует с одобрения Русского и Константинопольского Патриархов, и столь-же ложными уверениями, будто последующие прещения против него объясняются давлением со стороны Советской власти, о. Польский умалчивает.

“Те-же знаки признания, любви и помощи Заграничной Русской Церкви, какие оказывала ей Церковь Сербская, н е - и з м е н н о проявляли Церкви Антиохийская и Болгарская”, — смело заявляет о. Польский.

На самом деле, и эти Церкви вовсе не признавали каноничности Карловацкого ВЦУ, а лишь по любви христианской сочувствовали положению православных русских беженцев и из вежливости отвечали на праздничные приветствия первоиерархов Карловацкого раскола, подражавших главам автокефальных Церквей, обменивающихся такими поздравлениями.

Что Антиохийская Церковь вовсе не признавала притязаний Карловацких раскольников на власть над всей русской заграничной Церковью, это видно, например, из послания ее Патриарха Григория Митрополиту Евлогию от 9-го апреля 1927 г. № 733, опубликованного в парижском журнале “Церковный Вестник” (1927, № 1, стр. 4). Карловацкое ВЦУ требовало тогда, чтобы ему подчинился Митрополит Евлогий. По этому поводу, Митрополит Евлогий запросил мнения Патриарха Григория и глав некоторых других автокефальных Церквей. В ответе Патриарха Григория, нет ни слова о праве Карловацкого ВЦУ подчинить себе Митрополита Евлогия, а лишь дается совет “положить конец возникшему губельному раздору”. А после избрания Патриарха Алексия, как Антиохийская, так и Болгарская Церкви совершенно отрицательно относятся к Карловацкому ВЦУ и не имеют с ним никакого общения.

И остальные автокефальные Церкви осудили тогда, в самых категорических выражениях, самочинное Карловацкое ВЦУ.

Так, Константинопольский Патриарх Василий III, в беседе с архиепископом Александром (Немоловским), сказал:

“Патриарх, своим указом, упразднил прежнее Церковное Управление. Вселенская патриархия н и к о г д а не признавала Карловацкого Синода. Если мы отвечали Митрополиту Антонию, то как русскомо архиерею, а отнюдь не как председателю Синода” (“Церковн. Вестник”, 1927, № 1). А в своем послании от 18/VI-1927 г. Патриарх Василий пишет:

“Самое существование этого самочинного сборища в роли административного органа, несогласно с канонами и о необходимости его закрытия, как и о прекращении его вредной дея-

тельности, уже несколько раз были изданы распоряжения и указы со стороны законной власти” (там же).

Александрийский Патриарх Мелетий, в своем послании Митрополиту Евлогию от 16/IV-1927 г. (№ 843), пишет:

“Мы уже... составили мнение о противоканоническом решении пребывающего в Карловцах самозванного “Синода” русских архиереев, и не имеем никакого сомнения о вредных последствиях от сего незаконного собрания” (“Церк. Вестник”, 1927, № 1, стр. 3).

Глава Элладской Церкви, Архиепископ Хризостом, известный своими учеными трудами, в своем послании Митрополиту Евлогию от 22/III-1927 г., так опровергает притязания карловчан:

“Всякий, имеющий хотя-бы элементарное знание церковных канонов, должен признать, что так называемый Карловацкий Синод не может иметь действительную юрисдикцию над русской православной Церковью за границей. По существу, невозможно признать отделяющуюся от России Церковь за границей и существующую даже в православных странах, где имеются местные Православные Церкви. Каноны не допускают, чтобы в одном городе было два самостоятельных епископа... В силу этого я не признал, присланного из Карловцев Митрополитом Киевским и Галицким Антонием, епископа Гермогена, в качестве епископа для Греции. Нам известно, что св. Патриарх Тихон не признавал юрисдикции Карловацких епископов над православными русскими за границей” (там-же, стр. 4-5).

“Карловацкий Синод”, — пишет 24/III 1927 г. Митрополит Елевферий, — “как административно-судебное учреждение, не имеет для себя канонической санкции от высшей церковной власти, посему... не может простираť свою власть ни на какую... заграничную самостоятельную епархию” (там-же, стр. 6).

Несколько страниц (128-132) о. Польский посвящает опровержению притязаний Константинопольской Патриархии на юрисдикцию над православной диаспорой во всем мире, повторяя аргументацию наших статей по этому вопросу. Что Константинопольский Патриарх не имеет такового права, это неоспоримо, но эта аргументация, развиваемая от имени Карловацкой группировки, которая сама антиканонически захватила значительную часть православной русской диаспоры, лишена убедительности и авторитетности, напоминая евангельские слова: “врачу, исцелися сам” (Лук. 4, 23).

В конце статьи (стр. 131-132), о. Польский заявляет, что “отношения Восточных Патриархов к современной Московской Патриархии есть отношения равенства”, и что “они не могут своим авторитетом заставлять какую-либо часть Русской Церкви подчиняться современной Московской Патриархии, как это имело место летом 1945 г. в Иерусалиме, в отношении к Русской Духовной Миссии”.

Повидимому, о. Польский не имеет понятия о православном учении о единстве Церкви и представляет автокефальные

Церкви, как какие то совершенно отделенные друг от друга организации. На самом деле, автокефальные Церкви суть части единой Вселенской Церкви и, как таковые, они обязаны подчиняться общему для всех них каноническому порядку, а по этому порядку (Апост. прав. 12, 13, 16, 32; I Всел. 5 и др.), имеющие общение с раскольниками другой Церкви, подлежат церковным наказаниям, “яко учителя бесчиния” (Апост. 16). И сам о. Польский, имея в виду Митрополита Евлогия и “владимирцев”, пишет: “Константинопольский Патриархат не мог... принять запрещенного другим иерархом, если он считал Московскую Патриархию законною” (стр. 146).

2. Карловацкое ВЦУ и Экзархаты

В последнем 10-ом отделе своей книги, о. Польский критикует каноническое положение заграничных русских церковных образований, не подчиняющихся Карловацкому ВЦУ, а именно: Константинопольского экзархата, Американской митрополии и экзархатов Московской Патриархии, а в “заключении” подводит итоги своей книге.

а) Константинопольский Экзархат

Под таким заглавием, о. Польский излагает свои критические суждения не только о части Русской Церкви в Западной Европе, неканонически подчинившейся Константинопольской Патриархии в 1931 г., но и о всей церковной политике Митрополита Евлогия в предшествующие годы. Нельзя не согласиться с обличением в непоследовательности, слабохарактерного и мало осведомленного в каноническом праве Митрополита Евлогия, в глубине души всегда признававшего правоту Московской Патриархии, но легко подвергавшегося давлению то консервативной, то либеральной политической оппозиционной группы русской эмиграции. Однако, никак нельзя согласиться с основным обвинением Митрополита Евлогия в том, что он отказался от подчинения Карловацкому ВЦУ. Винават Митрополит Евлогий был не в этом, а как раз именно в том, что он, получив от высшей канонической власти, признававшейся тогда и Карловацкими епископами, широкие полномочия на управление русскими церквами за границей, под давлением монархической группы, подчинился самозванному Карловацкому ВЦУ и продолжал находиться в зависимости от него даже и тогда, когда оно было закрыто Московской Патриархией.

О. Польский утверждает, что Митрополит Евлогий и должен был подчиняться Карловацкому ВЦУ на основании Указа Патриарха Тихона от 8/IV-1921 г., где говорится:

“Ввиду состоявшегося постановления ВЦУ Заграницей, считать православные русские церкви в Западной Европе находящимися временно, до возобновления правильных и беспрепятственных сношений означенных церквей с Петроградом, под управлением Преосвященного Волынского Евлогия...” (“Церк. Вед.”, 1922, № 2, стр. 2).

Но мы уже видели, что смысл Указа был совершенно другой. Если-бы Патриарх Тихон хотел признать Карловацкое ВЦУ, он-бы сделал это специальным актом. Между тем, как видно из послания Патриарха от 28/VI-1923 г., он считал, что Карловацкое ВЦУ существует на основании только разрешения Константинопольской и Сербской Церквей, на территории которых оно находилось, и что потому он не вправе решать вопрос о каноничности этого ВЦУ, как находящегося вне его компетенции. Но русские церкви в Западной Европе находились вне территории Сербской Церкви, и Патриарх Тихон, подтверждая назначение Митрополита Евлогия и ограничивая продолжительность этого назначения, тем самым указывал, что русские заграничные церкви и впредь должны находиться под юрисдикцией Русской Церкви, а не Карловацкого ВЦУ, действующего, как он думал, *jure delegationis* других Церквей. Назначение, совершенное компетентной властью, не нуждается ни в каком утверждении, и тем более не может быть ограничено другой властью; и если Патриарх Тихон счел нужным дать такое утверждение, и притом придать ему временный характер, то это доказывает, что, одобряя назначение по содержанию, он считал его неправильным по форме, вследствие некомпетентности издавшей его власти.

То-же доказывает и возведение архиепископа Евлогия в сан Митрополита Патриархом Тихоном и Священным Синодом 30/I-1922 г.

Возведение это было сделано по ходатайству не осужденного Патриархом Карловацкого ВЦУ, а иерархов Украинского Священного Собора 1919 г., и Указ об этом возведении был послан не Карловацкому ВЦУ — что было-бы нужно, если-бы Митрополит Евлогий подчинялся этому ВЦУ — а непосредственно с а м о м у Митрополиту Евлогию и мотивирован “высоким положением Митрополита Евлогия, как заведующего Западно-Европейскими русскими церквями” (“Церк. Вед.”, 1922, № 2, стр. 4). О какой-либо зависимости Митрополита Евлогия от Карловацкого ВЦУ здесь не говорится, а смыслом Указа такая зависимость исключается.

Указывает о Польский и на то, что епископский Собор является высшей инстанцией для епископов. Но, во-первых, из вышесказанного видно, что Митрополит Евлогий был подчинен непосредственно центральной власти Русской Церкви, а во-вторых, н е в с я к о е собрание епископов является правомочным Собором. Канонически-правомочным Собором является т о л ь к о такое собрание епископов, которое созывается первым епископом известной Церкви (Антиох. 9 и 19), каковой должен и присутствовать, в качестве председателя на Соборе (Ант. 16 и 19), тогда как 20 правило Антиохийского Собора гласит: “никому да не будет позволено составлять Собор самим по себе, без тех епископов, коим вверены митрополии”. Первым епископом Русской Церкви является Патриарх Московский и всея Руси, и потому только тот Собор русских епископов яв-

ляется полномочным Собором, который созывается Московским Патриархом, или с его разрешения. Между тем, Карловацкий Собор сначала созывался без разрешения Патриарха, а после Указа 5/V-1922 г. — и вопреки его ясно выраженной воле. Таковой Собор не был каноническим, “совершенным” (Ант. 16 и 17) Собором, а был лишь “самочинным сборищем”, т. е. по 1 правилу Василия Великого, “собранием, составляемым непокорными пресвитерами или епископами и ненаученным народом”. И не в том была ошибка Митрополита Евлогия, что он считал Карловацкий “Собор” равной стороной — в чем видит его вину, повторяя слова Митрополита Антония, о. Польский — а в том, что, будучи законной властью для русских зарубежных церквей, он не только не осудил Карловацкого самочинного сборища, но и сам участвовал в нем.

Справедливо обличая на стр. 146-147 и 150-155 неканоничность подчинения части Русской Церкви в Западной Европе Константинопольскому Патриарху, о. Польский не замечает, что его аргументация против “владимирцев”, доказывает неканоничность и карловчан. “Священные правила”, — пишет он — “допускают перемену юрисдикции только с согласия той церковной власти, к которой, до перехода в новую, принадлежал этот иерарх и его приходы” (стр. 146).

Но всякая перемена юрисдикции включает в себя два акта: — отказ от существующей в данное время юрисдикции, и подчинение юрисдикции новой. И о. Польский правильно объясняет мотив подчинения Митрополита Евлогия Константинопольскому Патриарху тем, что — отказавшись от подчинения Русской Церкви — евлогиане “лишились всякого собственного законного существования” и “были рады, что прикрылись чужою законностью” (стр. 147).

Но ведь, от подчинения Русской Церкви отказались и карловчане, и вся разница между ними и евлогианами состояла лишь в том, что евлогиане, сознавая неканоничность отрыва от Церкви-Матери, прикрыли свой раскол подчинением Константинополю, а карловчане остались в положении открытого раскола.

Давая на стр. 153-154 довольно удачную характеристику окружения Митрополита Евлогия, толкавшего его на ошибочные шаги, о. Польский упрекает это окружение в том, что оно не поняло всего величия Митрополита Антония и не пошло за ним. — “И какое им дело до того, кто такой в Церкви, напр. м. Антоний, этот великий богослов и церковный писатель, администратор, широчайшего ума и сердца человек и мудрец, воспитатель поколений, сам — школа монашеских обетов, нестяжания, целомудрия, послушания, поста и молитвы”.

Этот панегирик нисколько не помогает пониманию духовного облика — безусловно большого человека — М. Антония, и не дает ключа к выяснению той печальной роли в судьбах родной Церкви, которую взял на себя этот богато-одаренный человек, а на правильном пути к решению этой загадки стоит

статья М. Курдюмова (Каллаш) “Во власти искушения”, в Парижском журнале “Путь” (1928, № 13, стр. 93-105).

В перечне достоинств основателя и главы Карловацкого раскола, мы не находим одного, существенно-важного для церковного деятеля — смирения; и этот недостаток был причиной того, что Митрополит Антоний преувеличил свои силы, отодвинул на второй план свое прямое архипастырское призвание и отдался светской политике, разобраться в которой он был детски-беспомощен и, потому, легко попал в плен своего монархического окружения; а из истории со статьей Митрополита Антония “Не надо смущаться”, мы уже видели, как строго держит это окружение своих пленников... “Строго” держит окружение и Митрополита Анастасия. Будучи в США летом 1956 года, Митрополит Николай послал письмо Митрополиту Анастасию, но глава “окружения”, прот. Георгий Граббе — по имеющимся сведениям — не допустил, чтобы письмо было ему передано. Очевидно, Митрополит Анастасий может читать только то, что дозволит его окружение...

С недостатком смирения были связаны и два других недостатка Митрополита Антония — излишняя самоуверенность и несдержанность языка, иногда соблазнявшие его слушателей и читателей. Не получив основной подготовки в средней богословской школе, Митрополит Антоний, в своих богословских трудах, слишком полагался на самого себя, не проверяя свои мысли святоотеческим учением, и иногда уклонялся от учения Православной Церкви, что соблазняло и его сторонников. Однажды, в Карловцы специально приезжали члены Карловацкой организации — бывший профессор и инспектор Петроградской Духовной Академии, архиепископ Феофан (Быстров) и магистр Богословия, архиепископ Серафим (Соболев), — чтобы убедить Митрополита Антония отказаться от неправильных мыслей в его “Догмате искупления”⁴¹⁾. В своей прекрасной статье “Четыре Академии”, он писал: “Духовная Академия есть лучшая в России высшая школа и студенты Академии несравненно и развитее, и нравственнее, и религиознее всех прочих студентов в России”; а когда его, как бывшего ректора трех Духовных Академий, видный деятель Американской Епископальной Церкви П. Андерсон спросил, какого он мнения о Духовных Академиях, он стал говорить... только о пьянстве и распущенности студентов, что Андерсон и отметил в своей вдумчивой книге «L'Eglise et la Nation en URSS», Paris (p. 51), вышедшей и на английском языке.

б) Американская Митрополия

В главе “Американская автономия” (стр. 155-173), излагается история вопроса о каноническом положении Американской Митрополии, и доказывается ее долг подчиниться Карловацкой организации.

⁴¹⁾ См. также книгу Митрополита Елевферия «Об искуплении».

Нет нужды подробно говорить об этой печальной истории и заметим лишь, что о. Польский, желая показать, что Патриарх Тихон признавал Карловацкое ВЦУ, трактует как истинное, сообщение прот. Ф. Пашковского (впоследствии Митрополита Феофила), будто 3 мая 1922 г. Патриарх Тихон ответил американцу Колтону, просившему о назначении Митрополита Платона правящим Американской епархией, что он дает свою рекомендацию, которую Колтон должен сообщить “Собору беженцев-епископов за границей, которые управляют заграничными делами Церкви” (стр. 157).

Ложность этого сообщения карловацкие иерархи, конечно, понимали, но “утолающий хватается и за соломинку”, и эта выдумка нужна была карловчанам, чтобы, с одной стороны, подтвердить миф о признании Карловацкого ВЦУ Патриархом, а с другой, поставить Американскую епархию в зависимость от себя — что они и сделали, назначив 5/IX-1922 г. (уже после того, как их ВЦУ было упразднено Патриархом) Митрополита Платона временно-управляющим Американской епархией.

Невероятность этого сообщения видна из следующего:

1) Совершенно нелепо, чтобы глава автокефальной Церкви, Патриарх Тихон, назначивший Митрополита Платона 14/27-IV-1922 г. временно-управляющим Северо-Американской епархией, через несколько дней после этого обратился, через неправославного иностранца, с рекомендацией к подчиненному ему органу совершить акт, исполненный им самим.

2) Невероятность того, что Патриарх Тихон дал рекомендацию Карловацкому Собору, доказывает и хронология. Колтон был у Патриарха 3 мая 1922 г., а еще 10 апреля этого года, т. е. за 22 дня до этого, Патриарх Тихон написал предложение Священному Синоду и В. Ц. Совету, где говорилось:

“Я признаю Карловацкий Собор заграничного русского духовенства и мирян не имеющим канонического значения и предлагаю упразднить ВЦУ, и Св. Синоду иметь суждение об ответственности некоторых церковных лиц за границей” (“Церк. Вед.”, 1922, № 12, стр. 6).

Как же мог Патриарх Тихон посылать рекомендацию тому учреждению, упразднения которого он уже потребовал?

Тем не менее, этот миф выдает за чистую правду орган карловчан в Америке “Православная Русь” и делает отсюда вывод, что “Собор зарубежных епископов, в глазах Патриарха, был очевидно вполне компетентным для руководства заграничными делами Церкви” (1954, № 3, стр. 9).

Одновременно, о. Польский старается лишить значения Указ Патриарха Тихона от 16 января 1924 г. об увольнении Митрополита Платона от управления епархией и вызове его на суд в Москву, голословно утверждая, что Указ этот Патриарх издал “в силу некоторых своих компромиссов с большевиками”.

Относительно Митрополита Платона, о. Польский сообщает такой печальный факт, что в Одессе Митрополит Платон организовал “священный отряд” — до тысячи человек молодежи,

записавшейся в особый список, а как только большевики приблизились к Одессе, утром 24-го января 1920 года, укрылся на иностранном крейсере, а все включенные в список юноши были расстреляны (стр. 157).

Все это вполне верно, только почему-то о. Польский забывает упомянуть, что почти одновременно с Митрополитом Платоном, на другом пароходе, покинул Одессу и архиепископ Анастасий, проживавший там на подворье Андреевского Скита и принимавший также деятельное участие в агитации против большевиков.

Странное понятие имеет о. Польский о Вселенском Соборе. По православному догматическому и каноническому учению, Вселенский Собор есть непогрешимый орган Вселенской Церкви, и даже самый многочисленный Собор, каковыми были, например, монофизитские и иконоборческие Соборы, если он уклоняется от православного учения, уже не является Собором Вселенским: не признается таковым в общем сознании Церкви.

Иначе учит о. Польский: “Если Вселенским Собором является такой, который... выразил учение Церкви... не-православно, то он для нас не закон, и ему можно сопротивляться и с ним можно бороться” (стр. 156).

Однако, из последующих рассуждений о. Польского видно, что он собирается “сопротивляться и бороться” не со Вселенским Собором, а лишь с Кливлендским Собором 26-29 ноября 1946 года, сделавшим два неприятных для карловчан постановления: — о воссоединении с Московской Патриархией на условиях автономии и о “прекращении какого-либо административного подчинения Заграничному Синоду”.

Отрицание авторитета Вселенского Собора нужно о. Польскому для доказательства неавторитетности этих постановлений Кливлендского Собора. Если можно бороться с Вселенским Собором, рассуждает он, то “что можно сказать о Поместном Соборе и тем более о епархиальном собрании или соборе митрополичьего округа, например в Америке в 1946 г... Долг ложится на каждого православного христианина, не подчиняться такому собранию и бороться с ним” (стр. 156).

И вот, о. Польский борется против обоих постановлений Кливлендского Собора, борется против как их содержания, так и против полномочности издавшего их органа.

О. Польский указывает, прежде всего, на условный характер первого постановления о воссоединении с Патриархией — воссоединение обусловлено дарованием автономии, а в случае отказа в ней, — Митрополия будет самоуправляющейся. “Таким образом, епархия хочет существовать как будто-бы на тех-же условиях независимости, как и Архиерейский Собор и Синод за границей, ожидая нормальных отношений с Москвой хотя-бы для достижения своих особых целей” (?), — пишет о. Польский, — “но тогда, для этого не нужно было епископам Америки отказываться от Собора своих родных русских за-

границных, ныне 22-х собратьев и сходить с их нравственного и принципиального фундамента” (стр. 168).

Но, во-первых, Американская Митрополия хочет не отделения от Матери-Церкви, а возобновления единства с ней, и на обособленное существование смотрит как на временное — до урегулирования вопроса об автономии; а во-вторых, “нравственный и принципиальный фундамент” Митрополии совсем не тот, что Карловацкой организации. Тогда как Карловацкая организация только себя считает подлинной Русской Церковью и, подобно константинопольским мегаломанам, заявляет папистическую претензию на подчинение ей русских церковных образований во всем мире, Американская Митрополия считает Московскую Патриархию истинной Православной Церковью и носительницей высшей церковной власти, единственно полномочной дать каноническую автономию.

В доказательство права Карловацкой группировки на подчинение себе всех заграничных русских церковных образований, в том числе и Американской Митрополии, о. Польский ссылается на указ Московского ВЦУ 1920 года, который, будто-бы, “обязывал, при разобщении с центром, войти в сношение с епископами других (о. Польский умалчивает, что в указе сказано: “соседних”) епархий и образовать высшую инстанцию церковной власти на соборных началах” (стр. 170).

На самом деле, как мы уже видели, в этом Указе нет и тени мысли об организации какого-то заграничного дубликата Русской Церкви, простирающего свою власть на весь мир вне СССР. Наоборот, здесь совершенно ясно говорится, что на основании Указа могут быть основаны лишь местные церковные организации. По Указу, старейший по сану епархиальный архиерей, для образования Временного Высшего Церковного Правительства, “входит в сношение с архиереями соседних епархий, находящихся в одинаковых условиях” (ст. 2, ср. 4), епархии делятся на “группы” (ст. 2), но и такое устройство вовсе не считается обязательным, а разрешается и образование митрополичьих округов и других церковных объединений (ст. 2: “или иначе”).

Но разве можно считать соседними — епархии, например, в Европе и в Австралии, а находящимися в одинаковых условиях: — епархии, находящиеся на территории Православных Церквей (например, в Югославии, в Болгарии), и на территории с неправославным или нехристианским населением?

Автентичное, а потому и единственно обязательное толкование всякого правового акта, может дать только издавшая его власть; постановление 1920 года о децентрализации издала Московская Патриархия, и только она одна может дать обязательное толкование этого постановления. И таким толкованием являются все распоряжения этой Патриархии относительно русских церковных организаций за границей. Но среди таких распоряжений нет ни одного, которое-бы рассматривало

эти организации как одно целое, подчиненное единой заграничной церковной власти, а все они касаются какой-либо одной определенной местности, например, Западной Европы, Америки, Китая, Японии и т. д. Если-же постановлением 1920 года нельзя доказывать обязательность подчинения Американской Митрополии какой-либо, даже православной заграничной церковной власти, то уже тем более нельзя этим постановлением доказывать обязательность ее подчинения раскольничьей Карловацкой группировке, ибо, подчинившись ей, Американская Церковь и сама сделалась-бы раскольничьей.

На стр. 171-173 заявляется, что и самый Кливлендский Собор есть Собор “неканонический, неправославный”.

Но, в таком случае, зачем-же Карловацкие архиереи принимали участие на этом Соборе и, присутствуя на нем, не сделали заявления об его неканоничности и неправославии, а только после того, как Собор принял негодное для них постановление, совещание четырех Карловацких епископов 27 и 28 мая 1947 г., т. е. спустя полгода, сделало постановление, но не о неканоничности и неправославии самого Собора, а лишь о неканоничности соборного постановления о воссоединении с Московской Патриархией и о прекращении подчинения Карловацкому Синоду (“Православная Русь”, 1955, № 1, стр. 10-11)?

Таким образом, о. Польский хочет быть, по французской поговорке, “большим монархистом, чем сам монарх”...

Неканоничность и неправославие Собора о. Польский видит в том, что Собор, большинством голосов, отменил постановление Епископского Совещания, по которому, “по силе слова Божия и Святых канонов, все решения общего собрания Собора подлежат утверждению Совещания Епископов и приемлют силу по подписанию их последними”, — почему постановления относительно воссоединения с Патриархией и разрыва с Карловацким Синодом, не поступали на одобрение Епископского Совещания.

И вот о. Польский возмущается таким постановлением Собора. “Власть в Церкви принадлежит епископам, преемникам св. апостолов, ответственным пред Богом и Церковью”, — пишет он. — “Широкое сотрудничество клира и мирян очень важно, но с уважением авторитета и компетенции, руководства и решающей власти Собора Епископов” (стр. 171).

Но, прежде всего, в отличие от Епископских Совещаний в Москве в 1917-1918 г.г., заседавших под председательством главы Русской Церкви — Патриарха и потому, канонически имевших авторитет Собора, — Епископское Совещание в Кливленде не было Собором в каноническом смысле, так как оно не возглавлялось Патриархом Русской Церкви, а было лишь совещанием епископов ч а с т и Русской Церкви, не получившей от нее ни автокефалии, ни автономии и, потому, постановления этого Совещания могли бы получить обязательную силу только после утверждения их центральной властью Русской Церкви.

А затем, справедливо, что высшая власть в Церкви принадлежит епископам, но власть эта ограничена догматическим учением Церкви и канонами, и несогласные с догматическим и каноническим учением Церкви постановления епископских Соборов, каковых история Церкви знает не мало — недействительны, и ни миряне, ни клир, следовать таким постановлениям не должны.

Таковыми антиканоническими постановлениями и были прежние постановления Американских епископов, то о самочинной автокефалии Американской Митрополии, то о подчинении ее раскольничьей Карловацкой организации, постановления, отвлекавшие мирян от их Матери — Русской Церкви и вовлекавшие их в безблагодатный раскол. И вот, измученные почти полувековой церковной неурядицей, производимой их нечестными и своекорыстными епископами, клирики и миряне подняли свой голос на собрании в защиту воссоединения с Матерью-Церковью и прекращения подчинения раскольничьей Карловацкой организации, и громадным большинством потребовали осуществления своего, данного им канонами, права: самим решать о подчинении той или другой церковной юрисдикции, разумеется в границах той-же автокефальной Православной Церкви. “Н а р о д у”, — гласит 112 правило Карфагенского Собора, — “имевшему епископа, и по смерти его не восхотевшему и мети своего епископа, но желающему по приличию (ἀνήκει — как подобает) присоединиться к епархии иного которого епископа, не должно в сем отказывати”.

“Аще же предел будет равно близок к обоим престолом”, — гласит 132 правило того же Собора, — “то да поступит тому, кого н а р о д изберет... избрание большим числом да будет предпочтено избранию меньшим числом народа”.

А в Америке идет вопрос лишь о сохранении мирянами церковной зависимости от Матери-Церкви, от которой их, по своекорыстным расчетам, желают оторвать недобросовестные епископы.

Принятое громадным большинством (187 голосов против 61), постановление это было о б я з а т е л ь н ы м и потому, что во время Собора оно не было опротестовано ни его председателем Митрополитом Феофилом, ни большинством епископов, чем возмущается о. Польский (стр. 172).

“Решительно отвергая подчинение Московской Патриархии, как лишаящей американские епархии церковной свободы, и отклоняя поспешное объявление самостоятельности, как искажающее ее правовую сущность, надо стать под водительство Русского Архиерейского Собора за границей”, — взывает, в заключение этой главы о. Польский, другими словами, советует Американской Митрополии, подчинившись самозванной Карловацкой группировке, потерять и свободу, и надежду на восстановление своего канонического положения.

в) Московские Экзархаты

В главе “Московский Экзархат” (стр. 173-184), о. Польский сначала говорит об учреждении экзархатов Московской Патриархии (173-176), а затем начинает “обличать” их (стр. 176-184). *Ex ungue leonem*, и из маленьких оговорок автора видно, каким духом дышит этот обличитель.

“В связи с военным нашествием красных в 1944-1945 г.г. на Балканы, в среднюю Европу и на Дальний Восток, русские заграничные епархии и приходы этих стран насильственно подпали под власть Московской Патриархии”, — начинает он эту главу.

Таким образом, для этого русского батюшки, победоносное наступление Русской Армии для освобождения поработанных Гитлером народов, является “нашествием красных”, а занятые немцами русские земли, как мы видели, карловчане в своих журналах обычно называли “освобожденными” (см., например, “Церк. Жизнь”, 1942, № 8, стр. 51-52; № 8, стр. 120; № 10, стр. 158; № 12, стр. 180 и др.).

Говоря о послании, подчинявшегося Карловацкой юрисдикции, Митрополита Серафима (Лукиянова), “за немецкую победу над большевицкой властью” (стр. 175), обличитель забывает прибавить, что выдержка из этого “краткого пламенного послания” была напечатана в редакционной статье официального органа Карловацкого Синода “Церковная Жизнь” (1942 г., № 1, стр. 10), где заявлялось, что Зарубежная Церковь с напряженным вниманием следит за ходом войны на Востоке, молитвенно поддерживая самоотверженных борцов против безбожников (т. е. Русской Армии — С. Т.) и всегда готовая, по мере сил своих и возможностей, помогать в этой борьбе”.

Сохранивших и восстановивших общение с Матерью-Церковью, заграничных русских иерархов, о. Польский обличает в “лжесвидетельстве”, в “оправдании зла”, в том, что они не участвуют в “соисповедании” со страдальцами Церкви, что хотят получить свободу Церкви ценой измены истине, отказавшись от “религиозной борьбы с большевизмом” и, наконец, в том, что они предпочли формальную каноничность, — подлинной. В сущности, все эти обвинения сводятся к одному: — к тому, что признавшие юрисдикцию экзархатов Московской Патриархии, признают правильным выполнение ею апостольского завета о повиновении государственной власти не за страх, а за совесть...

О. Польский, прежде всего изумляется, почему эти, как он их называет — “особые люди эмиграции” — не служат “панихид по жертвам революции”, не молятся “о прекращении гонений”, не принимают участия “в протестах против преследования религии в России” (стр. 176).

— Но чин православного богослужения не знает никаких “жертв революции” и зачем выдумывать демонстративную молитву о прекращении гонений, когда есть молитва, ежедневно

возносимая в храмах, “о благо-стоянии святых Божиих Церквей и соединении всех”, вместе с прошениями об избавлении “от всякия скорби, гнева и нужды”?

Преращение молитвы в политическую демонстрацию глубоко оскорбляет религиозное чувство, а участие в протестах против преследования религии в России, главных виновников этого преследования (но не религии, — а их единомышленников, т. е. карловчан), — ничего, кроме вреда Русской Церкви и русскому народу, принести не может.

Митрополита Серафима (Лукьянова) о. Польский обличает в том, что он считает Патриарха Тихона страдальцем от обновленцев, а не от большевиков.

— Но разве можно отрицать тот факт, что меры Советской власти против Патриарха Тихона были приняты под влиянием обновленцев, сумевших внушить ей, что яко-бы враждебное власти возглавление Православной Церкви следует заменить послушной ей, обновленческой организацией? Нужно только добавить, что Патриарх Тихон страдал не только от обновленцев, но и от карловчан, без всякого права предпринимавших враждебные шаги против Советской власти от имени Патриарха, и тем вызвавших меры против него. Мы уже видели, что эти мнимые “защитники” Патриарха мечтали об его казни, каковая по их плану, должна была вызвать иностранную интервенцию. Не без причины, сам благодостный Первосвятитель Русской Церкви, такими суровыми словами обличает в посланиях своих карловацких “защитников”...

О. Польский уловил в противоречии “московского делегата”, архиепископа Фотия, с каким-то анонимным “парижским делегатом”. Первый выразился, что Патриарх Сергей “не захотел Крест Христов унести в катакомбы”, а второй утверждал, что “никакой подпольной или, как говорят в эмиграции, катакомбной Церкви, в России нет”. Но архиепископ Фотий вовсе не решал вопроса о существовании катакомбной Церкви, а употребляя обычную эмигрантскую терминологию, выразил ту мысль, что Патриарх Сергей остался верен завету Основателя Церкви: “Что говорю вам в темноте, говорите при свете, и что на ухо слышите, проповедуйте на кровлях” (Матф. 10, 27), каковой завет, в принципе, и сключает карловацкую идеологию “катакомбной Церкви”.

О. Польский иронически отзывается о сообщениях посетивших СССР лиц, приезжающих “восторженными от неслыханных свобод и невиданного расцвета церковной жизни, с которыми кажется и старому режиму не сравняться” (стр. 177).

— О каких свободах Церкви, при старом режиме, можно говорить, когда именно при старом режиме патриаршество было уничтожено, Церковь превращена в один из государственных департаментов и не только назначение иерархов, но даже канонизация святых, производились императорскими указами?

По справедливому суждению последнего обер-прокурора Св. Синода и первого “министра исповеданий”, — “монарх по-

глотил, по немецкому и еретическому праву, соборную свободу Церкви” (А. В. Карташев, “Воссоздание Св. Руси”, Париж, 1956, стр. 45).

“Петр”, — пишет он, — “отнял у Церкви ее власть соборного самозаконодательства и самоуправления, и взял ее себе “как христианский государь” (по его выражению) и члены Синода, как не церковного, а уже государственного учреждения, должны были присягать императору, как своему “Верховному Судии”, как единственному источнику власти на территории России, с упразднением подобного-же духовного, независимого источника церковной власти в лице епископов. Синод был не церковным, а государственным учреждением, одним из министерств, которое законодательствовало и управляло по указу Его Императорского Величества. Этим упразднена каноническая свобода Церкви. Уничтоженные при царском режиме, патриаршество и канонический строй Церкви, были восстановлены при большевицкой власти” (стр. 104-107).

Что касается “расцвета церковной жизни в царское время”, то довольно вспомнить строгий, но справедливый приговор нашего великого писателя и искреннего христианина, Ф. М. Достоевского: “Русская Церковь в параличе”.

“К свободе призваны вы братья”, — пишет Галатам ап. Павел (5, 13); “По свободному произволению каждый восприимлет подвиг христианства”, гласит 122 канон Карфагенского Собора, — и вмешательство принудительной государственной власти во все сферы церковной жизни, парализовало эту жизнь. Между тем, Советская Конституция, отделяя Церковь от Государства, лишает всякого оправдания какое-бы то ни-было вмешательство государственной власти во внутреннюю жизнь Церкви, давая право церковным людям смотреть на случаи такого вмешательства, как на з л о у п о т р е б л е н и я властью, которые могут иметь только в р е м е н н ы й, скоропреходящий характер. И вульгарные выкрики о Польского, вроде: “требуют хвалить плетку и целовать руки бьющего”, “дают то шлепок, то подачку” — указывают лишь на отсутствие серьезной аргументации у распустившегося автора.

О. Польский говорит, что выступление Митрополита Сергия, отрицавшего, например, гонение на Церковь, служило мучительной загадкой для его сторонников. — Да, пока они не знали, что Митрополит Сергей, сделав такое заявление иностранным с о г л я д а т я м, сейчас-же стал писать протест своей Советской власти против стеснений, испытываемых церковными организациями. И заявление Митрополита Сергия этим соглядатаям не было ложью и лицемерием, как утверждает о. Польский; Советская власть боролась не с Церковью, как с таковой, а с принадлежавшими к Церкви лицами, которые, если и не все разделяли мнение Митрополита Антония, что большевиков нужно уничтожать “как бешеных собак”, и желание Митрополита Анастасия, “очистить” русский народ атом-

ными бомбами, то все-же очень часто, забывали апостольский завет о повиновении власти не по страху, а по совести.

Под заглавием “Соисповедание”, о. Польским противопоставляется геройство Карловацкой группировки, которая принадлежит к страдающей Церкви в СССР, сострадавая ее страданиям, — заграничным последователям Московского Патриарха, которые этого не делали, хотя “казалось-бы так легко исповедовать евангельскую правду за границей, на свободе, всячески утверждаясь и утверждая в долге исповедничества” (стр. 180).

Действительно легко, слишком легко вызывать на Родине жар репрессий против сторонников интервенции и загребать его чужими руками, а самим оставаться в стороне “заграницей, на свободе” в позе “со-исповедников”, стараясь подогреть этот жар...

Под заголовком “Содействие”, о. Польский признает законность желания сторонников Патриархии добиться для Русской Церкви наибольшей свободы, но указывает, что нельзя покупать свободу Церкви, как и свою, изменой истине или компромиссом с ложью; и тут-же, в целях защиты позиции карловчан, сам изменяет истине, утверждая, что Патриарх Тихон “к у п и л себе свободу компромиссом... но в своем поступке разочаровался”, хотя на самом деле, как мы видели, никакого компромисса с истиной Патриарх Тихон не допускал, а убедившись, что он, следуя советам своего близкого карловчанам окружения, ошибся, — имел мужество открыто в этом сознаться.

И во всех дальнейших заявлениях Патриарха, вплоть до его Завещания, нет и тени разочарования в этом поступке, а наоборот, повторяется и даже обостряется осуждение карловчан.

Далее, на стр. 181 о. Польский утверждает, что Советская власть сделала только “временные послабления, демонстрацию свободы по практическим и тактическим соображениям” и что “нельзя участвовать в Советском обмане. Надо бороться... за признание религии необходимым учреждением для всего государства и за ту свободу, которую она имеет во всех странах”.

Но, во-первых, с того времени, как написаны эти строки, прошло уже 12 лет, а Советская власть не только не принимает мер, чтобы “покончить со всякой религией”, — как запугивает о. Польский, — а наоборот, положение религиозных организаций в СССР продолжает улучшаться; а во-вторых, Государство, как таковое, не может признать религию необходимым учреждением для в с е г о Государства, т. е. о б я з а т ь всех граждан принадлежать к какой-либо религии, так как это значит лишить всех граждан свободы совести, признанной Советской Конституцией.

Под заглавием “Политика” (стр. 181, 182), о. Польский хочет оправдать своих единомышленников в политиканстве, утверждая, что “в религиозном антибольшевизме нет никакой политики, а есть самозащита, борьба за веру и Христа, против

неверия, воинствующего безбожия... Мы с социалистической и политической системой большевизма не боремся, но коль скоро социализм провозглашается богом, заменяющим Бога истинного, мы против такого обожествления”, — заявляет он.

Где и когда социализм провозглашался Богом, о. Польский не говорит, не говорит он и того, кто это “мы”; но, во всяком случае, вожди карловчан не скрывали своих монархических убеждений, открыто заявляли и теперь заявляют⁴²⁾ о них в печати, и никогда от них не отказывались.

“Борющиеся во имя социализма с христианством и религией суть наши враги”, заявляет о. Польский.

— Не враги, а заблуждающиеся, больные духовно и, потому, нуждающиеся в духовных врачах и а ш и б л и ж н и е. Если-бы первые христиане смотрели на борющихся против христианства язычников, как на своих врагов, христианство и к о г д а не победило-бы язычества...

“Отказываться от религиозной борьбы с большевизмом, это изменить своему христианскому долгу”, пишет о. Польский.

— Ну, а обращение к Генуэзской Конференции, с просьбой дать оружие и солдат для изгнания большевиков, а совет Митрополита Антония избивать их как бешеных собак, а мечта Митрополита Анастасия об “очищении” России атомными бомбами, в его “Пасхальном послании” 1948 г., а прямые и косвенные призывы к “крестовому походу” против СССР, в органе карловчан “Православная Русь”: — это тоже “религиозная борьба”? ⁴³⁾.

Под заглавием “Каноничность” ((стр. 182-184), о. Польский обрушивается на православных русских за границей, признающих власть Московской Патриархии, как сохранившей апостольское преемство. “Какой-то легкий формальный взгляд на достаточность для власти епископа одного преемственного рукоположения, хотя-бы за этим следовала узурпация обще-епископской власти и другие преступления, беззакония и неправды, которые лишают епископа прав на власть, характеризуют это направление”, пишет он (стр. 182).

Итак, признание церковного догмата об апостольском преемстве, для о. Польского является “легким формальным взглядом”, вследствие игнорирования какой-то “узурпации обще-епископской власти” и других (а каких именно? — С. П.) преступлений, беззаконий и неправды.

Автору этого голословного обвинения следовало-бы вспомнить строгий 13-й канон Двукратного Собора:

“Вселукавый... покушается безумием раскольников рассекати тело Христово, но и сей завет совершенно воспящая, Свя-

⁴²⁾ См., напр., «Правосл. Русь», 1958 г., № 15, стр. 6-7; № 16, стр. 4-6; стр. 13: «Нельзя быть православным и не быть монархистом» — слова епископа Виталия; и др.

⁴³⁾ См. также «Правосл. Русь», 1958 г., № 21, стр. 3: «Крест и меч — вот единственные оружия, которые страшны в своем сочетании большевикам».

тый Собор определил ныне, еще который пресвитер или диакон по некоторым обвинениям, зазрев своего епископа, прежде соборного исследования и рассмотрения и совершенного осуждения его, дерзнет отступить от общения с ним... таковой да подвергнется извержению и да лишится всякия священнической чести”...

Какой-же Собор изрек “совершенное осуждение” на епископат Русской Церкви?

С таким-же легкомыслием относится о. Польский и к другому, обличающему раскольничий характер Карловацкой организации факту, — признанию Московской Патриархии “главами других (надо-бы написать в с е х) Православных Церквей”. — “Они (состав Московских экзархатов) не задают себе вопроса, почему обновленческое Управление не сделалось каноническим от признания Восточных Патриархов”.

Но, во-первых, далеко не все автокефальные Церкви признавали обновленцев, а лишь немногие и то кратковременно, большинство-же Православных Церквей смотрело на них, как на раскольников; а во-вторых, и это кратковременное признание со стороны некоторых восточных иерархов, было вызвано обманом их обновленцами, искусно использовавшими трудности сообщения с СССР в то время, так-что признание обновленцев со стороны немногих Патриархов было “грехом неведения” фактического положения дела; а юридическая аксиома гласит: *ignorantia facti non nocet*. Между тем, в последние годы, когда главы почти всех Православных Церквей лично побывали в СССР и имели возможность непосредственно ознакомиться с положением там Церкви, никто из них обновленцев не признает, а все автокефальные Церкви не только признают Московскую Патриархию, но и находятся в литургическом общении с ней.

Утверждая, на стр. 181-182, что Карловацкая организация ведет только религиозную, а не политическую борьбу, о. Польский на стр. 183 все-же, в защиту этой организации, ссылается на постановление Всероссийского Собора от 15 августа 1918 г., что никто из членов Православной Церкви не может быть привлечен к церковному суду и подвергнут наказанию за политические настроения, и говорит, что, хотя “и Московская Патриархия не подлежит суду за свои политические симпатии, но она сама нарушила этот закон и обрушилась со своими прещениями на заграничную Церковь, и подлежит наказанию за это нарушение”.

Но Московская Патриархия обрушилась со своими прещениями вовсе не за политические симпатии карловчан, а за то, что они по приказу монархической заграничной организации, стали употреблять Церковь как орудие для достижения чисто-политической цели — ниспровержения Советской власти.

“С глубокою скорбью, мы должны отметить”, — писал Патриарх Тихон в своем Завещании, — “что некоторые из сы-

нов России, и даже архипастыри и пастыри, по разным причинам покинули Родину, занялись заграничной деятельностью к коей они не призваны и, во всяком случае, вредной для нашей Церкви. Пользуясь нашим именем, нашим церковным авторитетом, они создают там вредную контр-революционную деятельность. Мы решительно заявляем: у нас нет с ними связи, они чужды нам, мы осуждаем их вредную деятельность. Они вольны в своих убеждениях, но они в самочинном порядке и вопреки канонам нашей Церкви, действуют от нашего имени и от имени Святой Церкви, прикрываясь заботами об ее благе”.

Стремление Московской Патриархии выполнить апостольский завет о повиновении власти не за страх, а за совесть, и убедить ее, что Церковь не имеет ничего общего с заграничными ее противниками, о. Польский считает “подобострастием” (стр. 184). — Ну, а комплименты, расточавшиеся Митрополитом Анастасием и другими карловацкими иерархами атеисту Гитлеру, как “христолюбивому вождю”, конечно, отвечали достоинству и “вождя”, и самих карловацких иерархов...

З а к л ю ч е н и е

В довольно обширном (стр. 185-194) “Заключении”, повторяются доказательства Карловацкой организации о неканоничности Американской Митрополии и Русского Константинопольского Экзархата (стр. 185-187).

“Часть Церкви, потерявшая связь со своей центральной церковной властью, при наличии епископов, организует соборное управление для себя”, — пишет он.

Но, при современных средствах сообщения, невозможно представить, чтобы какая-либо часть Церкви на продолжительное время находилась в положении Робинзона Крузо и была абсолютно изолирована от центральной власти. Но, даже если-бы такая изоляция теоретически и была возможна, это совершенно не решало-бы конкретного вопроса о каноничности Карловацкой группировки. Дело не в том, возможна-ли такая изоляция в теории, а в том, как обстояло дело фактически: были-ли заграничные епископы совершенно изолированы от Московской Патриархии и потому не могли знать ее волю, или они не только могли, но и действительно знали? И они, конечно, знали эту волю, так как получили ряд официальных актов об устройстве заграничной части Русской Церкви, о подчинении русских приходов Архиепископу Евлогию, о возведении его в сан митрополита, получили постановление 1920 года “о церковном управлении на местах”, Указ о закрытии Карловацкого ВЦУ и т. д.

И если Карловацкая организация не подчинилась этим распоряжениям центральной церковной власти, которую она тогда признавала и даже действовала от ее имени, то значит, она не “потеряла связь со своей церковной властью”, а са-

мочинно порвала эту связь и стала не “частью Русской Церкви”, а раскольничьей общиной.

“Подчинение-же настоящему, поработанному большевикам, высшему церковному управлению в России... должно быть отвергнуто церковью эмиграции, возникшей через борьбу за свободу... Избежавши поработания большевикам, гонителям Церкви, она не может снова поработаться им, хотя-бы через Московскую Патриархию. Не для того уходили в эмиграцию”, — пишет о. Польский (стр. 185-186). Но, во-первых, заграничные части Русской Церкви существовали и до Советской власти в России и, потому, их никак нельзя назвать “Церковью эмиграции”; а во-вторых, Православная Церковь нигде не “возникает через борьбу за свободу” путем какого-то самозарождения, а, основанная Господом, везде лишь продолжает свое существование, путем апостольского преемства ее епископата. А в-третьих, не для того существует Церковь как в России, так и вне ее, чтобы бороться с каким-бы то ни было политическим режимом, а единственно для вечного спасения своих членов и распространения истины Христова учения во всем мире.

Никакая раскольничья группировка раскольничьей себя не признает, а выдает себя за истинную Церковь. Это делает и Карловацкая организация, доказывая, что она-то и есть истинная Русская Православная Церковь, так как она отвергла “попытки Московской Патриархии какими-либо угрозами исключить заграничных иерархов и духовенство из состава Русской Православной Церкви” (стр. 186).

Но не Московская только Патриархия исключила карловчан из состава Русской Церкви, а вся Вселенская Православная Церковь исключила их своим, обязательным для всех православных, каноническим кодексом, который организацию, держащую отступать от общения со своим Патриархом и не возносящую имя его... в божественном таинодействии”, называет **расколом** (Двукратный Собор, прав. 15).

Московскую Патриархию о. Польский называет “основанной вновь м. Сергием”.

Спрашивается, когда-же прекратила свое существование Русская Патриархия, восстановленная Всероссийским Собором 1917-1918 г.г., и каким образом Митрополит Сергий, состоя Первоиерархом этой Патриархии, мог снова основать Патриархию?

Желая указать на великие заслуги “Архиерейского Собора”, о. Польский говорит, что этот Собор отверг вмешательство в дела Русской Церкви и притязания на ее заграничное достоинство других Патриархов, осудил новый стиль, обновленческий раскол в России... (стр. 186).

Но ведь, все эти постановления Карловацкого Собора, нерешавшегося тогда порвать с Московской Патриархией, были не более, как мало-авторитетными отголосками постановлений

самой Московской Патриархии и не имели никаких практических последствий.

Ну, а далее, о. Польский восхваляет Карловацкий Собор уже за его постановления раскольничьего характера: — протесты против, будто-бы, незаконных выступлений (каких?) Сергиевской Патриархии, незаконного способа избрания Патриархов в России, борьбу за сохранение верности заграничной части Русской Церкви — своей Матери Русской Церкви (“верности”, выражающейся в расколе от нее) и за собственное единство всех частей Зарубежной Церкви (т.е. за отпадение в раскол всех заграничных частей Русской Церкви), против “притязаний единоличных прав” (каким образом права могут иметь притязания?) на обще-епископскую власть...

Нужно заметить, что каноны не определяют порядка избрания первого епископа автокефальной Церкви и единственное каноническое требование, от соблюдения которого зависит законность такого избрания — это чтобы оно выражало волю большинства епископата данной Церкви, что было соблюдено при избрании и Патриарха Сергия, и Патриарха Алексия.

На стр. 187, о. Польский пытается показать, что Карловацкая организация находится не в расколе, а в единении с Русской Церковью. “Духовный контакт Архиерейского Собора с Российской Церковью, минуя Московскую Патриархию” — пишет он, — “осуществлен вполне”.

Но, во-первых, единственным законным представительством Русской Церкви, признаваемым всеми автокефальными Церквами, является Московская Патриархия и, следовательно, организация, которая хочет быть частью Русской Церкви, “минуя Московскую Патриархию”, на самом деле есть образование раскольничье.

Во-вторых, по канонам, не какой-то неопределенный, выдуманный о. Польским “духовный контакт”, осуществляет церковное единство, а литургическое общение между частями Церкви, выражением которого, по канонам, должно служить возношение имени Первоиерарха данной Церкви (Двукр. Соб., прав. 15), в данном случае Патриарха Московского и всея Руси — чего нет в Карловацком расколе — и никакие “словеса лукавствия” тут не помогут.

О. Польский утверждает, что “Заграничный Собор морально связан с теми российскими епископатами, которые с 1943 года заменены официальными и легальными нынешнего состава” (стр. 187).

Но епископатом известной Церкви именуется состав всех епископов данной Церкви и непонятно, как может быть еще несколько Российских епископатов, помимо “официальных и легальных”?

На самом деле, как мы видели, весь епископат Русской Церкви находится в полном единомыслии со своим Патриархом, а не с заграничными раскольниками.

Как на последнюю опору Заграничного Синода, о. Поль-

ский указывает на “огромную многочисленную народную и церковную живую силу новой эмиграции перемещенных войною лиц, которые борьбой, страданием и кровью засвидетельствовали заграницей о тяжком египетском рабстве Русской Церкви и облегли доверием Архиерейский Синод” (стр. 187).

Но о. Польский умалчивает, откуда взялась эта “сила новой эмиграции”. А она состоит, большей частью, из насильственно уведенных с Родины немецкими нацистами, русских людей, отданных по распоряжению Гитлера под надзор послушного ему М. Анастасия, а частью из раздавленных пленом и разложившихся воинов (“власовцы”), нашедших в карловчанах близкую им по духу родную среду. Большая часть этой новой эмиграции, переселившись в Америку, и здесь оказалась под опекой карловчан.

Наконец, ищет о. Польский поддержки своей организации и в самой России.

“Официальная церковная власть в России не со своей Церковью, не со своим народом-страдальцем... Заграничная область (?) — единственный оплот, надежда, утешение и радость российских катакомб” (стр. 187).

На самом деле, “церковный народ страдалец” и знать не хочет своих непрошенных Карловацких защитников, главных виновников репрессий против церковных людей в СССР, вызванных “злоумными”, по выражению Патриарха Тихона, Карловацкими политиками.

В заключение своей полемики, о. Польский сам член осужденной канонической церковной властью группировки, грозит “судом без милости” — и “Сергиевской церковной власти” и тем, “кто пошел с нею на соглашение и стал оправдывать ее путь” (стр. 187).

В согласии с Московской Патриархией находится вся Православная Церковь, и значит, и ее ожидает Карловацкий “суд без милости”...

Переходя к критике других, отколовшихся от Патриархии, заграничных церковных образований, о. Польский продолжает защищать Карловацкую организацию и, при этом, невольно сам делает признание в ее неканоничности.

“Трудность его” (пути Архиерейского Собора и Синода), — пишет он на стр. 190, — “в том, что он есть путь веры в конечное торжество правды... Исповедывать себя неразрывной частью Русской Церкви, не подчиняясь ее неканонической современной церковной власти и ожидать восстановления свободной и нормальной жизни в ней, и тогда своего воссоединения с ней, это подлинно подвиг веры... Надо ждать в ы с ш и х с а н к ц и й на всю свою деятельность только по воссоединению с центральной властью (Указ 1920г.). Но это добрый путь и верный, ибо “все, что не по вере — грех” (Рим. 14, 23)”.

Но ведь, если Карловацкий Собор и Синод только о ж и д а ю т канонического церковного устройства и подтвержде-

ния его высшей санкцией, то значит, в настоящее время, такового устройства они **н е и м е ю т**.

Между тем, каноническое устройство присуще Церкви всегда, а не в неопределенном будущем и, следовательно, организация, не имеющая такового устройства в настоящее время, а только в е р я щ а я, что она его когда-то получит, не является частью истинной Церкви.

На стр. 192 о. Польский, как на доказательство каноничности Карловацкой организации, указывает на состав ее Собора: “Собор этот оказался единственно законным и истинным по форме управления, по составу (из епископов)”, пишет он. Но, во-первых, из одних епископов состояли и арианские, и монофизитские, и иконоборческие Соборы, а — с другой стороны — Всероссийский Собор 1917-1918 гг. состоял не из одних епископов, а также и из клириков и мирян. И некоторые Карловацкие Соборы, например, Соборы 1921 и 1938 гг., также состояли не только из епископов, но и из клириков и мирян. Что-же, значит, все эти Соборы не были “законными и истинными”?

А на следующей странице (193), забыв о том, что он писал ранее, о. Польский жирным шрифтом, декларирует:

“В данное время е д и н с т в е н н о й канонической церковной властью в Российской Православной Церкви, в ее целом, как для заграничной ее части, так и с 1927 года д л я с а м о й Р о с с и и, — является Заграничный Собор Архιεреев”.

Но, если Карловацкий Собор является единственной церковной властью и для самой России, то значит, никакой канонической церковной власти в самой России уже нет, а если так, зачем-же доказывать, что такая самодовлеющая организация, как Карловацкий Собор, состоит в духовном контакте с “российскими епископатами” (стр. 187)? Очевидно и сам о. Польский не доверяет каноничности Карловацкого ВЦУ, и ищет опоры в мифических “российских епископатах”...

А, с другой стороны, если Карловацкий Собор уже теперь является законной канонической властью для всей Русской Церкви, как в СССР, так и за границей, то что-же значат рассуждения на стр. 190, что Карловацкая группировка только о ж и д а е т воссоединения с Русской Церковью и от нее надеется получить санкцию на свою деятельность?

Американскую Митрополию о. Польский упрекает в том, что она “принципиально признала возможность духовного возглавления для себя Московской Патриархией”, а Константинопольский Экзархат — в том, что он “готов к братскому сотрудничеству с ней”, другими словами: в том, — что оба эти образования, признавая Московскую Патриархию истинной Церковью, не разделяют раскольничьей идеологии карловчан и не хотят участвовать в их тяжелом грехе х у л ы против своей М а т е р и - Ц е р к в и.

Но, если эти образования признают каноничность Московской Патриархии и, в то-же время, не подчиняются ее священ-

ноначально, то их можно упрекать лишь в непоследовательности. Между тем, о. Польский их главным преступлением считает неподчинение их Карловацкой организации, упрекая в “грехе против церковного единства” и даже в “сознательной и планомерной борьбе с общецерковным единством за границей” (стр. 189). Но, какое может быть единство между организациями, диаметрально расходящимися в решении основного вопроса о каноническом достоинстве Московской Патриархии? Тогда как и Американская Митрополия, и Константинопольский Экзархат, считают Московскую Патриархию истинной Православной Церковью, — Карловацкая организация считает ее “падшей” и “подлежащей суду без милости”.

Как последний аргумент в пользу подчинения Карловацкой организации этих двух других церковных образований, о. Польский выдвигает достоинства покойного и нынешнего, вождей и возглавителей ее, в особенности же высокое положение Митрополита Анастасия, как старейшего по епископской хиротонии русского иерарха и единственного, оставшегося в живых, члена Священного Синода, избранного Всероссийским Собором.

Но, как известно, *honores mutant mores*. И Иуда был одним из 12 апостолов, и первоиерарх Вселенской Церкви — римский папа, отпал от Нее...

“Нам нужны бодрость и мужество для всего, и даже, прежде всего, для смирения и покаяния”, — признается о. Польский на последней странице своей книги, и заканчивает ее словами пророка Исаии: “Тогда откроются глаза слепых, и уши глухих отверзутся” (Ис. 35, 5).

Действительно, как смирение, так и покаяние нужны, ох как нужны о. Карловацкому Протопресвитеру и, прежде всего, покаяние в тяжелом грехе соблазна “малых сих”, — глубоко верующих и горячо любящих Родину, но мало осведомленных православных русских людей, которых толкнула на грех раскола или укрепил в нем, его наполненная неправдой книга.

И дай Бог, чтобы этот наш труд помог тому, чтобы “открылись глаза слепых, и уши глухих отверзлись” и они, поняв эту неправду, вернулись к Матери-Церкви.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА О КАРЛОВАЦКОМ РАСКОЛЕ

а) ИСТОЧНИКИ

1. “Деяния Русского Всеаграничного Церковного Собора, состоявшегося 8—20 ноября 1921 г. (21 ноября—3 декабря) в Сремских Карловцах, в Королевстве С.Х.С.”. Сремски Карловци, 1922.
2. “Деяния Второго Всезарубежного Собора Русской Православной Церкви заграницей с участием представителей клира и мирян, состоявшегося в Сремских Карловцах 1/14—11/24 августа 1938 г., в Югославии”. Белград, 1939.
3. “К делу о “Всеаграничном Высшем Русском Церковном Управлении” (следствие над архиеп. Анастасием, Александром и др.), Документы”. Константинополь, 1924.
4. “Документы о назначении Митрополита Евлогия”. Издание Лондонского прихода.
5. **И. Стратонов.** “Документы Всероссийской Патриаршей Церкви последнего времени”. Журнал “Путь” № 9, Париж 1928 (и отдельной брошюрой).
6. Акты возникновения Карловацкого раскола печатались в их журналах:
 - а) “Церковные Ведомости”. (Ср. Карловци, 1922-1933).
 - б) “Церковная Жизнь”. (Нови Сад, 1934-1941, Белград, 1941-1944, Нью-Йорк, от 1950 — доньне).
 - в) “Церковная Летопись”. (Мюнхен, 1944-1950).
 - г) “Православная Русь”. (Владимирова на Карпатах 1928-1944, США, штат Нью-Йорк, Жорданвиль, с 1947 — доньне).
 - д) Газета “Россия” (Нью-Йорк, с 1942 г.).

б) ЛИТЕРАТУРА В ЗАЩИТУ КАРЛОВАЦКОГО РАСКОЛА

(в хронологическом порядке):

1. **А. Брянчанинов.** “Несколько мыслей по поводу Собора в в Карловцах”, Рим, 1921.
2. **Архиепископ Иннокентий.** “О Церкви”, Пекин, 1925.
3. **Марков Н. Е.** “Правда о церковной смуте”, Париж, 1926.
4. “Свидетельство Митрополита Евлогия”. Листовка. Париж, 1926.

5. **М. Зызыкин.** “Каноны и заветы”, София, 1926.
6. **Архиепископ Мефодий.** “По поводу церковных несогласий”, Харбин, 1926.
7. **Он-же.** “По поводу церковных нестроений”, Харбин, 1927.
8. **Князь М. Горчаков.** “Возбудители раскола”, Париж, 1927.
9. **Н. Д. Гальберг.** “Церковный раскол”, Париж, 1927.
10. **Граф Ю. П. Граббе.** “Корни церковной смуты”, Белград, 1927.
11. **Он-же.** “О парижских богословах”, Белград, 1927.
12. **И. П. Алексинский.** “К русским патриотам”, Париж, 1927.
13. **Граф Дм. Адамович-Олсуфьев.** “Мысли соборянина с нашей церковной смуте” (с предисловием Митроп. Антония), Париж, 1928.
14. **А. Амфитеатров.** “Церковь и эмиграция”, Белград, 1928.
15. **Л. А. Сенько-Поповский.** “Нападение на Гамбургскую церковь”, Париж, 1928.
16. **Архиепископ Серафим.** “Послание к клиру и пастве” от 12/ VII-1928.
17. “От Председателя Архиерейского Синода Митрополита Антония”, 1928.
18. **Кн. М. Горчаков.** “Итоги политики митрополитов Сергия и Евлогия”, Париж, 1929.
19. **Прот. М. Лебедев.** “Разруха Русской Православной Церкви в Америке”, Белград, 1929.
20. **Гр. Ю. П. Граббе.** “Единение и раздробление”, Белград, 1932.
21. **Михаил Священник.** “Положение Церкви в Советской России”, Иерусалим, 1931.
22. **Гр. Ю. П. Граббе.** “Церковь и государство в будущей России”, Белград, 1931.
23. **Серафим архиеп.** “Церковь и Советская власть”, Белград, 1933.
24. “Окружное послание русских заграничных архиереев и письмо Митрополита Антония Митрополиту Сергию”, 1933.
25. **Митрополит Антоний.** “Письмо Митрополиту Елевферию” от 20/VIII-1934, Ср. Карловци.
26. **К. Н. Николаев.** “Правовое положение Прав. Церкви народа Русского в рассеянии сущего”, Новый Сад, 1934.
27. **Архим. Виталий.** “Отчет о поездке в Америку 1934-1935 г.”, Владимирова.
28. **Архим. Василий (Павловский).** “Духовный вождь Русского народа”, Харбин, 1935.
29. **Архијеп. Анастасије.** “Шта је револуција”, Београд.
30. “Протокол совещания под председательством Патриарха Варнавы”, Нови Сад, 1935.
31. **П. С. Лопухин.** “Митрополит Антоний о государстве, Руси и России”, Белград, 1936.
32. **Он-же.** “Мысли Митрополита Антония”, Ср. Карловци, 1937.
33. **Прот. М. Польский.** “О духовном состоянии Русского народа под властью безбожников”, Белград, 1938.

34. **Епископ Иоанн Шанхайский.** “Духовное состояние Русской Эмиграции”, Белград, 1938.
35. **Архиепископ Серафим (Соболев).** “Русская идеология”, София, 1939.
36. **С. П.** “О Церкви в СССР (с предисл. проф. А. В. Карташева)”, Париж, 1947.
37. **Свящ. Кирилл Зайцев.** “Прав. Церковь в Советской России”, Шанхай, 1947.
38. **Проф. И. Андреев.** “Заметки о катакомбной Церкви в СССР”, 1947.
39. **Прот. М. Польский.** “Каноническое положение высшей церковной власти в СССР и Заграницей”, Типогр. в Св. Троицком монастыре, Jordanville, U.S.A., 1948.
40. **Он-же.** “Новые мученики российские”, Джорданвиль, 1949.
41. **Митрополит Анастасий.** “Рождественское послание”, Нью-Йорк, 1949.
42. **Проф. И. Андреев.** “О положении Православной Церкви в Советском Союзе. Катакомбная церковь в СССР”, Нью-Йорк, 1951.
43. **Протопресвитер М. Польский.** “Очерк положения Русского Экзархата Вселенской юрисдикции”, Нью-Йорк, 1952.
44. **Н. Ф. Сигида.** “Истинные пути нашей юрисдикции (Всел. Патриарха)”, (доклад), Париж, 1952.
45. **М. Родзянко.** “Правда о Зарубежной Церкви” (по документ. и личн. воспомин.), 1954.

в) ЛИТЕРАТУРА ПРОТИВ КАРЛОВАЦКОГО РАСКОЛА

(в хронологическом порядке):

1. **Т. А. Аметистов.** “Каноническое положение Русской Православной Церкви за-границей”, Париж, 1927.
2. “Будьте честны”. Ответ на листовку “Свидетельства Митр. Евлогия”, Париж, 1927.
3. “Марков в роли догматиста”, Париж, 1927.
4. **Петр Ив. Попов.** “Карловацкая смута”, Юрьев, 1927.
5. “Переписка Секретариата Русского Студ. Христианского Движения с Советом Белградского Братства”, Париж, 1927.
6. **Н. Бердяев.** “Церковная смута и свобода совести”, “Путь”, № 5, стр. 42-54, 1926.
7. **Г. Федотов.** “Зарубежная церковная смута”, “Путь”, № 7, стр. 119-120, 1927.
8. **Петр Иванов.** “Сокровенный смысл событий в Русской Церкви”, “Путь”, № 8, стр. 122-130, 1927.
9. “Сошел-ли Митрополит Сергей с Тихоновского церковного пути?”. “Вестник Русского Христианского Студенческого Движения” от 1 сент. 1928 года.
10. **Проф. И. Стратонов.** “Документы Всероссийской Патриаршей Церкви последнего времени”, “Путь”, № 9, стр. 61-74, 1928.
11. **М. Курдюмов (Каллаш).** “Подвиг Св. Сергия Радонежского и дело Митр. Сергия”, “Путь”, № 11, стр. 95-112, 1928.

12. **И. Стратонов.** "Исходный момент русской церковной смуты последнего времени", "Путь", № 12, стр. 76-100, 1928.
13. **М. Курдюмов.** "Во власти искушения", "Путь", № 13, стр. 93-105, 1928.
14. **И. Стратонов.** "Развитие церковной смуты после первого Карловацкого Собора", "Путь", № 14, стр. 80-90, 1928; № 15, стр. 112-124, 1929.
15. **Прот. И. Чепелев.** "Ответ Епископу Аполлинарию", Нью-Йорк, 1928.
16. **М. Курдюмов.** "Открытое письмо проф. И. П. Алексинскому", Париж, 1928.
17. **М. Курдюмов.** "Кому нужна церковная смута?", Париж, 1928.
18. **И. Стратонов.** "Кризис церковной смуты в России и дальнейший ее рост зарубежом", "Путь", № 17, стр. 62-80, 1929.
19. **С. Троицкий.** "Церковная смута и деволуционное право", "Возрождение", от 4 марта 1929 г., — и отдельным листком.
20. **М. Курдюмов.** "Православие и большевизм", "Путь", № 22, стр. 67-92, 1930.
21. **Он же.** "О христианском максимализме", "Путь", № 29, стр. 49-67, 1931.
22. **Он же.** "Ответ Г. П. Федотову о церковном расколе", "Путь", № 31, стр. 89-101, 1931.
23. **И. Стратонов.** "Русская церковная смута", Берлин, 1932.
24. **С. Троицкий.** "Размежевание или раскол?", Париж, 1932.
25. **Он же.** Брачне парнице русских избеглица", "Архив за правне и друштвене науке", Апрель, 1929, стр. 253-260.
26. "Церковь в России", Орган Русского Христ. Студ. Движения, 1929, № 1-2.
27. "Письмо Митр. Евлогия Сербскому Патриарху Димитрию", 1927 г. (о выступлениях против него Карловацких иерархов).
28. "Воззвание Епархиального Управления", Митр. Евлогия (против Карловацкого Управления) от 26/VIII-1928 г.
29. "Положение заграничных церквей Русской Патриархии за время революции". Меморандум Фотиевского Братства в Париже, август, 1928.
30. **А. Карташев.** "В поисках мира церковного" (Отзыв о книге проф. Троицкого "Размежевание или раскол?"), "Россия и Славянство", 9/IV-1932 г., № 176.
31. "Послание Митр. Сергия Патриарху Варнаве" от 19/XII-1933 г., "Голос Литовской Правосл. Епархии", 1934, № 1-2, стр. 4-5.
32. "Указ Московской Патриархии" от 27/IV-1934 г. (о новом титуле Митр. Сергия), "Голос Литовск. Епархии", 1934, № 6-7, стр. 55-56.
33. "Указ Моск. Патриархии" (о группе русских правосл. епископов в Ср. Карловцах) от 22/VI-1934 г., № 944, "Голос Литовск. Епархии", № 6-7, стр. 57-58.
34. **Проф. И. А. Стратонов.** "Примирение митрополитов и значение этого факта", "Голос Литовск. Епархии", 1934, № 6-7, стр. 59-63.

35. "Торжество в Моск. Патриархии", № 9-10, стр. 82-85, "Журн. Моск. Патр.", 1934, № 20-21.
36. **Проф. И. Стратонов.** "Худой мир", "Голос Литовск. Епархии", 1935, № 1-2, стр. 5-10, № 3, стр. 23-26.
37. **М. Елевферий.** "Церковный парижский откол", 1931.
38. **Он-же.** "Неделя в Патриархии", Париж, 1933.
39. **Он-же.** "Мой ответ Митрополиту Антонию", Париж, 1935.
40. **Глуховцева Елисавета.** "Евангелски дани у Русији", Ниш, 1931 (было издано и по-русски).
41. **Митр. Сергей.** "Послание Патриарху Варнаве о примирении отколовшихся", Белград, 1933.
42. **В. Родзянко.** "Краткая история раскола в Русской Церкви заграницей и попытки к его прекращению", 1935 (рукопись).
43. Опровержение Московской Патриархии (против статьи в "Православной Руси"), "Голос Литовской Епархии", 1935, № 7-9, стр. 103-105.
44. **Д. А. Ишевский.** "Божие" и "Кесарево" (Беседа с Митр. Елевферием), "Путь", № 46, стр. 37-50, 1935.
45. **М. Елевферий.** "Об Искуплении". Письма Митр. Антонию (Храповицкому) в связи с его сочинениями "Догмат Искупления" и "Опыт Христианского Православного Катихизиса", Париж, 1936.
46. **М. Елевферий.** "Соборность Церкви" (Божие и Кесарево), Париж, 1938.
47. "Правда о религии в России", изд. Московская Патриархия, 1942.
48. **С. Троицки.** "Избор Митр. Сергија за Патријарха Руске Цркве са гледишта канонске норме", 1943 (рукопись).
49. **Paul V. Anderson.** "L'Eglise et la Nation en U.R.S.S.", Paris, 1946.
50. **Алексей Степанов.** "Глубокие причины", "Русские Новости". 1949, № 234.
51. **Архим. Митрофан.** "Отзыв" на "Обращение к правосл. обществу с разъяснением от духовенства в Марокко (юрид. Арх. Синода)". Рабат, 1953. (литографиров.).
52. **Глеб Рар (А. Ветров).** "Плененная Церковь", изд. "Посев". Франкфурт на Майне, 1954.
53. **Свящ. Владимир Родзянко.** "Взаимоотношение Церкви и Государства в СССР" (Доклад, прочит. в Субботице 25/II-1948), "Russian Orthodox Catholic Church, 1954 — Year Book" (стр. 105-129). — Также в отдельн. литографиров. издании, Париж, 1949.

В "Журнале Московской Патриархии"

54. **Патриарх Алексей.** "Обращение к архипастырям и клиру так наз. Карловацкой ориентации", 1945, № 9, стр. 9-12.
55. "Обращение" дальневосточных иерархов и ответ Патриарха Алексия, 1945, № 10, стр. 5-6.
56. **Митр. Николай.** "Наше пребывание во Франции", 1945, № 10, стр. 14.

57. "К пребыванию Митр. Николая Крутицкого в Париже", 1945, № 11, стр. 43-44.
 58. **Епископ Сергей.** "Несколько слов по поводу раскольничьей деятельности Митр. Анастасия", 1946, № 3, стр. 26-31.
 59. **Прот. Д. Боголюбов.** "Архиерейский собор Русской Православной Церкви за границей 26 апреля-9 мая 1946 г.", 1946, № 9, стр. 74-77.
 60. **Прот. М. Викентьев.** "Еще один Мюнхен", 1946, № 9, стр. 78-80.
 61. **С. Троицкий.** "Идеология Карловацкого раскола", 1948, № 2, стр. 43-50.
 62. **Прот. Г. Разумовский.** "Опровержение злостной клеветы", 1948, № 12, стр. 25-26.
 63. **Митр. Серафим.** "Без канонов", 1949, № 6, стр. 34-39.
 64. **А. Ястребов и Р. Днепров.** "О Митрополите Николае", 1952, № 4, стр. 50-52.
 65. "Святое дело". (Обращение архим. Мстислава), 1953, № 12, стр. 16-17.
 66. **А. Ведерников.** "За оградой Матери-Церкви", 1953, № 7, стр. 32-39.
 67. **Свящ. И. Потапов.** "Обзор церковной жизни за 1953 г.", 1954, № 1, стр. 19.
 68. **А. Шишкин.** "Путь духовной гибели", 1954, № 2, стр. 46-51.
 69. **А. Алешин.** "Ложная позиция в важном деле", 1954, № 1, стр. 69-70.
 70. **А. Иванов.** "Православие в Америке", 1955, № 3, стр. 71-76.
-

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
-------------------	---

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1. Авторитетность Всероссийского Собора	7
2. Правильность единоличного управления Церковью и преемства власти в ней путем завещания	8
3. Значение церковной децентрализации	10
4. Мнимые ошибки Патриарха Тихона	14
а) Послание о прекращении духовенством борьбы с Советской властью	15
б) Указ об упразднении Карловацкого Управления ..	16
в) Резолюция на прошении обновленцев	19
г) Заявление Верховному Суду	19
д) Молитва за Советскую власть	25
е) Завещание Патриарха	27
Общая оценка деятельности Патриарха Тихона	30
5. Оценка деятельности Митрополита Сергия до его декларации о легализации	32

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1. Происхождение декларации	41
а) Была ли декларация вынуждена?	41
б) Была ли декларация издана с превышением полномочий?	42
2. Последствия декларации	43
а) Что было легализовано?	44
б) Декларация и раскол	44
в) Декларация и гонения	45
г) Отношение к декларации народа	46
3. Оценка декларации и действий Митр. Сергия епископатом, клиром и мирянами	46
а) Превышение власти	47
б) Сближение с Советской властью	47
в) Оценка последствий декларации	49

4. Самозащита Московской Патриархии	53
5. Каноничность Соборов Русской Церкви 1943 и 1945 г.г.	62
6. Мчимые вины Митрополита Сергия	68
а) Превышение власти	68
б) Действия в пользу врагов Церкви	70
1) Подчинение врагам	72
2) Перемещение епископов	73
3) Оклеветание исповедников	74
4) Отрицание гонений за веру	76
5) Потворство безбожию	77
6) Поминование власти	78
7. Благие результаты политики Митр. Сергия	81
8. Миф о “катакомбной Церкви”	83
9. Личные характеристики	86
10. Коммунизм и язычество	92

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

1. Неканоничность Карловацкого ВЦУ	95
а) Постановление о нем Константинопольской Патриархии	95
б) Осуждение его Патриархом Тихоном	96
в) Карловацкое ВЦУ и каноны	98
г) Карловацкий “Собор” и Генуэзская Конференция.	99
д) Акты Московской Патриархии о Карловацком ВЦУ.	100
е) Где “правильный путь”?	106
ж) Карловацкое ВЦУ и Гитлер	109
з) Мнимые доказательства каноничности Карловацкого ВЦУ	117
2. Карловацкое ВЦУ и Экзархаты	120
а) Константинопольский Экзархат	120
б) Американская Митрополия	123
в) Московские Экзархаты	129
3. Заключение	135

ПРИЛОЖЕНИЕ

Источники и литература	141
------------------------------	-----